

ПЕРЕЖИВШИЕ АД:

*свидетельства жертв
о местах незаконных
лишений свободы на
Донбассе*

Киев

2015

УДК 341.231.14:341.34-058.65(477.61+477.62)(08)

ББК 67.412(4Укр-4Дон-4Луг)я4

Пз9

Пз9 **Пережившие ад: свидетельства жертв о местах незаконных заключений на Донбассе / Коалиция общественных организаций и инициатив «Справедливость ради мира на Донбассе». Белоусов Ю.П., Кориневич А.А., Мартыненко А.А., Матвийчук А.В., Павличенко А.Н., Роменский Я.В., Швец С.П.; под редакцией авторов. Киев: ЦП Компринт, 2015 – XXX с.**

ISBN 978-966-929-033-2

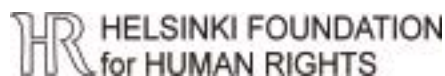
УДК 341.231.14:341.34-058.65(477.61+477.62)(08)

ББК 67.412(4Укр-4Дон-4Луг)я4

ISBN 978-966-929-033-5

© Авторы

© Коалиция общественных организаций и инициатив «Справедливость ради мира на Донбассе»

Издание является итогом мониторингового исследования, проведенного Коалицией общественных организаций и инициатив «Справедливость ради мира на Донбассе» в тесном сотрудничестве с Уполномоченным Верховной Рады Украины по правам человека, которое имело целью документирование фактов серьезных нарушений прав человека, связанных с незаконным лишением свободы в зоне вооруженного конфликта на востоке Украины.

Исследование основывается на показаниях тех, кто был незаконно помещен в места несвободы в Донецкой и Луганской областях пророссийскими вооруженными формированиями, на данных, собранных в ходе мониторинговых визитов в места несвободы на освобожденных территориях, на информации, полученной от органов государственной власти, а также из открытых источников. Собранные факты свидетельствуют о наличии грубых и системных нарушений прав человека в отношении лиц, которые были незаконно помещены в места несвободы, находились там в нечеловеческих условиях и подвергались пыткам.

На основе собранной информации авторы отчета предлагают комплекс мер, направленных на прекращение выявленных нарушений прав человека на неподконтрольных украинскому правительству территориях, привлекают внимание международной общественности к описанным проблемам, а также настаивают на привлечении к ответственности лиц, виновных в указанных нарушениях.

Этот проект софинансирован в рамках программы польского сотрудничества для развития Министерства иностранных дел Республики Польша
Программа „Поддержка демократии“

СОДЕРЖАНИЕ

РЕЗЮМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ	7
БЛАГОДАРНОСТЬ	8
ВСТУПЛЕНИЕ	9
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР	10
МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ	11-14
РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ ВО ВРЕМЯ ВООРУЖЕННОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ	15-20
МЕСТА НЕСВОБОДЫ В ЗОНЕ АТО	21-27
ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРОЦЕСС ЗАДЕРЖАНИЯ	28-39
«ПЕРСОНАЛ» МЕСТ НЕСВОБОДЫ	40-47
УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ	48-56
ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ, ЛИШЕННЫМИ СВОБОДЫ	57-77
ВЫВОДЫ	78-79
РЕКОМЕНДАЦИИ	80-82
ИНФОРМАЦИЯ О КОАЛИЦИИ «СПРАВЕДЛИВОСТЬ РАДИ МИРА НА ДОНБАССЕ»	83

РЕЗЮМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование мест незаконного лишения свободы открыло для публичного обсуждения лишь незначительный спектр рисков, несущих угрозу фундаментальным правам и свободам человека в условиях вооруженного конфликта на Донбассе.

Так, результаты исследовательской работы убедительно свидетельствуют о наличии чрезвычайно широкой и одновременно слабо контролируемой сети незаконных мест несвободы в Донецкой и Луганской областях. Показания жертв незаконного лишения свободы указывают на критически высокую степень вероятности попадания в такие места представителей практически всех целевых групп — общественных активистов, рядовых граждан, представителей органов власти и бизнесменов, военных.

Пребывание в незаконных местах заключения так называемых «ДНР» и «ЛНР» сопровождается избиениями, увечьями и пытками задержанных лиц в масштабах, которые требуют применения не только национальных, но и международных механизмов восстановления нарушенного права.

Полученные результаты в то же время обозначили ряд важных проблем, требующих своего освещения в дальнейших исследованиях.

Речь идет, прежде всего, о проблемах выявления, документальной фиксации и регулярного инспектирования всех мест несвободы в зоне АТО, которое должно осуществляться с целью не допустить нарушений норм гуманитарного права и стандартов обращения с заключенными.

Во-вторых, весьма проблематичным является вопрос оценки убытков, которые несут граждане в зоне проведения АТО при незаконных задержаниях и арестах, жестоком обращении и — как самой тяжелой форме его проявления — при пытках. Указанный вопрос связан с необходимостью планирования и разворачивания национальной системы психологической и социальной поддержки лиц, находившихся в местах несвободы — как гражданских, так и военных, — что требует профессионального потенциала, бюджетных расходов и длительного времени.

Не менее важной с позиций международного права представляется проблема надлежащего документирования военных преступлений и нарушений прав человека, совершенных в ходе конфликта на Донбассе, что предполагает достаточно сложный комплекс согласованных действий органов власти и гражданского общества: сбор и надлежащую обработку полученных свидетельств, защиту информации и персональных данных, постоянное расширение источников информации, формирование доказательной базы для органов национальной и международной юстиции.

Указанные проблемы стали очевидными благодаря изучению лишь незначительной доли пострадавших в рамках нашего исследования и, безо всякого сомнения, получат свое решение благодаря привлечению внимания к ним со стороны международной экспертной среды. В надежде именно на такое развитие событий коллектив нашего проекта приглашает к сотрудничеству межгосударственные фонды и структуры, международные организации и отдельных экспертов, органы власти Украины.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Подготовка издания, которое уважаемый читатель держит в руках, является результатом кропотливой работы многих людей.

Авторы отчета выражают искреннюю благодарность за сотрудничество своим коллегам-правозащитникам, представляющим организации-члены Коалиции «Справедливость ради мира на Донбассе». Именно их усилиями были собраны свидетельства лиц, помещенных в незаконные места лишения свободы. Без кропотливой работы этих людей, которые провели несколько сотен часов, собирая интервью и обрабатывая их результаты, это издание было бы невозможным. Прежде всего хотим отметить работу Алексея Беды (Украинский Хельсинский союз по правам человека), Евгении Бардяк (Ивано-Франковская областная организация «Молодая Просвита»), Дениса Денисенка и Валерия Новикова (ЛОПЦ «Альтернатива»), которые качественно опросили наибольшее количество респондентов. Отдельная благодарность Ксении Шиманской (Центр гражданских свобод), которая осуществляла координацию работы интервьюеров.

Важным для успеха данного исследования (особенно для сбора информации от органов государственной власти и в зоне АТО) было сотрудничество команды проекта с офисом Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Мы выражаем личную благодарность Валерии Владимировне Лутковской за всестороннюю поддержку в этом проекте.

Особые слова благодарности говорим нашим польским партнерам из Хельсинского Фонда прав человека (координатор проекта — Богна Хмилевская), благодаря финансовой поддержке которых стали возможными подготовка и публикация этого мониторингового отчета. Экспертная и моральная поддержка польских коллег, действительно партнерский подход к реализации совместной инициативы наполнили реализацию проекта духом настоящей международной солидарности и поддержки. Премного благодарны за это!

Авторы отчета

ВСТУПЛЕНИЕ

События в Донецкой и Луганской областях, вызванные агрессией со стороны Российской Федерации, стали причиной отсутствия безопасности всех, кто пребывает на территории, неподконтрольной Украине. На этой территории не действует никакое право, там нет законов, как и законных органов управления, фактический контроль за ситуацией осуществляется со стороны вооруженных группировок, которые руководствуются собственными соображениями и понятиями относительно соблюдения порядка и законности. De facto и de jure эта территория является зоной серого права, где сила права не действует, а действует исключительно право силы. Это является причиной тех грубых нарушений, связанных с незаконным лишением свободы лиц на территории Луганской и Донецкой областей, которые и стали объектом исследования данного доклада.

Свидетельства жертв, которые были различными способами захвачены и помещены в места несвободы, указывают на откровенное пренебрежение основными условиями обращения с лицами, лишенными свободы. Это уже само по себе приравнивает содержание в таких условиях к пыткам или жестокому обращению. Об отсутствии медицинской помощи, элементарных санитарных условий, воды и питания, контакта с родными и близкими свидетельствуют почти все очевидцы, прошедшие ад плена. Отсутствие права порождает безнаказанность и произвол со стороны тех, кто пытается силой контролировать захваченные украинские территории в Донецкой и Луганской областях. Собранный в докладе материал указывает на масштабность и серьезность нарушений прав лиц, которые были незаконно помещены в места несвободы.

Команда проекта, состоящая из представителей правозащитных организаций — членов Коалиции «Справедливость ради мира на Донбассе», — считает своей первоочередной задачей собрать и представить информацию о нарушениях, которые не имеют перспективы быть расследованными в современных условиях при отсутствии правовых механизмов защиты прав человека на неподконтрольной Украине территории.

При проведении исследования опрашивались лица, которых сепаратисты незаконно лишили свободы, однако не секрет, и этому есть подтвержденные случаи, что подобная практика незаконного лишения свободы применялась и проукраинскими силами, в частности, представителями добровольческих батальонов. В обоих случаях имеет место грубое нарушение прав человека, однако эти две ситуации в то же время существенно отличаются масштабом проблемы. Пророссийские незаконные вооруженные формирования совершали и продолжают совершать свои преступления, лишая незаконным образом свободы, безо всякого расследования или наказания. Их жертвы не имеют никакой возможности обжаловать такие преступные действия. Безнаказанность порождает расширение масштабов преступлений.

В то же время по каждому случаю нарушения права на свободу представителями добровольческих батальонов Украины, когда о таком преступлении становится известно, правоохранительные органы проводят расследование уголовного преступления по статье 146 Уголовного кодекса Украины. Ситуация мониторится правозащитными организациями, офисом Уполномоченного Верховной Рады Украины по правам человека. Пострадавшие от такого преступления лица имеют реальную возможность обратиться в правоохранительные и судебные органы, требовать надлежащего расследования и наказания виновных в совершении подобных преступлений. Сегодня происходят расследования и судебные процессы над бойцами добровольческих батальонов «Айдар» и «Торнадо», которых обвиняют в том числе и в незаконном лишении свободы отдельных лиц.

Команда проекта ставит перед собой будущей целью исследование фактов незаконного лишения свободы лиц на неподконтрольной Украине территории, вполне осознавая наличие таких рисков, как отсутствие доступной базы респондентов, отсутствие официальных источников информации и противоречивость правовых позиций при оценке действий представителей государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

АКС – автомат Калашникова со складным металлическим прикладом

АК 47 – автомат Калашникова образца 1947 года

АТО – антитеррористическая операция

БДИПЧ/ОБСЕ – Бюро демократических институтов и прав человека / Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе

БМП – боевая машина пехоты

БТР – бронетранспортер

ВСУ – Вооруженные силы Украины

ДАП – Донецкий аэропорт

ЕКПЧ – Европейская конвенция по правам человека

ИВС – изолятор временного содержания

МВД Украины – Министерство внутренних дел Украины

НЗФ – незаконные вооруженные формирования

НПО – неправительственная организация

ОВД – органы внутренних дел

ООН – Организация Объединенных Наций

ПМ – пистолет «Макарова»

РПК – ручной пулемет Калашникова

РПЦ - Русская православная церковь

С - ***, С.М - *** – шифры для различных типов дел, которые использовались исследовательской группой при проведении исследования

СБУ – Служба безопасности Украины

СКС – самозарядный карабин Симонова

УБОП – Управление по борьбе с организованной преступностью

УПЦ (МП) – Украинская православная церковь (Московского патриархата)

ФСБ – Федеральная служба безопасности Российской Федерации

I. МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Анализ сообщений неправительственных организаций, СМИ и многочисленных пострадавших свидетельствует о наличии разветвленной сети неофициальных мест несвободы различных типов на территории, контролируемой вооруженными группами, идентифицирующими себя как «Донецкая народная республика» и «Луганская народная республика» (далее — т.н. «ДНР / ЛНР»). Это вызвано, прежде всего, чрезвычайно изменчивой ситуацией в зоне конфликта, большим количеством вооруженных формирований различного подчинения и происхождения, отсутствием действенных механизмов контроля за соблюдением требований закона.

Одновременно существует правовая неопределенность мест несвободы на территории т.н. «ДНР», «ЛНР», поскольку даже специально созданные для этих функций помещения (например, бывшие изоляторы временного содержания органов внутренних дел), которые используются антиправительственными вооруженными группами, нельзя считать официальными.

Именно поэтому, исходя из интересов общеприятых прав человека, возникает потребность в проведении объективного исследования не только мест несвободы, существующих в зоне проведения антитеррористической операции, но и самих процедур обращения с задержанными лицами.

1.1. ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ

Основной целью исследования является документирование фактов серьезных нарушений прав человека, связанных с незаконным лишением свободы в зоне вооруженного конфликта на востоке Украины, привлечение внимания международной экспертной среды для их дальнейшего расследования, а также привлечения виновных к ответственности как в национальных, так и в международных инстанциях.

В соответствии с этим в качестве основных задач исследования были определены:

- Представление краткой хронологии вооруженного конфликта и его оценки с позиций международного гуманитарного права.
- Анализ требований международного гуманитарного права и национального законодательства в контексте обращения с пленными и соблюдения прав лиц, содержащихся в местах несвободы.
- Характеристика мест несвободы в зоне антитеррористической операции (далее АТО), оценка реального масштаба случаев содержания людей в неофициальных местах несвободы.
- Установление обстоятельств попадания в места несвободы и освобождения различных категорий задержанных.
- Анализ условий пребывания и обращения в местах несвободы.
- Формирование пакета рекомендаций международным и национальным субъектам относительно контроля за местами несвободы в зоне АТО, предоставление социальной и юридической помощи жертвам жестокого обращения.

Дополнительно, учитывая быстроту изменения ситуации на востоке Украины, были сформированы факультативные задачи:

- Обработка собранного материала с перспективой дальнейшей передачи в Международный уголовный суд;
- Подготовка доклада для ежегодного совещания по человеческому измерению БДИПЧ/ОБСЕ;
- Использование полученных материалов при формировании стратегии действий НПО и украинской власти в сфере эффективного расследования нарушений прав человека во время вооруженного конфликта на востоке Украины.

1.2. ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОВЕДЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

Организационно реализация исследовательского проекта была разделена по времени на три стадии: подготовительную, практическую и стадию обобщения полученных результатов.

Подготовительная стадия (май 2015 г.)

В ходе нескольких рабочих встреч участниками проекта была согласована концепция исследования, разработан инструментарий и определена методология мониторинга.

Отдельно были конкретизированы необходимые источники информации — специфические кластеры интернет-ресурсов, статистика и официальные данные органов власти, отчеты международных миссий и организаций, персональные архивы. Для расширения источников информации дополнительно была проведена работа с многочисленными волонтерскими организациями и инициативами, которые предоставляют в зоне АТО юридическую, психологическую и гуманитарную помощь, а также с представителями омбудсмана и групп переговорщиков по обмену пленными.

Были изучены опросники, которые сейчас используют организации для фиксации фактов нарушений прав человека в условиях вооруженных конфликтов. В частности, при разработке инструментария были учтены опросники центра «Documenta» (Center for Dealing with the Past, Хорватия), Норвежского Хельсинского комитета, Центра документирования Н. Эстемировой (Норвегия). Одновременно были приняты во внимание полевые анкеты опроса, разработанные Центром гражданских свобод (Украина).

При подготовке инструкции для интервьюеров были также учтены материалы международной организации Witness (США).

На подготовительной стадии был разработан опросник «Права человека в зоне АТО: места несвободы», который прошел пилотную апробацию и был скорректирован в соответствии с замечаниями и дополнениями экспертов. Дополнительно к опроснику были разработаны следующие сопроводительные документы:

- гарантийное письмо Коалиции о защите сообщенной информации;
- бланк заявления респондента о согласии на обработку его персональных данных с целью документирования факта нарушений прав человека в зоне военного конфликта и сообщении международным организациям о фактах нарушений прав человека;
- бланк с личными данными лица, находившегося в местах несвободы;
- бланк расшифровки интервью;

- «Дорожная карта» — контакты организаций и учреждений, оказывающих помощь в социальной адаптации жертвам похищения и пыток.

В рамках проекта были проведены конкурсный отбор исследователей и цикл многодневных тренингов. Будущие интервьюеры по специально разработанной программе прошли тренинг по методикам фиксации показаний потерпевших, по установлению психологического контакта и по основам информационной безопасности.

Практическая стадия (июнь-сентябрь 2015 г.)

Деятельность на этой стадии исследования велась по четырем направлениям:

1. Мониторинг интернет-ресурсов, который охватывал сообщения в социальных сетях, информацию на сайтах волонтерских и международных организаций, фото/видеоматериалы на информационных порталах всех участников конфликта (Украина, т.н. «ДНР/ЛНР», РФ).

2. Анализ законодательства касался международных стандартов прав человека (ст. 2, 3, 5, 15 ЕКПЧ), практики международных органов (Комитет ООН по правам человека, Европейский суд), а также норм международного гуманитарного права и национального законодательства. Внимание было акцентировано на оценке действий сепаратистских и российских вооруженных формирований относительно выполнения требований в сфере обращения и содержания в местах несвободы гражданских лиц (non-combatants) и военнопленных (combatants).

3. Сбор статистических данных от официальных органов власти путем информационных запросов позволил обобщить предварительные данные о масштабах похищения граждан или попадания их в плен на территории Донецкой и Луганской областей, неподконтрольной украинской власти. Информационные запросы также ставили целью изучить количество известных мест несвободы в зоне АТО, их принадлежность к военным подразделениям и вооруженным формированиям.

4. Работа с респондентами проводилась по методике, близкой к той, которую использует Human Rights Watch. Члены Коалиции сформировали команду экспертов-фиксеров (fixers), которые проводили предварительное общение с представителями местных правозащитных организаций и гражданского общества, волонтерами, представителями власти. Результатом такого общения была фиксация контактных лиц, которые непосредственно владеют информацией о нарушениях прав человека, которые были потерпевшими или свидетелями. С контактными лицами-респондентами затем работала группа собственно интервьюеров. Ре-

спонденты были разделены на категории военнослужащих (combatants) и гражданских лиц (non-combatants).

Содержательный отчет по каждому интервью включал:

- 1) аудиозапись или видеозапись;
- 2) расшифровку аудиозаписи на бланке;
- 3) заполненный опросник;
- 4) письменно оформленное согласие опрашиваемого лица на использование собранной информации.

ції.

Обобщение полученных результатов (сентябрь 2015 г.)

Работа фиксеров и интервьюеров позволила собрать 165 формализованных анкет, которые были обработаны группой экспертов-аналитиков и внесены в базу данных, что функционирует на основе программного комплекса Мемех Patriarch. Эта база данных используется украинскими НПО для формирования общего массива систематизированных данных о преступлениях, совершаемых в ходе вооруженного конфликта на Донбассе. Количественные результаты были дополнены результатами контент-анализа СМИ и интернет-ресурсов.

Отбор респондентов производился методом случайной выборки из общего числа известных на сегодня лиц, что составляет 3 203 человека — это максимально возможное количество граждан, большая часть которых, согласно официальным данным СБУ, была освобождена из мест несвободы т.н. «ДНР/ЛНР» в период с апреля 2014 по октябрь 2015 года, в то время как до 300 человек еще остаются заложниками террористов.

Учитывая относительно небольшое количество интервью, мы не можем распространить полученные результаты на всю совокупность арестованных людей, находившихся в местах несвободы в зоне АТО течение 2014–2015 гг. Однако сбалансированное распределение респондентов по географическому признаку и причинам их задержания, социальному статусу и участию в событиях позволяет утверждать, что полученные результаты отображают общую специфику и проблемы пребывания арестованных или военных в местах несвободы в зоне АТО. Одновременно такой подход не опровергает перспективных направлений дальнейших исследований в этой области, изложенных в заключительной части отчета.

Удовлетворительный уровень репрезентативности подтверждают качественные результаты, зафиксированные в текстах интервью, что дает возмож-

ность предоставить достоверную оценку реального положения вещей. В тексте отчета приводятся наиболее характерные качественные данные в виде цитат, что позволяет более четко проиллюстрировать результаты количественного анализа.

Собранная информация прошла предварительную оценку, доработку и обработку в соответствии с требованиями, разработанными исследователями. Результаты исследования могут считаться репрезентативными для всей генеральной совокупности (статистическая ошибка не превышает 7% при доверительной вероятности 95%).

Предыдущая версия отчета была представлена в сентябре 2015 г. во время ежегодного совещания по человеческому измерению БДИПЧ/ОБСЕ и была обсуждена дипломатами и представителями общественных организаций, которые представляли различные стороны конфликта.

Дальнейший анализ позволил сделать содержательные обобщения и сформировать пакет рекомендаций международным и национальным субъектам, которые в дальнейшем будут заниматься вопросами помощи жертвам жестокого обращения в местах несвободы в зоне АТО.

1.3. УЧАСТНИКИ ИССЛЕДОВАНИЯ И ИХ КВАЛИФИКАЦИЯ

Разработка методологии и инструментария исследования, а также обобщение результатов осуществляла группа профессиональных аналитиков в этой сфере. За качество обработки анкет и внесения их в базу данных отвечали два специалиста по документированию нарушений в ходе военного конфликта Коалиции общественных организаций «Справедливость ради мира на Донбассе», имеющие необходимый опыт работы с информационными системами. Отобранные фиксеры и интервьюеры прошли тренинг по методикам фиксации показаний потерпевших, по установлению психологического контакта и основам информационной безопасности.

1.4. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В ходе исследования использовались три основных метода работы с информацией: сравнительный анализ правовых источников, контент-анализ интернет-ресурсов, а также интервьюирование лиц, находившихся в местах несвободы в качестве арестованных/военнопленных.

Сравнительный анализ

Прежде всего были проанализированы положения четырех Женевских конвенций (1949 г.) о защите жертв войны, которые посвящены улучшению участи раненых и больных в действующих армиях, обращению с военнопленными, защите гражданского населения во

время войны, защите жертв вооруженных конфликтов. Дополнительный анализ требований документов из сферы международного права и внутреннего законодательства позволил решить проблему адекватной оценки фактов и условий пребывания в местах несвободы в зоне АТО.

Контент-анализ

Для его проведения был определен перечень веб-ресурсов, который расширялся в ходе исследования, материалы из этих веб-ресурсов подлежали регулярному изучению на предмет наличия фактов жестокого обращения с задержанными лицами в зоне конфликта. Информация, касающаяся сферы исследования (фото, видео, скриншоты), копировалась в базу данных для дальнейшего использования.

Интервью

Исследователи проводили интервью с лицами, которые были арестованы или взяты в плен и некоторое время пребывали в местах несвободы. Интервью проводились в формате частной беседы с респондентом, с постановкой вопросов для уточнения и детализации фактов, что обеспечивало конфиденциальность и неприкосновенность частной жизни свидетеля, а также помогало избежать ложных показаний, преувеличения и домыслов; все это способствовало достижению надлежащего уровня достоверности показаний, подтвержденных заявлениями респондентов.

В ходе интервью респондентов просили изложить собственное видение следующих моментов:

- обстоятельства и процесс задержания;
- описание места несвободы и условий пребывания в нем;
- возможность получать медицинскую помощь;
- допрос и принудительные работы в местах несвободы;
- информация о других арестованных и задержанных;
- информация о полученных повреждениях;
- лица, которых удерживали в месте несвободы;
- информация о поддержке т.н. «ДНР» и «ЛНР» со стороны РФ;
- обстоятельства освобождения;
- применение пыток и казней;
- меры, которые уже были приняты лицом после освобождения.

Во избежание повторной травматизации лиц, подвергшихся жестокому обращению, респондентов подробно информировали о целях и задачах интервью, получали согласие на его проведение. Одновременно респонденты получали заверения в обеспечении конфиденциальности предоставленной информации и соответствующее гарантийное письмо от имени Коалиции. Респондентам также сообщалось о возможности в любой момент завершить интервью или не отвечать на вопросы. Отдельным моментом было получение согласия респондента на аудио-, видеозапись интервью и обработку персональных данных.

Интервью всегда проводилось на языке, которым свободно владел респондент — на украинском или русском.

II. РАЗВИТИЕ СОБЫТИЙ В ХОДЕ ВООРУЖЕН- НОГО КОНФЛИКТА НА ДОНБАССЕ

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВОРАЧИВАНИИ КОН- ФЛИКТА В ВОСТОЧНЫХ ОБЛАСТЯХ УКРА- ИНЫ

События, которые начались в 2014 г. в Луганской и Донецкой областях, являются следствием последовательных спланированных действий со стороны Российской Федерации, которая с помощью своей армии в феврале-марте 2014 г. осуществила оккупацию Крыма, нарушив устоявшийся международный порядок. После военного захвата Крыма Россия пыталась распространить свое влияние на другие территории Украины, однако повторить план, который был реализован в Крыму, уже было невозможно.

1 марта 2013 г. Владимир Путин вносит в Совет Федерации России обращение об использовании вооруженных сил Российской Федерации на территории Украины, и в этот же день Совет Федерации принимает постановление «Об использовании вооруженных сил на территории Украины», что фактически является публичным провозглашением намерения начать военные действия на территории Украины.

С этого времени пророссийские спецслужбы через подконтрольные радикальные организации, религиозные общины РПЦ и УПЦ (МП), местную агентуру инициировали акции протеста в Донецкой, Луганской, Николаевской, Запорожской, Одесской, Харьковской областях. Эти протестующие не признавали новое украинское правительство и выступали против вновь назначенных глав областных администраций под лозунгами федерализации Украины. В начале апреля 2014 г. подготовленные российской стороной группы начали захватывать административные здания в Донецкой, Луганской и Харьковской областях, 7 апреля была провозглашена т. н. «Донецкая

народная республика», 27 апреля — т. н. «Луганская народная республика». В Харькове 8 апреля удалось остановить подобный мятеж.

Отдельно следует отметить спланированную информационную кампанию со стороны Российской Федерации, под влиянием которой в значительной степени были вызваны сепаратистские настроения в восточных и южных областях Украины. Материалы российских СМИ были откровенно пропагандистскими и имели целью сформировать у аудитории чувства злобы и ненависти ко всему украинскому. С легкой руки российских СМИ часть населения стала воспринимать новую украинскую власть как «нелегитимную и неонацистскую». Страх перед «фашистами и бандеровцами», которые будут «вырезать русскоязычное население», породил волну инспирированного жестокого насилия в ответ на любые проявления украинского патриотизма на востоке Украины.

При активной военной поддержке Российской Федерации с ее территории на территорию двух восточных областей Украины начали засылаться незаконные вооруженные формирования. С начала боевых действий для вооружения сепаратистов в большом количестве начала прибывать военная техника и оружие, произведенные или еще в СССР, или в РФ. С апреля у незаконных вооруженных групп появилось также тяжелое вооружение, которого до этого у них не было. Одновременно РФ организовывала обучение боевиков на территории Ростовской области, после чего их засылали на территорию Украины.

Местной базой для сепаратистов выступили парамилитарные банды, так называемые «титущки», объединения донских казаков и кое-где организации воинов-ин-

тернационалистов, которых предыдущий авторитарный режим использовал для подавления мирного протеста Евромайдана в городах восточной Украины. Пользуясь содействием местных властей и попустительством правоохранительных органов, эти парамилитарные отряды при поддержке местных правоохранителей жестоко разгоняли митинги за единство Украины, били дубинками и арматурой участников мирных акций, независимо от возраста и пола, бросали шумовые гранаты, дымовые шашки, использовали слезоточивый газ и холодное оружие. В результате одного из таких нападений во время проведения мирной акции в Донецке 13 марта 2014 г. был убит 22-летний студент Дмитрий Чернявский (умер от полученных ножевых ранений). Организованные митинги «антимайданов» проводились под флагами Российской Федерации, фактически по сценарию захвата Крыма.

НЕЗАКОННЫЕ ВООРУЖЕННЫЕ ФОРМИРОВАНИЯ И ЭСКАЛАЦИЯ КОНФЛИКТА В ЛУГАНСКОЙ И ДОНЕЦКОЙ ОБЛАСТЯХ

Незаконные вооруженные формирования с оружием в руках начали захватывать институты государственной власти Украины — местные администрации, отделы или управления органов внутренних дел, Службы безопасности Украины, военкоматы, военные части, другие органы государственного управления — так, как это было сделано в Крыму в феврале-марте 2014 г.. Такие захваты начали происходить в Донецкой, Луганской и Харьковской областях, начиная с 6 апреля 2014 г.. Точно так же, как перед этим происходило в Крыму, российская пропаганда отрицала какое-либо военное вмешательство в восточных областях Украины (в частности, отрицалось появление тысяч вооруженных «зеленых человечков» — фактически военнослужащих РФ — в Крыму), маскируя собственных военнослужащих под «ополченцев», «шахтеров» и «трактористов». При этом сопротивление боевикам было оказывать сложно из-за фактической деморализованности правоохранительных органов на местах, а также из-за того, что среди сотрудников этих органов оказалось большое количество предателей, которые фактически перешли на службу к врагу. Отсутствие надлежащих военных и правоохранительных структур, инспирированные пропагандистские кампании стали причиной того, что с апреля 2014 г. началось активное вторжение вооруженных преступных группировок на территорию Донбасса и разворачивание военного конфликта.

С этого времени начинается череда преступлений, связанных с лишением свободы представителями незаконных вооруженных формирований различных категорий граждан Украины (военных, правоохранителей, гражданских лиц), применение ими пыток, убийств, что характерно для обычной бандитской среды.

Первой фазой конфликта стали захват и контроль антиправительственными пророссийскими незаконными вооруженными формированиями города Славянск Донецкой области и провозглашение курса на создание

т. н. «суверенных и независимых Донецкой и Луганской народных республик». По сути, с тех пор на территории Донецкой и Луганской областей идет вооруженное противостояние между Вооруженными силами Украины и другими военизированными формированиями Украины с одной стороны и организованными, фактически обученными, сформированными, вооруженными и управляемыми Российской Федерацией незаконными вооруженными формированиями т. н. «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» с другой. Под видом добровольцев РФ направляет свои вооруженные силы и военную технику в восточные области Украины, стремясь раздуть военный конфликт. Такая помощь включает как финансирование, поставки вооружений и топливных материалов, так и непосредственное замаскированное участие отдельных российских военнослужащих и целых подразделений Вооруженных сил Российской Федерации в этом конфликте.

ОЦЕНКА ВООРУЖЕННОГО ПРОТИВОСТОЯНИЯ В ДОНЕЦКОЙ И ЛУГАНСКОЙ ОБЛАСТЯХ С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Понятно, что такие события должны получить надлежащую оценку со стороны международного права. В частности, ключевую роль в правовом анализе ситуации в Донецкой и Луганской областях играет международное гуманитарное право (право вооруженных конфликтов или законы и обычаи войны) как часть международного права, которая квалифицирует ситуации вооруженных конфликтов, регулирует вопросы защиты жертв войны, а также применение средств и методов ведения войны. По мнению Международного суда ООН, которое было сформулировано в Консультативном заключении о законности применения или угрозы применения ядерного оружия в 1996 г., международное гуманитарное право является *lex specialis* (специальным правовым режимом) по отношению к международному праву прав человека, ведь оно способно более эффективно защищать права человека во время вооруженных конфликтов.

Международное гуманитарное право (или право вооруженных конфликтов) применяется при ситуациях международного вооруженного конфликта (вооруженного конфликта международного характера) и немеждународного вооруженного конфликта (вооруженного конфликта немеждународного характера). При этом договорное международное гуманитарное право не содержит определения вооруженного конфликта, а международные адьюдикационные (судебные) органы применяют определение вооруженного конфликта, предоставленное Международным уголовным трибуналом для бывшей Югославии по делу Душко Тадича. Этот суд определил, что вооруженный конфликт существует тогда, когда существует применение вооруженной силы между государствами и когда существует длительное применение вооруженной силы между государством и организованной вооруженной группой

или между организованными вооруженными группами. Таким образом, в соответствии с определением вооруженного конфликта в деле Тадича, международный вооруженный конфликт существует, когда имеет место любое применение вооруженной силы между государствами, а немеждународный вооруженный конфликт — когда имеет место длительное применение вооруженной силы между государством и организованной вооруженной группой или между организованными вооруженными группами.

К международным и немеждународным вооруженным конфликтам применяется разный объем норм международного гуманитарного права. К международным вооруженным конфликтам применяются четыре Женевские конвенции о защите жертв войны от 12 августа 1949 г., Дополнительный протокол I к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., «Гаагское право» в полном объеме, обычные нормы международного гуманитарного права.

К немеждународным вооруженным конфликтам применяются статья 3, общая для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., Дополнительный протокол II к Женевским конвенциям от 8 июня 1977 г., отдельные положения «Гаагского права», обычные нормы международного гуманитарного права.

Как представляется, можно говорить о двух отдельных правовых режимах вооруженного конфликта на Донбассе: немеждународном вооруженном конфликте между Вооруженными силами Украины и другими военными формированиями Украины с одной стороны и организованными антиправительственными вооруженными формированиями так называемых «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» (далее в тексте — «ДНР/ЛНР») с другой, и международном вооруженном конфликте между Вооруженными силами Украины и другими военными формированиями Украины с одной стороны и отдельными подразделениями Вооруженных сил Российской Федерации с другой.

Таким образом, в отношении между собой и в отношении гражданского населения Вооруженные силы Украины, другие военные формирования Украины и участники антиправительственных вооруженных формирований т. н. «Донецкой народной республики» и «Луганской народной республики» должны применять положения статьи 3, общей для всех четырех Женевских конвенций о защите жертв войны от 12 августа 1949 г. и Дополнительного протокола II.

В отношении между собой и при защите гражданского населения Вооруженные силы Украины, другие военные формирования Украины и военнослужащие Вооруженных сил Российской Федерации должны применять положения всех четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г. и Дополнительного протокола I. При этом международное гуманитарное право не при-

знает принципа взаимности в вопросе нарушений его положений одной из сторон вооруженного конфликта. Это означает, что нарушения международного гуманитарного права одной из сторон конфликта не должно и не может повлечь соответствующее нарушение международного гуманитарного права другой стороной конфликта.

Практические последствия такой квалификации вооруженного конфликта заключаются в следующем: у боевиков т. н. «ДНР/ЛНР» и регулярных войск Российской Федерации юридически разный объем прав по международному гуманитарному праву, хотя основные принципы, а также обязанности неизменны. Соответственно, у военнослужащих Российской Федерации и боевиков т. н. «ДНР/ЛНР» должен быть разный правовой статус и объем прав и гарантий при их задержании Вооруженными силами Украины. Точно так же и у украинских военнослужащих по международному гуманитарному праву должен быть различный правовой статус и набор прав и гарантий при их задержании регулярными войсками Российской Федерации и боевиками т. н. «ДНР/ЛНР» соответственно. Что касается обязательств сторон вооруженного конфликта при задержании гражданских лиц, то они одинаковы для всех видов вооруженных конфликтов.

ВОЕННАЯ ФАЗА КОНФЛИКТА НА ВОСТОКЕ УКРАИНЫ В 2014 – 2015 ГГ.

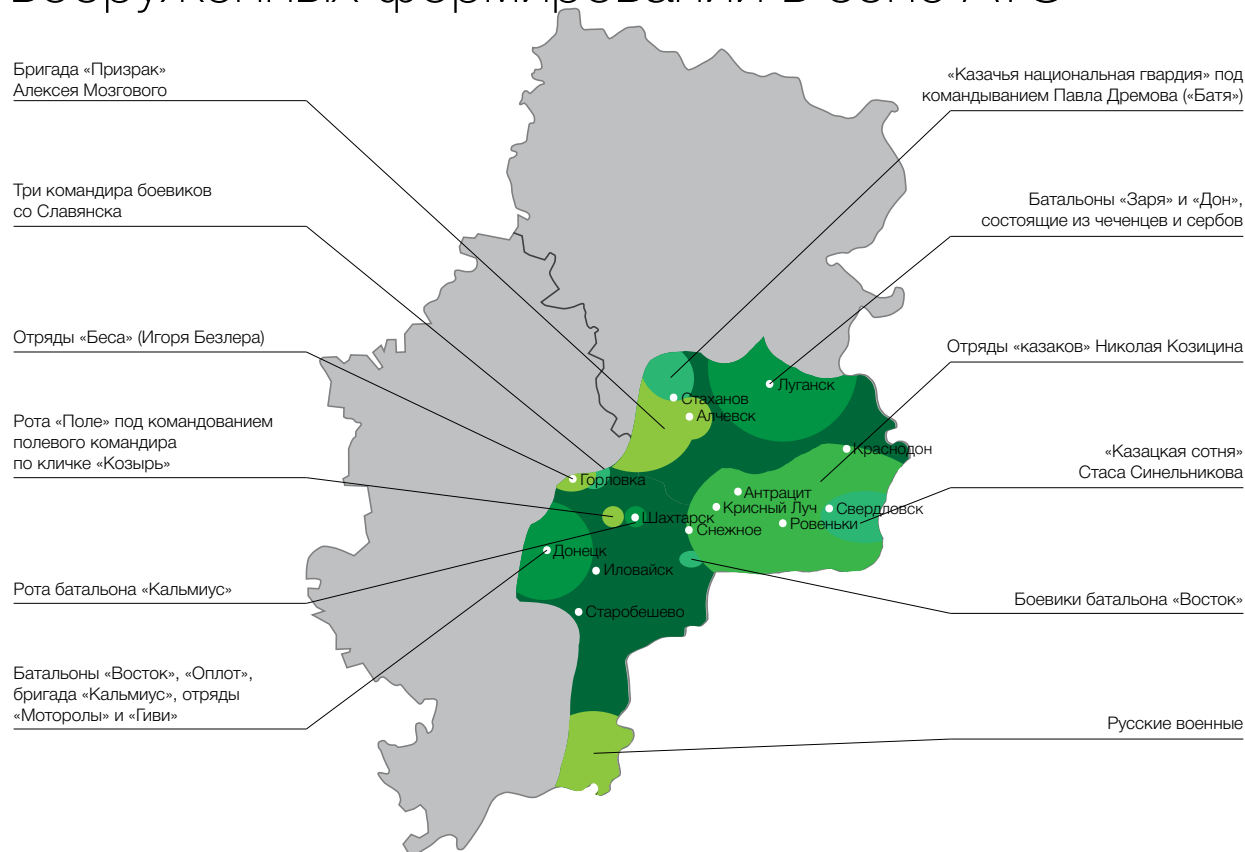
7 апреля 2014 г. были попытки захватов административных зданий в Харькове, Донецке и Луганске.

С целью сорвать повторение крымского сценария оккупации 14 апреля 2014 г. Указом и.о. Президента Украины было объявлено о начале антитеррористической операции, чем фактически было признано наличие пророссийских незаконных вооруженных формирований, и были начаты военные действия для прекращения их преступной деятельности.

В апреле 2014 г. незаконными вооруженными формированиями был захвачен ряд населенных пунктов на территории Луганской и Донецкой областей, в частности, 12 апреля был захвачен Славянск. 13-14 апреля происходят захваты Артемовска, Краматорска, Красно-го Лимана и Дружковки, Енакиево, Макеевки, Мариуполя, Горловки, Харцызска, Ждановки и Кировского. Позже состоялись захваты Новоазовска, Северского, Комсомольского и Старобешево. 1 мая было захвачено Родинское, 6 мая — Дебальцево.

Этот период характеризуется репрессиями против гражданского населения, когда вооруженные преступники самовольно отбирали собственность, преследовали сторонников единства страны, грабили и уничтожали имущество тех, кто уехал с захваченной территории. Создается организованная система похищения и пыток гражданских лиц, новые обороты набирает практика формирования т. н. «ликвидационных списков». Та-

Рис. 1. Карта размещения незаконных вооруженных формирований в зоне АТО

ким образом, пророссийские незаконные вооруженные формирования сразу сделали ставку на использование террора в качестве метода ведения войны для подавления сопротивления и удержания контроля над регионом.

В июне 2014 г. украинские войска начинают осуществлять зачистки захваченных территорий от незаконных вооруженных формирований и освобождают ряд населенных пунктов, в том числе города Мариуполь и Северск. С 1 июля 2014 г. начинается масштабное освобождение захваченных незаконными вооруженными формированиями территорий. В ходе военной операции Вооруженных сил Украины были освобождены Славянск, Красный Лиман, Краматорск, Дружковка, Константиновка, Дзержинское, Соледар, окончательно освобождены Артемовский, Мариинский, Славянский районы Донецкой области. В июле были также освобождены Рубежное, Северодонецк, Лисичанск, Кировск и Попасная.

Фактически речь идет о полномасштабных военных действиях, в ходе которых уже имеют место серьезные человеческие потери, в то же время происходят захваты лиц каждой из сторон. Незаконные вооруженные формирования обращаются с захваченными проукраинскими военными, правоохранителями и гражданскими лицами чрезвычайно жестоко, известны случаи отрезания ушей, отрубания конечностей, выкалывания глаз, распарывания животов.

В середине августа количество участников незаконных вооруженных формирований, воюющих против Украины в зоне АТО, значительно увеличивается, они прибывают из РФ вместе с дополнительным оружием и боеприпасами, чем доказывают, что именно Россия является инициатором и вдохновителем вооруженного захвата украинской территории.

10 августа начались бои за Иловайск, которые привели к окружению значительного количества военнослужащих Вооруженных сил Украины регулярными частями Вооруженных сил РФ. Несмотря на достигнутые договоренности, колонны украинской военной техники и военнослужащих, которые выходили из окружения по зеленому коридору, были расстреляны представителями вооруженных сил РФ, о чем существуют многочисленные свидетельства очевидцев. Значительное количество украинских бойцов при этом было незаконно захвачено и удерживалось в местах лишения свободы.

5 сентября в Минске была достигнута договоренность о прекращении огня, после чего интенсивность боевых действий стала меньшей.

Новое обострение боевых действий началось в январе 2015 г. после того, как был обстрелян пассажирский маршрутный автобус под Волновахой.

В феврале 2015 г. сложные бои велись за Дебальцево, на которое, несмотря на договоренности о прекращении огня, наступали пророссийские незаконные вооруженные формирования. В результате боев за Дебальцево небольшое количество украинских военных оказалось в плену — это была вторая после Иловайска ситуация, когда украинские военные оказались в окружении и часть из них попала в плен к боевикам.

С февраля 2015 г. до лета 2015 г. велись позиционные бои без значительных изменений в дислокации и передвижений сил каждой из сторон, а также без существенных потерь.

По данным ООН, с середины апреля 2014 г. до 27 июля 2015 г. погибли, по крайней мере, 6 832 человека (гражданских и военных) и, по меньшей мере, 17 087 человек были ранены в зоне конфликта на востоке Украины, о чем сообщила пресс-секретарь Управления Верховного комиссара ООН по правам человека Сесиль Пуйи 29 июля 2015 г. Эти цифры включают в себя также 298 жертв катастрофы малайзийского лайнера «Boeing»¹.

ПРАВОВОЙ СТАТУС УЧАСТНИКОВ КОНФЛИКТА С ПОЗИЦИЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

В результате военных действий и захвата отдельных населенных пунктов террористическими группировками были также захвачены и удерживались в местах несвободы значительное количество лиц, как гражданских, так и военных.

Стоит определиться с правовым статусом, а также с гарантиями, которые должны предоставляться отдельным лицам, задержанным во время вооруженного конфликта на Донбассе. Военнослужащим одного государства, захваченным во время вооруженных столкновений в плен военнослужащими другого государства, должен предоставляться статус военнопленных (prisoners of war). Военнопленный не считается преступником, ведь военнослужащие вооруженных сил государства во время вооруженного конфликта против вооруженных сил другого государства являются законными участниками вооруженного конфликта (комбатантами). Соответственно и военный плен военнопленного не является наказанием и не предусматривает уголовной ответственности. Военный плен имеет одну цель — ограничить дальнейшее участие военнослужащих в военных действиях. Права и гарантии предоставляются военнопленным III Женевской конвенцией от 12 августа 1949 г. об обращении с военнопленными. Правовой статус военнопленных возможен только в международных вооруженных конфликтах (вооруженных конфликтах между государствами).

Участники организованных вооруженных группировок, задержанные военнослужащими вооруженных сил государства во время вооруженных столкновений между ними, не имеют права на статус военнопленного. Они имеют статус задержанного лица (deprived of liberty, detainee), который определяется статьей 3, общей для четырех Женевских конвенций от 12 августа 1949 г., Дополнительным протоколом II и обычным международным гуманитарным правом. Задержанные имеют меньше прав и гарантий, чем военнопленные. Военнослужащие вооруженных сил государства, которые задержаны участниками организованных вооруженных группировок во время вооруженных столкновений между ними, также не имеют права на статус военнопленного. Они являются задержанными лицами.

Гражданские лица, которых задерживают во время вооруженного конфликта в отдельных районах Донецкой и Луганской областей, также, скорее всего, будут рассматриваться как задержанные лица. Таким образом, очевидно, что при задержании незаконными вооруженными группировками в Донецкой и Луганской областях как украинских военнослужащих, так и гражданских лиц правовой статус у двух этих категорий будет совпадать — они будут считаться задержанными лицами.

Две самые главные гарантии, которые должны предоставляться задержанным лицам по международному гуманитарному праву — это гуманное обращение с ними и право на справедливый суд.

Среди других важных гарантий, которые предоставляются задержанным лицам, имеются следующие:

- запрет посягательства на жизнь, здоровье, физическое и психическое состояние лиц, в частности, убийство, а также такое жестокое обращение, как пытки, нанесение увечий или любые формы телесных наказаний;
- запрет коллективных наказаний, захват заложников, совершения актов терроризма, надругательство над человеческим достоинством, в частности, оскорбительное обращение, изнасилование, принуждение к проституции или непристойное посягательство в любой форме, запрет рабства и работорговли во всех их формах, грабежа, угрозы совершить любое из вышеуказанных действий;
- предоставление необходимой помощи раненым и больным;
- задержанные лица должны содержаться в безопасных местах за пределами зоны военных действий;
- запрет причинять вред физическому или психическому здоровью, запрет проводить медицинские опыты;
- предоставление продуктов питания и питьевой воды, создание условий для сохранения здоровья и соблюдения гигиены;

¹РБК-Україна. Число жертв конфлікту на Донбасі перевищило 6,8 тис. осіб, — ООН. — 29.07.2015// <http://www.rbc.ua/ukr/news/chislo-zhertv-konfliktu-donbasse-prevysilo-1438115441.html>

- разрешается получать помощь в индивидуальном или коллективном порядке, получать и отправлять письма;
- в случае привлечения к труду задержанные лица пользуются такими же условиями труда и защитой, как местное гражданское население;
- запрет безвозмездного или принудительного унизительного труда;
- задержанные лица имеют право на медицинский осмотр;
- запрет использования «живого щита» (прикрытие задержанным лицом с целью достижения военного превосходства);
- запрет принудительных исчезновений задержанных лиц;
- запрет произвольного лишения свободы;
- женщины содержатся отдельно от мужчин под наблюдением женщин.

Непредоставление или ненадлежащее предоставление вышеупомянутых гарантий может быть основанием для индивидуальной уголовной ответственности. Отдельные виды запрещенного поведения в отношении задержанных лиц могут быть квалифи-

цированы как военные преступления. При этом важно отметить, что обязательства соблюдать эти права и гарантии задержанных лиц возложены на все стороны вооруженного конфликта, независимо от места, где непосредственно содержится задержанное лицо.

Также стоит отметить, что международное гуманитарное право фактически не определяет, какие места несвободы являются незаконными, и не указывает стороне вооруженного конфликта, где именно, в каких помещениях и зданиях можно содержать задержанных лиц. Однако международное гуманитарное право четко требует от сторон вооруженного конфликта соблюдать его принципы и нормы, которые предоставляют права и гарантии задержанным лицам независимо от конкретного места содержания.

Выводы по разделу

Развитие вооруженного конфликта на востоке Украины, который продолжается, приводит к ситуации, когда фактически прекращают действовать национальные механизмы защиты прав человека. На захваченной незаконными вооруженными формированиями территории не функционирует правоохранительная система, любой человек является незащищенным от произвола, прежде всего, вооруженных преступников.

III. МЕСТА НЕСВОБОДЫ В ЗОНЕ АТО

По состоянию на 1 октября 2015 г. из плена было освобождено 2 763 лица, находившихся в местах несвободы в «ДНР» и «ЛНР». На рис. 2 приведено распределение освобожденных лиц по категориям.

В октябре 2014 г. Служба безопасности Украины обнародовала карту преступлений против человечности, совершенных незаконными вооруженными формированиями

на Донбассе². На указанной карте, помимо прочего, были отмечены и семь населенных пунктов Донецкой и Луганской областей, в которых были расположены 26 мест содержания захваченных военных и гражданских лиц.

² УНИАН. СБУ показала карту злочинів проти людяності, скоєних бойовиками на Донбасі. — 03.10.2014// <http://www.unian.ua/politics/992025-sbu-pokazala-kartu-zlochiviv-proti-lyudyanosti-skoenih-boyovikami-na-donbasi.html>

Рис.2. ОСВОБОЖДЕННЫЕ, по состоянию на 01.10.15

Рис. 3-4. Распределение мест несвободы по населенным пунктам (т.н. «ДНР» и «ЛНР»)

Рис. 5. Наиболее распространены типы мест несвободы на территории т.н. «ДНР» и «ЛНР»

(приведены только значения выше 1%)

Рис. 6. Места непосредственного удержания

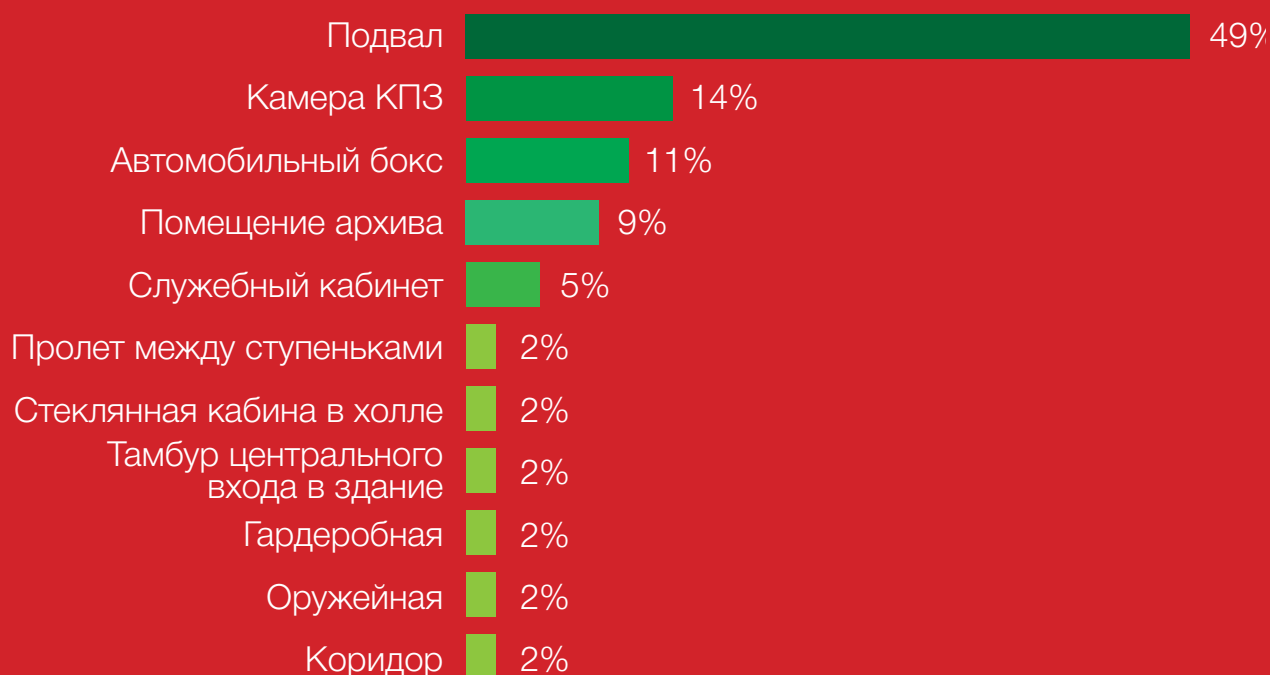

Фото 1-2. Подвальное помещение Константиновского городского совета (Донецкая обл., г. Константиновка, ул. Ленина, 260).

Анализ собранной в рамках исследования информации позволяет утверждать, что количество мест содержания задержанных лиц на территории т. н. «ДНР» и «ЛНР» намного больше, чем сообщается официальными структурами Украины. Фактически на неподконтрольной украинским властям территории Донбасса пока существует сильно разветвленная сеть неофициальных мест несвободы различных типов и подчинения.

С учетом статуса этих «республик», все места содержания задержанных лиц на их территории можно рассматривать в качестве неофициальных, даже те из них, которые являются специально оборудованными для выполнения этих функций (например, изоляторы временного содержания органов внутренних дел (ОВД), следственные изоляторы (СИЗО)). В рамках данного исследования основное внимание было сфокусировано на получении максимально полных данных о таких местах, их расположении, общей характеристике, категории лиц, которые в них содержались.

В ходе исследования нами была получена информация о 79 местах несвободы, которые можно идентифицировать или по адресу, или благодаря подробному описанию,

которое было предоставлено бывшими заключенными. На рис. 3 и рис. 4 приведено распределение мест несвободы по населенным пунктам, отдельно по т. н. «ДНР» (41 место) и «ЛНР» (38 мест).

На основании собранных данных можно условно классифицировать места несвободы, которые использовались незаконными вооруженными формированиями для содержания задержанных лиц, по следующим категориям:

- помещения правоохранительных органов (Служба безопасности Украины (СБУ), Министерство внутренних дел (МВД), прокуратура);
- административные здания органов местной власти (областные, городские и районные советы, государственные администрации);
- военкоматы и воинские части;
- офисные помещения;
- частные дома;
- гостиницы, общежития;
- предприятия общепита (кафе, рестораны);
- промышленные предприятия (заводы, фабрики);
- вспомогательные здания (ангары, автомобильные боксы и т.п.);
- иное (например, канализационные колодцы, клетки).

Чаще всего задержанные лица содержатся в зданиях правоохранительных органов, в административных зданиях органов местного самоуправления, помещениях предприятий и объектов общепита.

При этом, как можно увидеть из данных, приведенных на рис. 6, в подавляющем большинстве случаев задержанные лица содержатся в помещениях, которые вообще не приспособлены для содержания людей, тем более длительного содержания (условия содержания подробно рассмотрены в разделе VI).

Почти половина всех задержанных находилась в *подвалах*, значительная часть содержалась в *автомобильных боксах, помещениях архива* при отсутствии

Фото 3-6. Подвальные помещения Славянского городского отдела управления СБУ в Донецкой области.

Таблица 1. Объекты, которые имеют несколько различных видов мест для содержания

№	Полное название объекта	Адрес	Места непосредственного содержания под стражей
1	Луганская областная государственная администрация	г. Луганск, площадь Героев Великой Отечественной войны, 3	подвал, помещение холодильника, складское помещение
2	Бывший магазин «Кохана»	г. Луганск, площадь Героев Великой Отечественной войны, 10 А	подвал, автомобильный бокс
3	Кафе «Торнадо»	Луганская область, г. Перевальськ, ул. Дзержинского, 29	подвал, автомобильный бокс, место для содержания под стражей во дворе
4	Алчевский объединенный городской военный комиссариат	Луганская область, г. Алчевск, ул. Горького, 35	подвал, служебные кабинеты
5	Здание Антрацитовского городского совета	Луганская область, г. Антрацит, ул. Ленина, д.1	подвал, коридор
6	Управление СБУ в Донецкой области	г. Донецк, ул. Щорса, 62	подвал, помещение архива
7	Завод «Изоляция»	г. Донецк, ул. Светлого Пути, 3	бомбоубежище, помещение кассы, подвал, склад
8	База НЗФ «Русская православная армия»	г. Донецк (бывшая в/ч)	вольер, подвал, автомобильный бокс, тамбур центрального входа
9	Бывшая в/ч внутренних войск №3037	г. Донецк, ул. Куприна, 1	оружейная, подвал
10	Исполком Краматорского городского совета (город Краматорск в настоящее время находится под контролем украинских властей)	Донецкая область, г. Краматорск, площадь Ленина, 2	помещение гардеробной и комнаты охраны
11	Снежнянский горотдел милиции ГУМВС в Донецкой области	Донецкая область, г. Снежное, ул. Милицейская, 2	ИВС, автомобильный бокс

даже минимальных условий для нахождения там человека. В августе 2015 года исследовательская группа посетила несколько неофициальных мест несвободы на территории Донецкой и Луганской областей, которая ранее была под контролем незаконных вооруженных формирований. Условия содержания лишенных свободы лиц в таких местах проиллюстрированы на приведенных ниже фотографиях.

В ходе исследования были выявлены 11 мест несвободы (одно место находится на уже освобожденной от НЗФ территории), которые имеют несколько различных видов мест содержания (см. табл. 1).

Наличие нескольких мест содержания в пределах одного места несвободы в определенной степени связано с тем, что представители незаконных вооружен-

Фото 7-9. Подвальные помещения здания Государственного научно-исследовательского и проектного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза по адресу: г. Северодонецк, ул. Вилесова, 1.

Фото 11-14. Бомбоубежище на территории ЗАО «Лисичанский стеклозавод «Пролетарий», который расположен по адресу: г. Лисичанск, ул. Мичурина, 1.

ных формирований делали определенную сегрегацию пленных в зависимости от их статуса.

Так, в частности, в здании СБУ в Донецке военнослужащие Вооруженных сил Украины преимущественно содержатся в помещении бывшего архива на первом этаже, бойцы же добровольческих батальонов находятся в подвале в помещении бомбоубежища.

Бывший пленный из числа гражданских лиц ***, который был задержан за фотографирование отеля, где размещались представители одного из незаконных вооруженных формирований, сообщил, что на территории завода «Изоляция» в Донецке также существует определенное разделение задержанных лиц: «Не было какого-то упорядоченного разделения, но в целом можно сказать, что в подвале и кассе содержались местные за какую-то провинность, на складе — зависимые от наркотиков, в бомбоубежище — подозреваемые в симпатиях к Украине» (С-60).

Существует разделение задержанных на категории и на территории бывшего Снежнянского горотдела милиции Донецкой области. Так, в частности, военнослужащий ВСУ ***, который находился в плену с 28 августа по 15 сентября 2014 г., в ходе интервью сообщил, что «часть людей содержалась в камерах, другие — в двух гаражах на территории горотдела МВД по 45 и 54 человек в каждом. Офицеров держали отдельно, в камерах помещения МВД. Также в камерах держали раненых» (С-72).

Однако со временем ситуация несколько изменилась. Военнослужащий ВСУ ***, который содержался в Снежнянском горотделе с 24 сентября по 30 октября 2014 г., отметил: «Сначала мы находились в камерах, а часть — в боксах, затем в камеры стали помещать только местных жителей, которые нарушили закон ДНР, и ополченцев, в основном за появление в состоянии алкогольного опьянения. Поэтому всех пленных переселили в боксы на улице» (С-27).

О разделении задержанных на группы сообщил и частный предприниматель ***, который удерживался на территории кафе «Торнадо» в городе Перевальск, которое сейчас используется как база незаконного вооруженного формирования «Казачи великого войска Донского». Он, в частности, отметил, что «местных, которые «проштрафались», удерживали во дворе, охранники жили в самом кафе, пленный военных и нас с Антоном (боец добровольческого батальона — ред.) держали в гараже на территории кафе» (С-78).

Двое других частных предпринимателей, которые также были задержаны представителями этого же незаконного формирования, содержались в подвальном помещении в самом здании кафе «Торнадо».

В здании Алчевского объединенного городского военного комиссариата НЗФ «Призрак» также использу-

ет несколько мест содержания задержанных лиц. Так, один из бывших узников сообщил следующее: *«Мы были задержаны службой безопасности (НЗФ «Призрак» — ред.) по политическим взглядам, но своего помещения у службы безопасности не было. Поэтому нас поместили сюда (в подвал — ред.). Нас держали отдельно от тех людей, которых задержал патруль комендатуры».*

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Результаты исследования показали факт наличия на неподконтрольной украинскому правительству территории Донецкой и Луганской областей широкой сети неофициальных мест содержания (79 мест несвободы).

Пребывание человека в неофициальных местах содержания автоматически лишает его всех гарантий защиты от жестокого обращения, ведь такие места остаются вне какого-либо внешнего контроля.

В подавляющем большинстве такие места не являются приспособленными даже для краткосрочного содержания лиц, они не соответствуют минимальным стандартам содержания (подвальные помещения, канализационные колодцы, автомобильные боксы). Соответственно, сам факт пребывания человека в таких условиях является жестоким, бесчеловечным или унижающим достоинство обращением в соответствии со стандартами Конвенции о защите прав человека и основоположных свобод и практики Европейского суда по правам человека.

IV. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА И ПРОЦЕСС ЗАДЕРЖАНИЯ

Предметом исследования обстоятельств и процесса задержания были 165 случаев незаконного лишения свободы лиц представителями незаконных вооруженных формирований. Из них 87 (52,7%) задержаний гражданских лиц и 78 (47,3%) захватов в плен военнослужащих Вооруженных сил Украины и бойцов добровольческих батальонов, участвовавших в боевых столкновениях.

Из числа задержанных гражданских лиц — 69 (79,3%) человек, постоянно проживающих на территории, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям и 18 (20,7%) человек, временно находившихся в зоне вооруженного конфликта.

Из числа захваченных в плен — 63 военнослужащих Вооруженных сил Украины (80,8 %) и 15 бойцов добровольческих батальонов (19,2 %).

Несмотря на определенные различия в обстоятельствах и процессе задержания, полученные в ходе исследования материалы безоговорочно доказывают, что процесс лишения свободы на территории, подконтрольной т. н. «ДНР» и «ЛНР» (незаконные задержания гражданских лиц и захват в плен военных), происходит без соблюдения каких-либо правовых норм.

Вместе с чрезмерным применением силы и неоправданной жестокостью полностью игнорируются

Рис.7. Категории лиц, лишенных свободы незаконными вооруженными формированиями

Рис.8. Категории гражданских лиц, лишенных свободы незаконными вооруженными формированиями

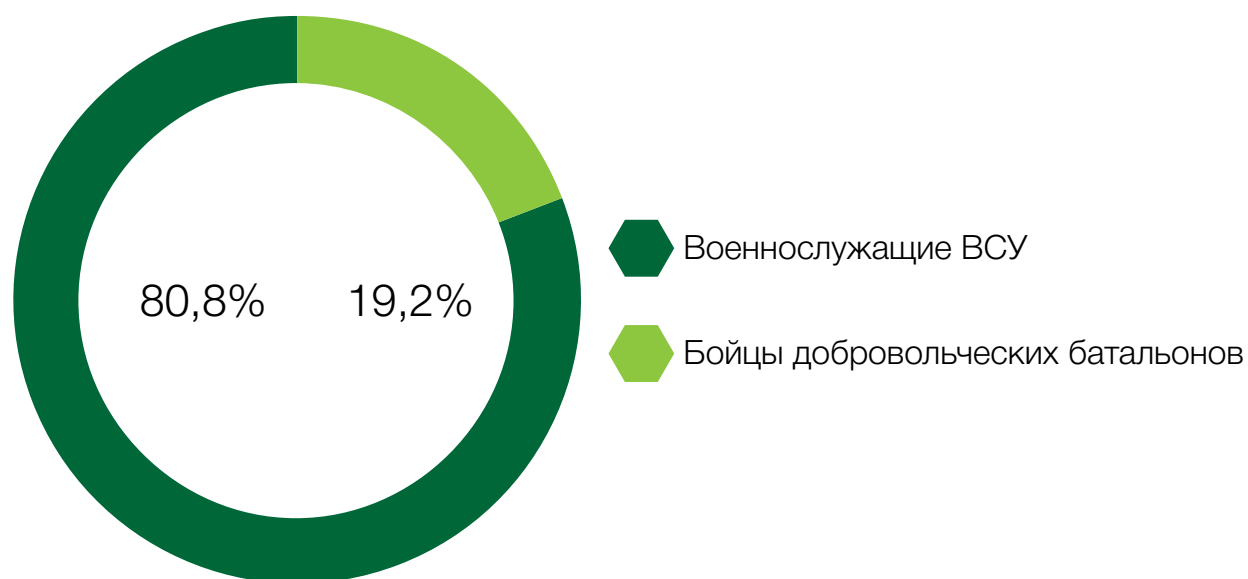
наиболее важные процессуальные гарантии, предусмотренные как национальным законодательством, так и международными нормами права:

- не разъясняются причины задержания;
- задержания документально не оформляются;
- первые допросы после задержания документально не фиксируются;
- задержанным лицам не разъясняются их права и обязанности;
- задержанным лицам не разъясняются основа-

ния их задержания, а также не сообщается, в чем они подозреваются или обвиняются;

- третьих лиц не уведомляют как при задержании гражданских лиц, так и при захвате военнослужащих Вооруженных сил Украины (ВСУ) и бойцов добровольческих батальонов;
- не обеспечивается доступ к адвокату задержанным лицам и захваченным в плен;
- судом не решается вопрос об основаниях, сроках и законности задержания.

Рис.9. Категории лиц, захваченных в плен незаконными вооруженными формированиями

ЗАДЕРЖАНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ЛИЦ

Подавляющее большинство лиц, задержанных представителями незаконных вооруженных формирований, — это местные жители с подконтрольной боевикам территории. Часть же задержанных гражданских не является местными жителями, а при разных обстоятельствах временно находились в зоне вооруженного конфликта. Это лица, которые пытались попасть к родным и знакомым, проживающим на подконтрольной боевикам территории, волонтеры, которые попали в руки представителей незаконных вооруженных формирований, и т. п.

Все исследованные задержания гражданских лиц, **которые временно находились в зоне вооруженного конфликта**, произошли на блокпостах незаконных вооруженных формирований без обоснованных объяснений причин и оснований для таких действий. Боевики заставляли задержанных оставлять транспортные средства, на которых они передвигались, и доставляли в дальнейшем в определенные ими помещения.

«... При переходе блокпостов [...] Зашли вооруженные люди, попросили всех поднять паспорта. У меня паспорта не было, было только пенсионное удостоверение. Меня вывели из автобуса» (С-4).

«... после проезда украинского блокпоста под Волновахой случайно оказались на блокпосту «ДНР». [...] После того как нас остановили, нам приказали выйти из машины и положить руки на капот. Потом поставили на колени, забрали телефоны и документы, связали руки и отвели в находящийся на окраине Еленовки жилой дом, переоборудованный под казарму» (С-25).

«... на блокпосту подошел вооруженный автоматом человек [...] Попросили выйти из машины и повели в их казарму. Это были представители т.н. «ДНР» (шевроны с флагами и т.д.)» (С-34).

Обстоятельства задержания гражданских лиц, **постоянно проживающих на территории**, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям, весьма разнообразны: в помещениях, в населенных пунктах за пределами помещений, по месту работы.

Задержание таких лиц в 27 исследуемых случаях (39%) происходило в помещениях по месту их проживания. Проникновение в жилище, как и сами задержания, происходили без всякого разрешения и без соблюдения процедур, предусмотренных как национальными, так и международными нормами права. Неединожды лица, проводившие задержание, присваивали имущество задержанных лиц.

«... Ко мне во двор ворвались шесть человек. [...] Они были в камуфляже, с георгиевскими ленточками,

с автоматами Калашникова. [...] Они толкнули мою пожилую мать, мать упала. Меня сняли с дивана. Завязали руки сзади строительным резиновым жгутом. Четверо боевиков провели обыск в доме. Забрали ноутбук ASUS (модель и серийный номер не помню), системный блок (модель и серийный номер не помню), телефон «Самсунг» (модель и серийный номер не помню), барсетку, в которой было около 300 грн. [...] А также бутылку водки» (С-15).

«Услышали лай собак, муж вышел на улицу. [...] В дом зашли семь-восемь мужчин с оружием в камуфляже [...]. Они криком заставляли мужа лечь на землю. [...] Угрожали прострелить мужу ноги, я попросила его подчиниться. Сына также положили на пол, обоих заставили держать руки за головой. [...] Начали проводить обыск. Они ничего не объясняли. [...] Забрали компьютер, телефоны у всех» (С-32).

«... в дверь позвонили. Мать открыла. Ворвались шесть или восемь человек с автоматами, пулеметом и пистолетом. На меня направили пистолет и начали [...] изымать вещи (деньги, компьютер, телефон). Надели наручники, вывели меня в чем был (изначально был в трусах, дали надеть штаны) и усадили в машину, желтый микроавтобус «Volkswagen»» (С-107).

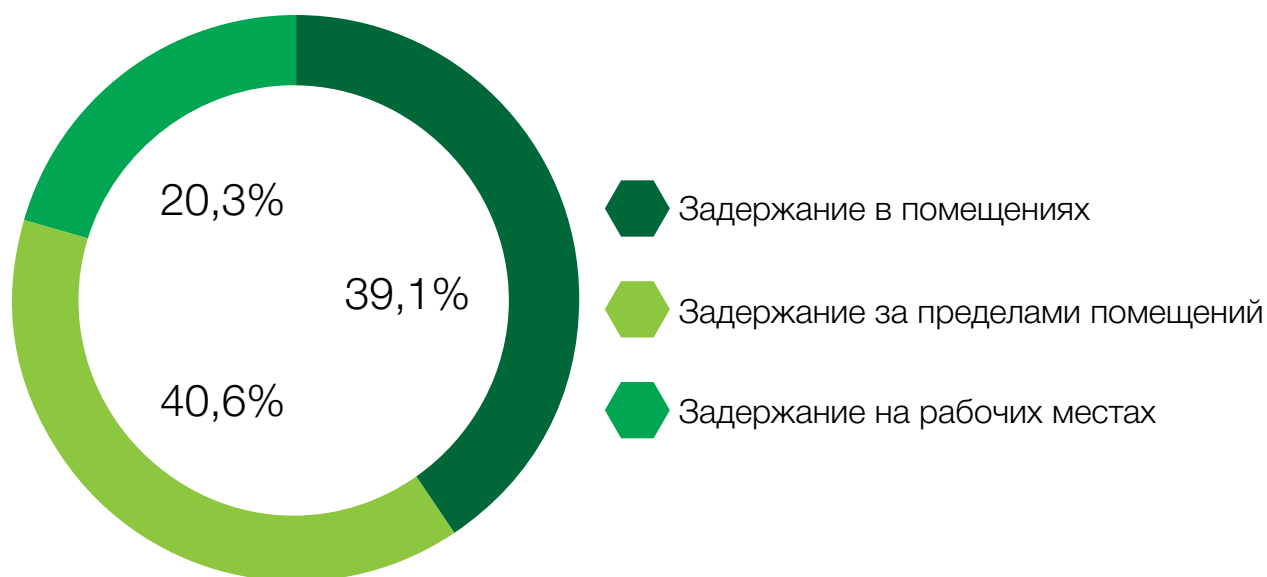
В 28 исследуемых случаях (40,6%) задержания местных жителей произошли за пределами их помещений, в том числе в местах массового пребывания людей. Такие задержания также происходили без соблюдения каких-либо процедур, предусмотренных как национальными, так и международными нормами права, без обоснованных объяснений причин и оснований задержания.

«Ко мне подошел один «дэнэровец», спросил документы, начал проверять документы и содержимое моего рюкзака. Затем к нему присоединился еще один «дэнэровец» с автоматом. [...] Меня затихнули в авто и увезли на территорию заброшенного завода «Химреактив»» (С-14).

«Я вышел из магазина «Сильпо» в г. Краматорске. Ко мне подошел человек в штатском [...] потом подошли еще двое, затолкали меня в красный «Ланос», отобрали вещи, телефон, на голову натянули балаклаву. [...] Возили десять минут, потом посадили еще в одну машину и отвезли на подвал. [...] На подвале с меня сняли балаклаву и перемотали голову и глаза синей липкой лентой, чтобы я ничего не видел» (С-57).

В 14 исследуемых случаях (20,3%) задержание произошло по месту работы задержанных. Как правило, такие задержания происходили с целью лишения собственности, решения материальных и иных вопросов в пользу представителей незаконных вооруженных формирований и т. п.

Рис. 10. Обстоятельства задержания гражданских лиц, проживающих на территориях, подконтрольных незаконным вооруженным формированиям

«Я [...] являюсь хозяином магазина-кафе на [...]. 2 июля около 13:00 в кафе зашли двое в камуфляже [...] и заказали две бутылки пива, курицу, салат и 200 граммов водки. После того, как они поели, [...] официантка подошла к ним со счетом. Они сказали, что рассчитываться не будут и попросили вызвать хозяйина кафе. Они сказали, что [...] мне следует проехать с ними для выяснения обстоятельств. Я им предлагал просто уйти, но они настояли на том, чтобы я проехал с ними» (С-102).

«Я работал риэлтором в агентстве недвижимости г. Алчевска. Позвонил человек и попросил показать одну из квартир, которая на тот момент сдавалась в аренду. [...] Когда я подошел в договоренное время к подъезду, то возле него меня ждали два человека в камуфляжной форме. Мы зашли в квартиру, они сказали, что их она устраивает, на что я предложил им заключить договор, [...] перенести их въезд в квартиру до заключения договора. Один из них [...] ударил меня в район солнечного сплетения и сказал, что я поеду с ними, если не хочу неприятностей. [...] боевик нанес мне несколько ударов в голову, от которых я упал и потерял на некоторое время сознание. Мне связали руки скотчем, посадили в автомобиль «ВАЗ-099» вишневого цвета и отвезли в здание Алчевского отделения СБУ» (С-101).

Обращают на себя внимание провокации, которые используются боевиками незаконных вооруженных формирований при задержании гражданских лиц.

«... Мне позвонили неизвестные люди, разговаривали на украинском языке, представились так, что они с Новопскова, переехали линию фронта и им нужна помощь, и что им нужно срочно встретиться. Договорились встретиться в центре города [...] Как только я вышел на встречу с женщиной и приблизился к нему, он сразу наставил пистолет мне в живот, другой подбежал, приставил автомат под ребро и вдвоем бросили меня в машину» (С-65).

Бывали также случаи подсылания провокаторов с целью выманить человека из квартиры.

«... позвонили в калитку, я открыл окно и спросил, кто и почему звонит. Там была девушка в защитной форме и спросила, не сдастся ли наш дом. Я сказал: нет, не сдастся. Девушка ушла, а я решил выйти на улицу, т.к. подумал, что это была проверка на присутствие хозяев дома с целью грабежа. [...] Непонятно откуда появился человек с оружием (пистолет Макарова) и сказал: «Стоять, не двигаться». Подбежал второй с оружием, кому-то позвонили, и через несколько минут появилась машина [...] Посадили меня в машину и с двух сторон уперли мне в бока пистолеты» (С-16).

Гражданские лица, как те, которые временно находятся в зоне вооруженного конфликта, так и те, которые постоянно проживают на территории, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям, задерживаются как боевиками незаконных вооруженных образований, так и представителями квази-государствен-

Рис.11. Субъекты, которыми были осуществлены задержания гражданских лиц на территории, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям

ных силовых образований (милиции, комендатуры, министерства государственной безопасности и т.д.).

8 (9,2%) из числа таких задержаний осуществлено боевиками батальона «Призрак» незаконного вооруженного формирования «ЛНР».

9 (10,3%) — боевиками казачьего полка им. Платова (руководитель Павел Дремов) незаконного вооруженного формирования «ЛНР».

3 (3,4%) — боевиками батальона «Оплот» незаконного вооруженного формирования «ДНР».

5 (5,7%) — боевиками батальона «Восток» незаконного вооруженного формирования «ДНР».

24 (27,6%) — представителями т. н. органов безопасности незаконных вооруженных формирований «ЛНР» и «ДНР».

9 (10,3%) — представителями т. н. комендатур незаконных вооруженных формирований «ДНР» и «ЛНР».

5 (5,7%) — представителями т. н. милиции незаконных вооруженных формирований «ЛНР» и «ДНР».

5 (5,7%) опрошенных гражданских лиц утверждали, что в их задержании принимали непосредственное участие военнослужащие и представители спецслужб Российской Федерации.

19 (21,8%) из числа исследуемых задержаний гражданских лиц осуществлено боевиками вооруженных образований, которые не были идентифицированы в ходе исследования.

Материалы исследования свидетельствуют, что боевики незаконных вооруженных формирований и представители квази-государственных силовых образований отличаются особой жестокостью при незаконных задержаниях гражданского населения.

Рис.12. Жестокое обращение с гражданскими лицами при задержании

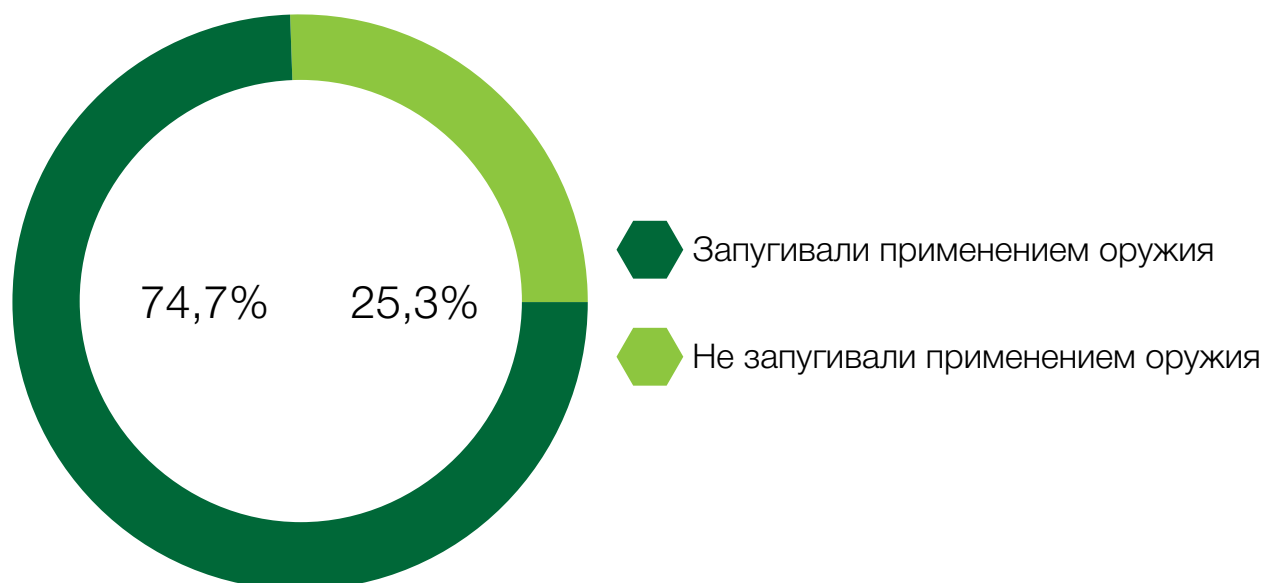
В 16 (18,4%) случаях задержаний гражданским лицам в течение длительного времени наносились удары руками и ногами по всем частям тела, в том числе и по голове, в результате чего были причинены телесные повреждения различной тяжести.

«Меня задержали в одной из комнат ВУЗа, при задержании сильно избили. [...], у меня все на лице было рассечено, кровь текла, ударил меня ногой в область живота [...] В руках у него, возможно, что-то было — что-то вроде обычных ключей, которыми он меня и бил» (С-21).

«... один из них ударил меня кулаком в лицо, потом трое били руками, а потом ногами (я присел на пол), начали меня избивать по голове, туловищу, рукам и ногам» (С-54).

«И пока грабили, били, между делом, каждый подойдет: «Дай я ему ногу прострелю, дай я ему уши отрежу». Били по голове, чтобы не смотрел, лежа на полу, по ногам. Били ногами, руками» (С-106).

Рис.13. Запугивание гражданских лиц при задержании применением оружия

В 19 (21,8%) случаях задержания удары наносились также прикладами и стволами стрелкового оружия с целью причинить телесные повреждения.

«Били прикладами, когда задерживали, выводили из дома. Били везде, по всему телу» (С-59).

«... замахивались дубиной перед лицом, били по спине как палкой, так и прикладом автомата, вся спина была баклажанного цвета, [...] были и переломы ребер. Ножом крутили перед лицом, шеей, порезали штаны...» (С-117).

В 5 (5,7%) случаях к задержанным были применены иные методы бесчеловечного, жестокого обращения — применяли электрошокер, калечили пальцы рук и ног пассатижами, наносили пулевые ранения мелкокалиберным оружием, телесные повреждения с помощью колющих и режущих предметов и т.п.

«Душили руками за шею. Стреляли из пневматического пистолета во все части тела [...] Кололи в икроножную мышцу правой ноги спицей. Сжимали все пальцы правой руки пассатижами. Использовали электрошокер, прикладывая его к разным частям тела. Повредили ножом правую руку. Издевались все лица, которые меня задерживали, примерно в равной степени. Соответственно, на теле оставались следы от попадания пуль из пистолета, колотые раны икроножной мышцы правой ноги, раны от сжатия пассатижами всех пальцев правой руки, колотые раны ладони правой руки, был поврежден глаз, он плохо видел» (С-79).

«Порезали горло, повредили грудную клетку» (С-22).

«... меня начали бить человека три [...] Это длилось около часа, ствол в рот пихали, били прикладом, «Ботаник» кричал: «Скальп буду снимать [...]» (С-29).

В 65 (74,7%) исследуемых случаях задержания гражданских лиц запугивали применением огнестрельного и холодного оружия.

«Запугивали [...] оружием, ножом у меня перед носом водили» (С-97).

«Во время задержания во дворе дома выстрелили несколько раз в воздух, на меня навели автомат...» (С-116).

В 10 (11,5%) исследуемых случаях задержанию подверглись гражданские женщины.

Жестокое, бесчеловечное обращение боевиков незаконных вооруженных формирований и представителей квази-государственных силовых образований с женщинами является особо показательным. Так, в 5 (50% от числа задержанных женщин) случаях задержаний над женщинами, в том числе беременными и пожилого возраста, издевались, применяли к ним различные виды пыток и тому подобное.

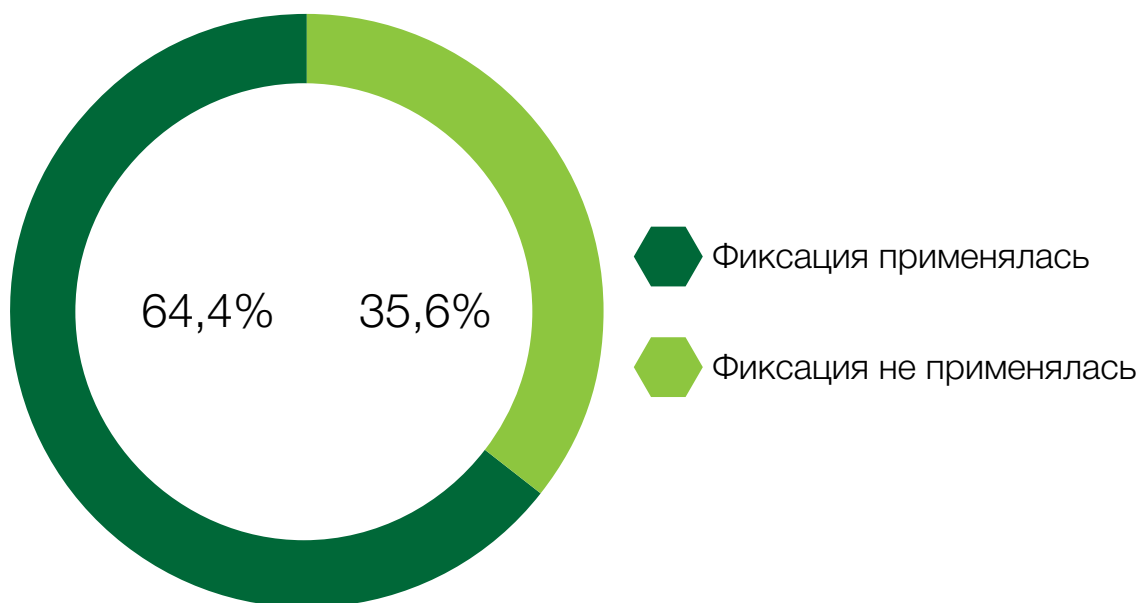
«... была избита человеком, который называл себя Олег Кубрак, угрожал изнасилованием, резал руки, ноги и шею ножом» (С-30).

«...боевики начали бить меня прикладами автоматов по голове, по спине, по рукам. [...] руки назад заломили. Каждый старался меня ударить, каждый старался меня за волосы схватить. [...] У меня была

Рис. 14. Жестокое обращение с женщинами при задержании

Рис.15. Применение фиксации к задержанным гражданским лицам

разбита голова и вывихнута рука» (С-47).

«Меня очень сильно избили. Избивал боевик с позывным «Рысь». Он бил битой, когда вытаскивал меня из машины. Держал за волосы и дергал. Бил битой по ноге и ребрам. Потом, связав руки за спиной, кинул на траву вместе с остальными. Потом все били ногами по ребрам. При задержании были связаны руки за спиной проволокой, затем, когда перевозили из исполкома в горотдел (к российским военным), также были связаны руки проволокой» (С-49).

«Меня душили пакетами. Потом пистолет представляли ко лбу, передергивали затвор [...], рядом выстрелил с ухом [...], электрошокер применялся неоднократно. Потом надели наручники, то есть капроновую ленту с защелкой» (С-93).

К гражданским лицам при задержании в 56 (64,4%) исследуемых случаях боевики незаконных вооруженных формирований и представители квази-государственных силовых образований на длительное время применяли фиксацию с помощью наручников, веревки, резинового жгута, проволоки и т. п. Такая фиксация в подавляющем большинстве случаев применялась с целью создания максимальной уязвимости задержанных лиц.

«Люди, которые меня задерживали, применяли фиксацию с помощью наручников [...] до момента доставки меня к месту постоянного содержания» (С-2).

«Применяли связывания — [...] мне связали руки чем-то за спиной. После мне приказали встать, но я

не мог со связанными руками [...]» (С-109).

С целью поместить в уязвимые условия задержанным гражданским лицам в 29 (33,3%) случаях при задержании на голову надевали мешок.

«Мне натянули на лицо мою кепку и сверху надели мешок на голову [...]» (С-65).

«Люди, которые меня задерживали, [...] надевали мешок на голову до момента доставки меня к месту постоянного содержания» (С-2).

«... Надели мешок на голову на несколько часов [...]» (С-60).

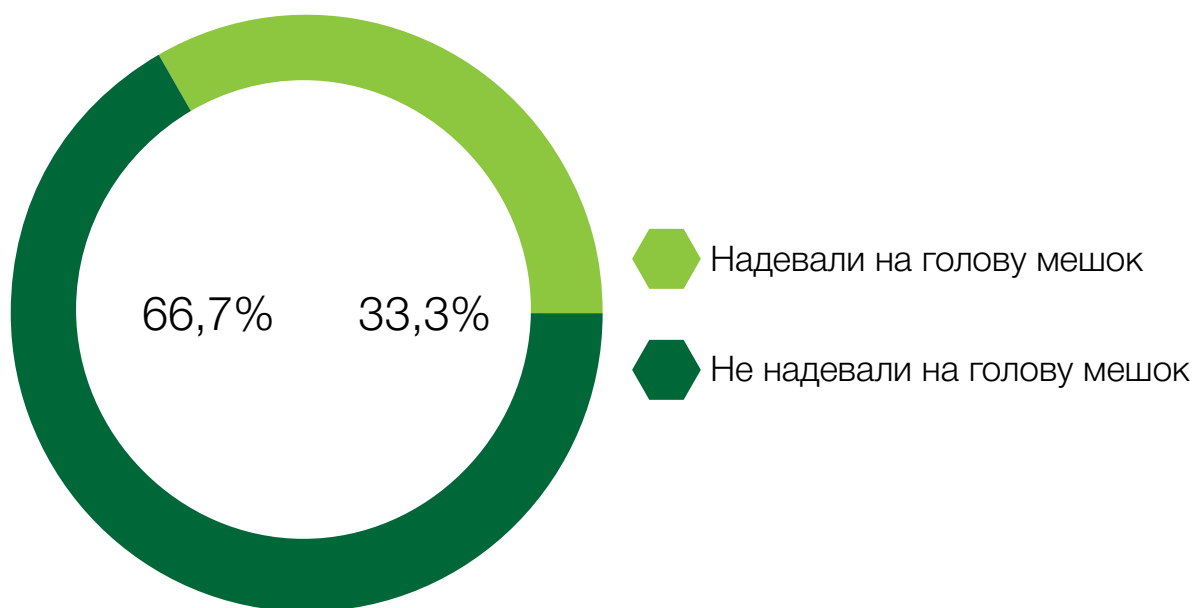
Конвоирование незаконно задержанных с места фактического лишения свободы к месту дальнейшего содержания осуществлялось, как правило, теми же боевиками незаконных вооруженных образований и представителями квази-государственных силовых образований, которыми осуществлялись эти задержания.

В ходе этих конвоирований к гражданским лицам боевиками также применялась чрезмерная сила и жестокость.

Беспричинно наносились удары, в том числе прикладами и стволами стрелкового оружия, наносились телесные повреждения колющими и режущими предметами.

«Были повреждены зубы верхней челюсти, имеется гематома правой лобной части черепа, проколы шилом брюшной полости в трех местах, порез указательного пальца правой руки, пробита стопа

Рис. 16. Надевание гражданским лицам мешка на голову при задержании

правой ноги шилом, значительные гематомы коленных суставов обеих ног, повреждения ребер» (С-45).

«... когда я им говорила: «У вас же есть матери, как вам не стыдно, что вам от меня надо», тот, кто сидел слева, говорил: «Молчи, сука!» и бил меня прикладом по плечам, по рукам, по туловищу» (С-47).

«На блокпосту в населенном пункте Михайловка меня высадили. Один из стоявших на блокпосте ударил меня несколько раз в грудь (были синяки, к врачу я не обращался)» (С-115).

Материалы исследования также свидетельствуют о нередких случаях бесчеловечного обращения с задержанными гражданскими лицами в виде перевозки их в багажниках легковых автомобилей.

«... меня запихнули в багажник собственной машины, а моего товарища положили в багажник внедорожника» (С-20).

«В городской отдел милиции г. Константиновки доставили в багажнике автомобиля [...] там завязали руки и глаза, некоторое время возили в багажнике автомобиля, затем привезли в СБУ города Славянска» (С-45).

В ходе конвоирования из места фактического задержания до места дальнейшего содержания происходили запугивания с применением огнестрельного и холодного оружия.

«Предложили сразу меня расстрелять. Велели встать мне на песок, чтобы кровь не растекалась.

Один спросил меня, куда я хочу получить пулю. Предложил в ногу или сразу на смерть. Я выбрал не мучиться. Расстреливать угрожали из АКС, из ПМ. Мне говорили, что отрежут пальцы. Доставали и показывали ножи. Сказали, что мне повезло, потому что ранен и потому что сейчас отсутствует на блокпосте их врач, который любит отрезать уши» (С-115).

«Угрожали направленным на меня оружием» (С-16).

«... боец упер мне пистолет Макарова в живот и наклонил лицом вниз» (С-35).

«...Во время транспортировки на меня был нацелен автомат» (С-44).

ЗАХВАТ В ПЛЕН ВОЕННОСЛУЖАЩИХ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ УКРАИНЫ И БОЙЦОВ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХ БАТАЛЬОНОВ

Рассматривая вопрос о захвате в плен военнослужащих Вооруженных сил Украины (ВСУ) и бойцов добровольческих батальонов, стоит обратить внимание, что в 65 (83,3%) исследуемых случаях (по показаниям бывших пленных) такие захваты происходили в результате боевых столкновений при непосредственном участии в противостоянии вооруженных сил Российской Федерации.

«Задерживали военнослужащие Российской Федерации. Приехавший офицер предъявил документы. В документах написано: центральный округ города Москвы, полковник «СОБР» из спецотряда быстрого реагирования. Полковник Грек или Греков, я не помню точно фамилию. Его «Греком» называли. С ним были солдаты» (С-18).

«Представители вооруженных сил Российской Федерации [...], при разговоре они не скрывали своих званий, названия части и откуда они, а конкретно назвали офицером российской армии — позывной «Лиса», командиром роты десантно-штурмовой бригады Псковской воздушно-десантной дивизии, Российская Федерация. Техники было много: БМП, БТР, танки. Они окружили нашу колонну» (С-50).

«Задерживали военнослужащие Российской Федерации. Они не скрывали принадлежность к вооруженным силам РФ, говорили, что они будто бы на учениях в Ростове. Действительно ли они думали, что они в России, я не понял. [...] Были одеты в российскую форму с российскими шевронами [...] у них была российская техника с пометками — белый круг с треугольником внутри» (С-53).

«Нас задерживали военнослужащие Российской Федерации. [...] Это была 13-я десантно-штурмовая бригада, командир их батальона с позывным «Лиса»» (С-118).

«Главный у них был человек и был одет в военную форму российского производства [...]. В дальнейшем этого человека опознали как генерала РФ Ленцова Александра. Видео с его участием имеется на сайте «Ютуб» под названием «Дебальцевский котел — Кривбасс сдался в плен» (10:00 — 12:30)» (С.М-33)³.

Материалы исследования содержат сведения о захвате военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов боевиками незаконных вооружен-

ных формирований, в частности донскими казачьими группировками, которые состояли как из местных жителей, так и из наемников из Российской Федерации, и тому подобным.

Свидетельства военных, которые были захвачены и находились в местах несвободы, указывают на определенные особенности по принятию решений о дальнейшем содержании военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов, которые были захвачены вооруженными силами Российской Федерации. Иногда такие решения принимали непосредственно представители вооруженных сил РФ.

«... офицер российской армии, позывной «Лиса», командир роты десантно-штурмовой бригады Псковской воздушно-десантной дивизии, Российская Федерация, который постоянно с кем-то по телефону согласовывал действия относительно нашего задержания» (С-50).

Но в подавляющем большинстве случаев право принятия решения о дальнейшем содержании захваченных военнослужащих РФ делегировали главарям незаконных вооруженных формирований т. н. «ЛНР» и «ДНР».

«После того, как меня привезли в центр города Донецка в здание СБУ решение принимал человек по имени Эдик, еще его называли «следователь» или «следак»... Было похоже, что он работник СБУ в Донецкой области, так как он очень хорошо ориентировался в здании [...]» (С-62).

«... Старшина армии РФ, который хотел перенести нас Красному Кресту. Говорил все время, что

³ Good extraterrestrial. Дебальцевский котел — Кривбасс сдался в плен. — 17 лютого 2015 р. // <https://www.youtube.com/watch?v=12biyk0hqz0>

Рис. 17. Захват в плен военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов

Рис. 18. Жестокое обращение с военнослужащими ВСУ и бойцами добровольческих батальонов

нас вскоре отпустят, вывезут куда-то и передадут Красному Кресту, потому что в качестве пленных мы им не нужны. Он был более милосердным, позволял прятаться во время обстрелов. [...] Капитан армии РФ [...] уговорил первого передать нас «дэнэровцам»» (С-27).

Материалы исследования указывают на особую жестокость и чрезмерное применение силы (физические издевательства, причинение увечий, унижения и т.п.) к военнослужащим ВСУ и бойцам добровольческих батальонов при захвате их в плен. Жестокое обращение при задержании применялось в 68 (87,2%) исследуемых случаях.

«...Били, наносили повреждения электрическим током и другими способами. [...] Террорист Захарченко лично молотком сломал указательный палец на правой руке. [...] На левой руке остались шрамы в виде буквы «А» и другие шрамы, ведь резали руку, пытаюсь нанести имя «Асван»» (С-125).

«Лица, которые нас задержали, видели, что мой товарищ ранен, потому что у него была шина на ноге — специфическая, чтобы обездвижить ногу. «Дэнэровцы» видели, что человек ранен [...] — они моего товарища выбросили из машины и начали еще ему прыгать по ноге. После того, как нас вытащили из машины, начали наносить удары и руками, и ногами. [...] Били прикладами [...] Мы лежали на земле, куда именно наносили удары, не могу уже сказать [...] Не могу сориентироваться, сколько времени это избиение продолжалось» (С-87).

«При задержании били прикладом [...] Мы стояли на коленях, руки за головой, голова опущена, у меня все онемело, даже судороги были. Мы так простояли где-то с предобеденной поры и до того, как начало темнеть» (С-114).

«... били ногами по туловищу, руками, прикладами от автоматов по голове [...] пытались отрубить топором пальцы на ноге, сдавливали плоскогубцами пальцы на руках» (С-23).

К пленным военнослужащим ВСУ и бойцам добровольческих батальонов почти во всех случаях захвата применялась фиксация с помощью пластиковых хомутов, проволоки, ремней и скотча. Глаза им на длительное время завязывали повязками.

«Применяли связывания веревкой и специальной проволокой-затяжкой сзади, довольно долго, несколько часов. Глаза были завязаны повязкой все время» (С-27).

«Применяли связывание. Те, кто задерживали, связали руки и посадили на БМП. Я был связан [...] до тех пор, пока нас не привезли во временный лагерь» (С-53).

«... Надевали мешок на голову, предварительно замотав глаза и связав руки (впереди передо мной, ладонями наружу) скотчем. В таком состоянии я был, пока меня транспортировали, примерно два – два с половиной часа» (С-62).

Особенность конвоирования захваченных в плен военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих бата-

льонов состоит в том, что процесс такого конвоирования иногда длится слишком долго (часто более суток) и субъекты, которые его осуществляли, менялись. Материалы исследования содержат сведения о многочисленных случаях, когда конвоирование начинали подразделения вооруженных сил РФ, а продолжали боевики незаконных вооруженных формирований.

«Конвоирование происходило более суток, поскольку нас «возили за собой» сначала военные РФ, обстреливали наши позиции, а затем, на следующий день, они передали нас «дэнээровцам», которые также не сразу нас привезли к месту содержания» (С-27).

«После сдачи 30 сентября представителей «Донбасса» и ВСУ вели пешком 10 км к западу в сторону российской границы [...] 31 августа нас выстроили и разделили — Вооруженные силы Украины и «Донбасс» отдельно. Приехали представители, и нас — добровольцев батальона «Донбасс» — передали им» (С-46).

«... после задержания мы восемь километров под конвоем вооруженных сил РФ пешком шли в поселок Красносельское, там переночевали в поле, на следующий день нас передали боевикам «ДНР» (они себя идентифицировали как подразделение «Моторолы»), и в кабине холодильника-рефрижератора были доставлены в первое место содержания — город Донецк» (С-50).

Почти во всех случаях захваченных в плен перевозили к месту дальнейшего содержания в нечеловеческих условиях транспортными средствами, не предназначенными для перевозки людей. Кроме того, на большие расстояния пленных конвоировали пешком.

«Перевозили в грузовом автомобиле, не приспособленном для перевозки людей, в кузове. У всех были завязаны глаза, сначала несколько часов были завязаны запястья, но мы начали жаловаться, что теряем чувствительность пальцев, поэтому завязки были ослаблены» (С-27).

«... После задержания были размещены в подвале церкви (в поле) неподалеку (метров 50) от места

задержания, на следующий день вели пешком, затем перевозили в КАМАЗе, путем выезда на территорию РФ, а затем снова на территорию Украины — в Снежное. Видели границу через прорезанный тент автомобиля» (С-72).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

На территории, подконтрольной т. н. «ДНР» и «ЛНР», не соблюдаются нормы никакой системы права, в том числе полностью игнорируются процессуальные гарантии задержанных лиц, предусмотренные как национальным законодательством, так и международными нормами права.

Задержание, проникновение в жилище и другие ограничения прав человека являются массовыми, происходят без какого-либо разрешения и без соблюдения процедур, предусмотренных как национальными, так и международными нормами права.

Боевики незаконных вооруженных формирований и представители квази-государственных силовых образований (органов безопасности, милиции, комендатур и т.д.) отличаются особой жестокостью по отношению к гражданскому населению. Массовыми являются проявления пыток, жестокого обращения, неоправданного применения средств фиксации и оружия.

Зафиксированы отдельные случаи задержания женщин, в том числе беременных и пожилых людей, а также издевательства над ними.

Подавляющее большинство захватов в плен военнослужащих ВСУ и бойцов добровольческих батальонов происходило при непосредственном участии военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации.

В подавляющем большинстве случаев к военнослужащим ВСУ и бойцам добровольческих батальонов при их захвате в плен и конвоировании к месту дальнейшего содержания под стражей применялись пытки и жестокое обращение.

V. «ПЕРСОНАЛ» МЕСТ НЕСВОБОДЫ

Полученные показания арестованных и пленных позволяют утверждать, что в большинстве случаев среди т. н. «персонала» мест несвободы отсутствовало распределение функций. Так, функции задержания, конвоирования и охраны в 38,6% случаев осуществляли одни и те же люди. Еще в 53,8% случаев эти же люди проводили процедуру допроса. Указанные случаи зафиксированы достаточно пропорционально на территориях, подконтрольных т.н. «ЛНР» (30,1%) и «ДНР» (22,7%):

Луганская область

- г. Луганск: 6-й отдельный казачий полк им. Платова (руководитель П. Дремов) – 1 случай; группа быстрого реагирования «Бэтмен» О. Беднова – 3 случая; подразделение МГБ «Смерш» – 1 случай; комендатура т.н. «ЛНР» – 3 случая;
- станция Луганская, вооруженное формирование т.н. «ЛНР» – 1 случай;
- г. Алчевск, батальон А. Мозгового «Призрак» – 3 случая; комендатура т.н. «ЛНР» – 1 случай; дружина им. благоверного князя А. Невского – 4 случая;
- г. Красный Луч, вооруженное формирование т.н. «ЛНР» – 1 случай;
- г. Краснодон, батальон «Витязь» – 1 случай;
- г. Лисичанск, батальон А. Мозгового «Призрак» – 1 случай;
- г. Перевальск, казаки «Великого войска Донского» – 2 случая;
- г. Свердловск, казаки «сотни им. С. Синельникова» – 1 случай;
- г. Северодонецк, казаки «Армии Юго-Востока» – 1 случай; 6-й отдельный казачий полк им. Платова – 2 случая;
- г. Стаханов, 6-й отдельный казачий полк им. Платова – 1 случай; казаки атамана Козицина – 1 случай.

Донецкая область

- г. Донецк: помещение ГУМВД – 1 случай; помещение СБУ – 2 случая; помещение одного из ИВС – 1 случай; боевики «Оплота» – 2 случая;
- представители «Российской Православной Армии» – 2 случая;
- г. Горловка, вооруженное формирование т.н. «ДНР» – 1 случай;
- г. Дзержинск, комендатура т.н. «ДНР» – 1 случай;
- г. Докучаевск, вооруженное формирование т.н. «ДНР» – 2 случая;
- г. Дружковка, вооруженное формирование «НКВД» – 1 случай;
- г. Константиновка, вооруженное формирование т.н. «ДНР» – 1 случай;
- г. Краматорск, вооруженное формирование т.н. «ДНР» – 1 случай;
- г. Макеевка, вооруженное формирование т.н. «ДНР» – 1 случай;
- г. Снежное, военные РФ – 20 случаев;
- г. Ясиноватая (станция), батальон «Восток» – 1 случай.

С учетом этого представляется сомнительной возможность объективного отношения и гуманного, недискриминационного обращения с большинством лиц, содержащихся в местах несвободы. Статистика применения избиения и пыток подтверждает этот тезис – 54,5% опрошенных стали жертвами физического насилия при содержании и допросах в местах несвободы.

Среди 101 детально описанного охранника мест несвободы наиболее многочисленную категорию составляют лица в возрасте 25-30 лет (26,5%) (Рис. 19).

Следует обратить внимание на то, что в охранники были привлечены не менее четырех 15-летних юношей в г. Снежное (Донецкая обл.), вооруженных АК-47, РПК,

Рис. 19. Возрастное распределение «персонала», осуществлявшего охрану мест несвободы

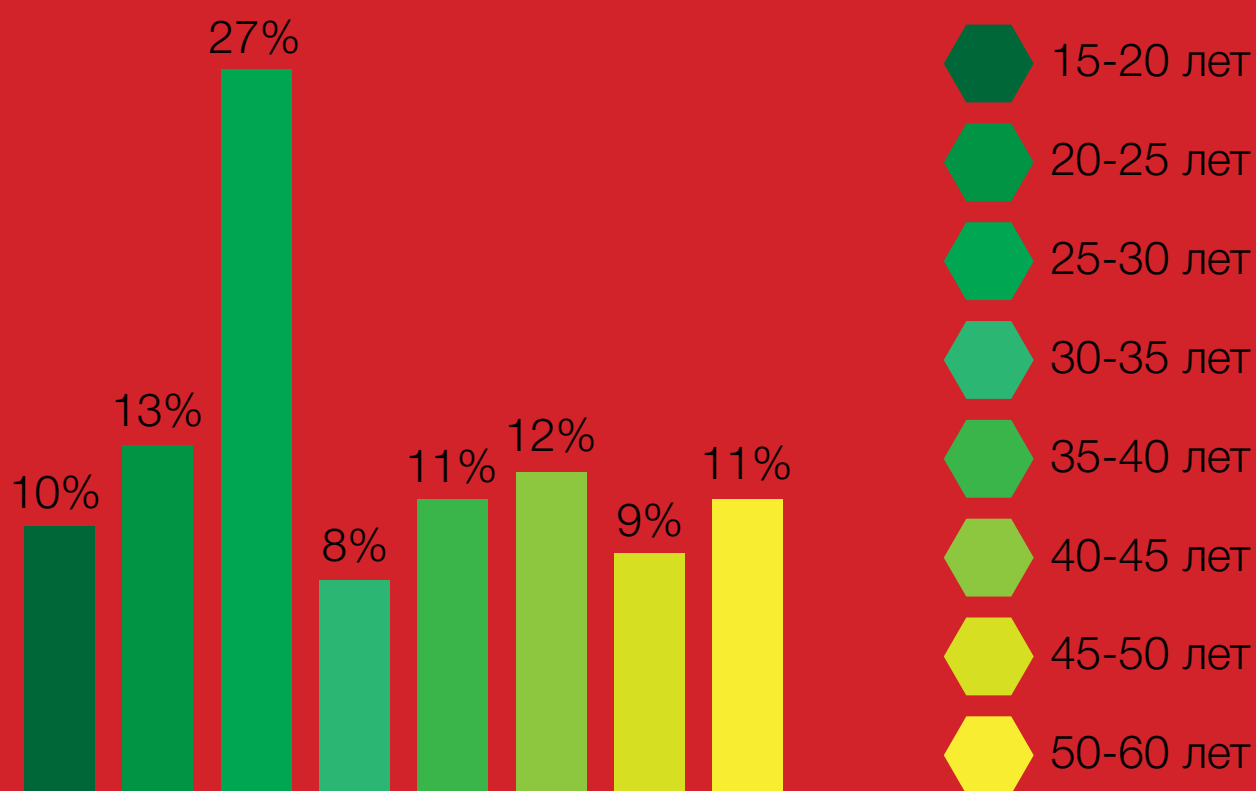

Рис. 20. Возрастное распределение «персонала», участвовавшего в проведении допросов

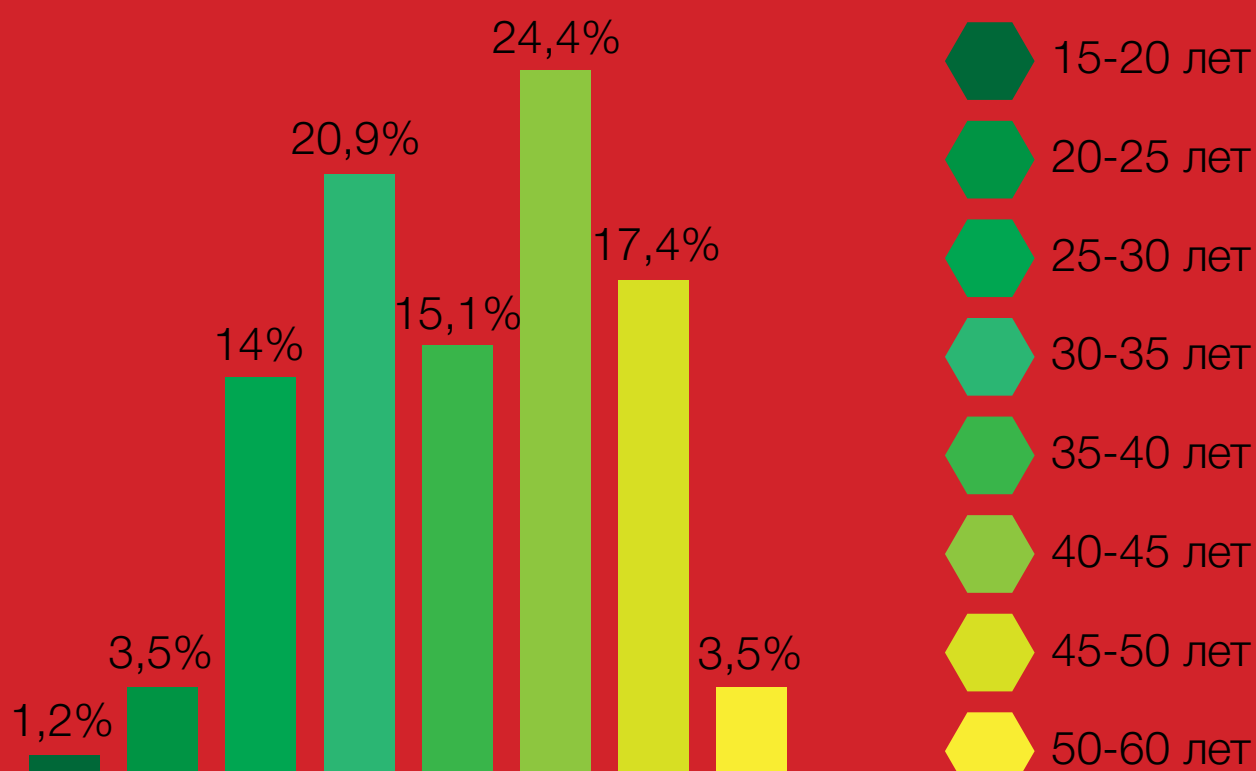

Фото 15. Привлечение детей к участию в вооруженных формированиях. Батальон «Восток». ⁴

СКС (С-26), а также 17-летняя девушка в г. Макеевка (Донецкая область) (С-123).

15 - 20 лет – 10 человек (10%);

20 - 25 лет – 13 человек (13%);

25 - 30 лет – 27 человек (27%);

30 - 35 лет – 8 человек (8%);

35 - 40 лет – 11 человек (11%);

40 - 45 лет – 12 человек (12%);

45 - 50 лет – 9 человек (9%);

50 - 60 лет – 11 человек (11%).

Распределение по возрасту 86 описанных лиц, которые были задействованы в проведении допросов, демонстрирует преимущество возрастной категории от 40 до 45 лет (Рис. 20).

15 - 20 лет – 1 человек (1,2%);

20 - 25 лет – 3 человека (3,5%);

25 - 30 лет – 12 человек (14%);

30 - 35 лет – 18 человек (20,9%);

35 - 40 лет – 13 человек (15,1%);

40 - 45 лет – 21 человек (24,4%);

45 - 50 лет – 15 человек (17,4%);

50 - 55 лет – 3 человека (3,5%).

Среди вспомогательного «персонала» следует также отметить медицинских работников, привлечение которых было зафиксировано в г. Донецке, г. Снежное и г. Макеевка (Донецкая обл.), г. Луганск, г. Красный Луч и г. Алчевск (Луганская обл.). На статус узников медицинский персонал практически не имел возможности повлиять, из-за чего освобождение или перевод в другое место по причине заболевания практически не осуществлялись. Как правило, медицинская помощь ограничивалась обработкой полученных ран, инъекциями обезболивающих или антисептических средств. Отсутствие медицинского персонала в 2/3 мест несвободы привели к нарушению требований международных документов, ратифицированных Украиной. В первую очередь это касается статьи 3 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также требований других международных правовых инструментов, в частности Европейских пенитенциарных правил (2006) ⁵, статья 41.2 которых подчеркивает необходимость мер для обеспечения при необходимости срочной неотложной помощи доступа к услугам квалифицированного врача. Свидетельства опрошенных нами военнослужащих ВСУ также указывают на несоблюдение «персоналом» мест несвободы требований Женевских конвенций в части поведения врачебного персонала:

«Власти, держащие в плену, будут выдавать каждому подвергающемуся лечению военнопленному, по его просьбе, официальную справку с указанием характера его ранения или болезни, длительности и характера лечения. Дубликат этой справки будет послан в Центральное агентство по делам военнопленных» ⁶.

Следует отдельно указать на тот факт, что, несмотря на основы врачебной этики, не весь медперсонал придерживался принципов оказания неотложной помощи задержанным гражданским и военным. Руководство городской больницы Краснодона (ул. Земнухова, 151), например, отрицательно относилось к необходимости оказания помощи захваченным украинским военнослужащим, намеренно причиняя им боль во время послеоперационных процедур (С-52).

В составе вооруженного формирования МГБ «Смерш», который дислоцировался летом 2014 г. в г. Луганск (пл. Героев Великой Отечественной войны, 10), как показали свидетели и потерпевшие, находились два русских медработника — фельдшеры по прозвищу «Пал Палыч» и «Каха» (Калинин Валерий Иванович из Краснодара). Первый применял пытки с

⁴Yleoscova. Andrey Donetsk. – 29 липня 2014 р. // https://www.youtube.com/watch?v=Z6_Z0a7sTyl

⁵Правозахист-2010. Європейські пенітенціарні правила, ст. 41.2 – 5 травня 2015 р. // <http://pravozahist.com.ua/?p=210>

⁶Ст. 30 Женевської конвенції об обращенні с військовопленими от 12 августа 1949 г. // http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/geneva_prisoners_3.shtml

использованием медицинских инструментов, а второй проявлял особую жестокость при обращении к нему арестантов (С-65).

С другой стороны, незаконные формирования также принуждали медицинских работников к выполнению несвойственных им функций. В г. Луганске, например, такие факты касались группы быстрого реагирования «Бэтмен»:

«Во время избиения, если жертва теряла сознание, вызвали медика. Медик что-то вкалывал и приводил жертву в себя. После этого пытки продолжались» (С-122).

В рамках исследования крайне сложно охарактеризовать иной «персонал», обеспечивающий пребывание задержанных в местах несвободы. Связано это, прежде всего, с неофициальным статусом этих мест, где в вооруженных формированиях т.н. «ЛНР/ДНР» не возникало даже потребности в налаживании нормальных условий содержания заключенных. Поэтому даже приготовлением пищи занимались или охранники, или сами арестанты/пленные. Лишь в единичных случаях для функций обслуживания привлекался вспомогательный «персонал» из местных жителей (г. Донецк, г. Снежное и г. Иловайск Донецкой обл.) (С-02, С-06, С-15, С-30, С-48).

Среди «персонала» этих мест несвободы женщины встречались крайне редко. В частности, пока известно только о семи из них:

- Следователь «милиции т.н. «ЛНР»», г. Алчевск — женщина около 30 лет, с русыми волосами, работала в городском отделе «милиции «ЛНР»» (С-37).

- «Багира», член военного формирования т.н. «ДНР», г. Снежное (Донецкая обл.) — местная жительница, 30 лет, блондинка с короткой стрижкой, 160 см, крепкого телосложения, одевалась преимущественно в камуфляжную военную одежду, вооружена. Участвовала в проведении допросов вместе с военнослужащим РФ (С-41, С-74, С-80, С-84).

- Охранник «Топола», руководителя «Оплота»: «Достаточно плотная, крупная девица, высокая — 180 см, симпатичная, лет 25. Волосы светлые, длинные — до пояса, распущенные. На голове была советская пилотка со звездой. Лицо продолговатое, нос большой, «клюковатый» — длинный, узкий, с горбинкой. Была одета в черную футболку с рукавами ниже локтя, военные штаны, на груди — большой крест на 12 см, на цепочке. Имела пистолет Макарова и две гранаты, одна из которых на разгрузке висела на груди» (С-5).

- Елена «Гюрза», снайперша из Российской Федерации, входила в состав одного из подразделений — «Басмачи» или «Спарта», выполняла охрану военнопленных в г. Макеевка (Донецкая обл.), во время допроса порезала одному из военнопленных все лицо лезвием (С-123, 124).

- Члены одного из подразделений — «Басмачи» или «Спарта»: «Мария из Мариуполя, Света из России, Аня (17 лет) из Донецка». Выполняли охрану военнопленных в г. Макеевка (Донецкая обл.) (С-123).

«Персонал» мест несвободы состоял преимущественно из местных жителей. Однако показания 44% опрошенных пострадавших указывают на их личный контакт с не менее чем 58 наемниками из Российской Федерации, а также кадровыми военными РФ, которые играли руководящую роль в проведении допросов и организации охраны мест несвободы. Такие случаи были зафиксированы:

в Луганской области

- г. Луганск: подразделение МГБ «Смерш» — 7 случаев; здание ОГА — 4 случая; ИВС Ленинского РО — 2 случая; комендатура ЛНР — 12 случаев;
- г. Алчевск, батальон «Призрак» — 2 случая;
- г. Краснодон, батальон «Витязь» — 1 случай;
- г. Свердловск — 11 случаев;
- г. Стаханов, казаки атамана Козицина — 2 случая.

в Донецкой области

- г. Донецк: «Русская Православная Армия» — 1 случай; батальон «Оплот» — 5 случаев; помещение СБУ — 5 случаев; бывший офис «Партии регионов» — 1 случай;

Фото 16. Бурят с позывным «Ваха» — о боевых действиях на Донбассе.⁷

⁷ News-Front. Интервью с добровольцем: бурят с позывным «Ваха» из подразделения «Ольхон». — 17 марта 2015 г. // <https://www.youtube.com/watch?v=FWOAYfeSYng>

Рис. 21. Места несвободы по населенным пунктам («ДНР» и «ЛНР»)

Правоохранительные органы (милиция, СБУ, СИЗО и т.п.)

Военные объекты

Органы государственной власти и местного самоуправления

Промышленный объект

Учебное или научное заведение

Гараж

СМИ

Коммерческий объект (заведение общественного питания, отдыха, автозаправка и т.п.)

Больница

Административное здание

Частный дом

Многоэтажный, жилой дом

Места удержания под открытым небом (яма, вольер, клетка, канализационный люк и т.п.)

Таблица 2. Уровень вероятности идентификации лиц, которые выполняли функции «персонала» мест несвободы

№	Уровень вероятности идентификации	Представители т.н. «ЛНР/ДНР»	Представители РФ
1	НИЗКИЙ Известно: кличка-прозвище, формирование, населенный пункт	78 (51,7%)	17 (63%)
2	СРЕДНИЙ Известно: кличка-прозвище, формирование, населенный пункт + имя/фамилия, национальность, особые приметы	45 (29,8%)	7 (25,9%)
3	ВЫСОКИЙ Известно: кличка-прозвище, формирование, населенный пункт + имя/фамилия, национальность, особые приметы + подробности биографии/личной жизни, образование, место рождения, стабильная деятельность в течение длительного времени	28 (18,5%)	3 (11,1%)

- г. Константиновка – 1 случай;
- г. Краматорск, ИВС горотдела милиции – 2 случая;
- г. Макеевка, комплекс «Ника» – 2 случая;
- г. Славянск – 1 случай;
- г. Снежное – 10 случаев;
- с. Новокатериновка Старобешевского района Донецкой области – 1 случай.

«Российскими военными командовал «Лиса». Ориентировочно 35 лет. Рост около 175 см. Рыжий. Худой. Это были контрактники из Пскова, Поволжья, Оренбурга» (С-39, С-46, С-50).

«Они оказались наемниками из числа граждан Российской Федерации, по их словам – осетинами по национальности» (С-74).

«Среди охранников были российские военные, часть охранников заставляла петь российский гимн. Несколько человек были из Ростова. По словам людей, бывших в группе, которая базировалась на том объекте, они воевали в Дагестане, Ираке, Карабахе, Лаосе, Вьетнаме и тому подобное. Среди них также был один чеченец и один осетин» (С-65).

Фото 17. Наемники с Северного Кавказа, г. Донецк, июнь 2014⁸

«Врач, пришедший ко мне, оказался капитаном российских войск в погонах и с нашивками на военной форме. Это был русский спецназ» (С-82).⁸

Обращая внимание на уровень подготовки «персонала» мест несвободы, следует напомнить, что требования ряда международных документов практически тождественны в этой части. Так, от «персонала» мест несвободы требуется, чтобы он был тщательно отобран, прошел курс подготовки по выполнению своих общих и конкретных обязанностей. Руководство таким «персоналом» должно осуществлять лицо, имеющее достаточную квалификацию и соответствующие личные качества, административные навыки, надлежащую профессиональную подготовку и опыт^{9,10}.

Результаты исследования свидетельствуют, что эти стандарты обращения с военнопленными и незаконно задержанными гражданскими лицами не соблюдаются на территории т.н. «ЛНР/ДНР». Хотя, как сообщают опрошенные, по крайней мере 87 человек среди т.н. «персонала» имели военное образование или профессиональную подготовку в сфере деятельности правоохранительных органов. 40 из них были представителями Российской Федерации с опытом работы в вооруженных силах и ФСБ, а остальные 47 – бывшими работниками правоохранительных органов Украины (ОВД, СБУ), которых в основном привлекали для проведения задержаний и допросов. Наибольшее количество бывших следователей, например, перешедших в настоящее время на сторону т.н. «ДНР», зафиксировано в бывшем областном управлении СБУ в Донецкой области (пять человек).

⁸ 62.ua. Кадыров заявил, что все чеченские «хулиганы», воевавшие за боевиков «ДНР», уехали из Донбасса. – 31 липня 2015 р. // www.62.ua/article/909467

⁹ Правозахист-2010. Европейські пенітенціарні правила, ст.ст. 76, 81, 84 – 5 травня 2015 р. // <http://pravozahist.com.ua/?p=210>

¹⁰ UA Право. Мінімальні стандартні правила поводження з в'язнями, ст.ст. 46, 47. // <http://ukraine.uapravo.net/data/base66/ukr66277.htm>

Оценивая вероятность идентификации в дальнейшем указанных в интервью лиц, выполнявших функции «персонала» мест несвободы (охрана, допросы, конвоирование на принудительных работах, медицинская помощь, обеспечение пищей), мы можем распределить их, по меньшей мере, на три категории, которые приведены ниже в таблице.

К категории лиц, имеющих высокий уровень вероятности их идентификации, можно отнести, например, одного из сторонников т.н. «ДНР»:

«Я работал на принудительных работах у человека с позывным «Григорович», звали его Виктор Григорьевич, он был кем-то вроде завхоза в батальоне «Заря». По его словам, он был уже несколько лет милицейским пенсионером, в прошлом — заместителем начальника луганского «Беркута». Очень идейный сторонник Новороссии был, говорил, что ему 62 года» (С-09).

Такие же высокие шансы быть опознанным имеет один из представителей РФ:

«В городе Снежное решение о содержании под стражей принимал офицер российской армии, полковник с позывным «017», который имел шеврон «Вежливые люди». Он проводил допросы исключительно с военнопленными. Руководил казнью местного жителя. Утверждал, что принимал участие в захвате Крыма и говорил, что это у него уже четвертая война. Высокий, ростом 185-190 см, крепкого телосложения, лет 40-45, с небольшим животом, холерный, морщины на лице, смуглые с проседью коротко стриженные волосы. Проживает под Москвой. Очки имел очень дорогие, постоянно крутил в руках пистолет Макарова. Его потом заменили из-за того, что он, по мнению руководства, был лоялен к пленным» (С-20, С-36, С-41, С-72, С-74, С-84).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

«Персонал» мест несвободы, несмотря на наличие среди них лиц, как минимум, с военным образованием

или профессиональной правоохранительной подготовкой, оказался неспособным обеспечивать соблюдение требований международного гуманитарного права, Европейских пенитенциарных правил, Минимальных стандартных правил обращения с заключенными.

Отсутствие распределения функций среди «персонала» мест несвободы в результате приводит к тому, что исполнение процедур задержания, конвоирования, охраны и допросов осуществляется в 53,8% случаев одними и теми же лицами. Такой подход к исполнению норм права ставит под сомнение возможность объективного отношения и гуманного, недискриминационного обращения с задержанными лицами — это подтверждается фактами физического насилия по отношению к 54,5% из них, что имело место именно во время содержания в местах несвободы.

Несмотря на доминирование возрастной категории 25-30 лет среди охранников мест несвободы, следует акцентировать внимание на недопустимости привлечения к выполнению этих функций несовершеннолетних юношей и девушек, что было зафиксировано на территории т.н. «ДНР».

Медицинский персонал, который мог быть привлечен незаконными вооруженными формированиями т.н. «ДНР/ЛНР» для оказания помощи задержанным и военнопленным, фактически отсутствовал в 2/3 мест несвободы. В остальных случаях такой персонал имел недостаточный уровень квалификации, ограниченные полномочия и ресурсы для назначения полноценного лечения, чем нарушались требования Европейских пенитенциарных правил (2006 г.) и Женевских конвенций. Также были зафиксированы случаи участия медицинских работников в жестоком обращении с задержанными и пленными.

В 44% случаев руководящую роль в проведении допросов и организации охраны мест несвободы играли кадровые военнослужащие и наемники из Российской Федерации.

VI. УСЛОВИЯ СОДЕРЖАНИЯ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ

Анализ анкет позволил установить 79 отдельных объектов на неподконтрольной Украине территории, которые использовались в качестве незаконных мест лишения свободы в 28 городах восточной Украины или вблизи этих городов.

Все места несвободы, где находились в заключении военнослужащие ВСУ, бойцы добровольческих формирований, волонтеры или гражданские лица, можно условно разделить на два типа. К первому относятся те, которые в той или иной мере предусматривают содержание под стражей лиц и оборудованы соответствующим образом, а также имеют соответствующий персонал. Это изоляторы временного содержания (ИВС) в захваченных городах, следственные изоляторы (СИЗО), помещения правоохранительных органов (райотделы, горотделы МВД, СБУ), которые функционально были предназначены и всегда использовались для содержания лиц под стражей.

Однако практически все опрошенные в ходе исследования лица содержались в непригодных для этого местах — это были помещения в административных или даже в частных зданиях, подвалы в таких помещениях, гаражи, сараи, ямы, иногда людей держали прямо на открытом воздухе. Подавляющее большинство опрошенных лиц из тех, кто побывал в местах несвободы, отмечают, что такие места не были должным образом оснащены для содержания лиц под стражей и в них не было соответствующих условий для такого содержания.

Вместе с тем следует отметить, что даже в помещениях правоохранительных органов задержанные лица находились в ненадлежащих условиях, поскольку большая часть из опрошенных была помещена в подвалы, бомбоубежища, тиры. Результаты опроса показывают, что почти половина всех опрошенных содержалась в подвалах — если точно, то 49% от общего числа опрошенных.

Места несвободы, которые были приспособлены для содержания лишенных свободы лиц, как правило, находились под контролем правоохранителей, которые продолжали работать в этих заведениях, и, соответственно, за короткий промежуток времени существенно не меняли стандарты содержания лиц, помещенных в камеры или другие помещения, предусмотренные для содержания задержанных лиц. Из 130 свидетельств, которые были получены в результате исследования мест несвободы, становится очевидным, что такие стандартные места содержания представлялись намного более удобными и «комфортными» по сравнению с теми условиями, когда человека помещали в гараж, подвал или другое необорудованное место содержания. Это подтверждается описанием содержания в Алчевском горотделе МВД:

«Были две камеры-клетки: в одной содержались мужчины, в другой — женщины. Клетка из металлических прутьев, с лавками для задержанных. Относительно чисто, повышенной влажности и задымленности не было. Температура — комнатная. Дневного света не было. Воздуха было достаточно. Прогулок не было. По требованию конвой выводил в туалет на этаже. Кроватей, матрасов не было. Спали на лавках. Температура была нормальной (не жарко, но и не холодно, в соответствии с сезоном)» (С-3).

Неформальные места содержания, как правило, создавались незаконными вооруженными формированиями вблизи мест дислокации этих группировок или неподалеку от таких мест. Это место определялось не только как место содержания, но и как место наказания тех, кто «провинился»: допустил дисциплинарные проступки, попал в руки вооруженных преступников без документов, не так посмотрел или не то сказал, пребывал в состоянии алкогольного опьянения или просто на кого-то был составлен доклад (С-105). Такие неформальные места содержания

Таблица 3. Объекты, которые были посещены мониторами в ходе проекта

№	Город	Объект	Место непосредственного содержания
1	Дзержинск	горисполком	помещение на первом этаже
2	Константиновка	Константиновский городской совет/ Константиновская межрайонная прокуратура	подвал
3	Славянск	помещение СБУ	подвал
4	Славянск	горисполком	помещение на четвертом этаже (содержались заложники из миссии ОБСЕ) и подвал
5	Краматорск	горисполком	помещение на первом этаже (гардеробная)
6	Краматорск	помещение ювелирной мастерской	два помещения в подвале
7	Северодонецк	Государственный НИИ азотной промышленности и продуктов органического синтеза, ул. Вилесова, 1	подвал
8	Северодонецк	помещение УБОПа	камеры
9	Северодонецк	помещение СБУ	
10	Лисичанск	помещение СБУ	подвал
11	Лисичанск	ЗАО «Лисичанский стеклозавод «Пролетарий»» в г. Лисичанск	бомбоубежище-подвал
12	Лисичанск	ДОСААФ в г. Лисичанск (бывшая комендатура)	подвал

лиц под стражей считались намного жестче по условиям содержания. За них формально никто не нес ответственности и обращение с помещенными в них лицами зависело от воли тех, кто произвольно лишал их свободы. Следует отметить, что 59 человек из 130 опрошенных, а это 47% из всего числа опрошенных, были помещены именно в такие «самодельные» неформальные места несвободы, которые использовались преступниками из пророссийских вооруженных группировок.

При этом такими группировками не признавались никакие правовые нормы, они открыто совершали преступления в нарушении статьи 146 Уголовного кодекса Украины, которая предусматривает наказание за незаконное лишение свободы или похищение человека. Свидетельством как патологической садистской жестокости, так и полной безнаказанности преступников является опубликованная информация о жертвах бандита Лютого в городе Брянка, в которой сообщается о том, как боевики безнаказанно и бесконтрольно удерживали, пытали, убивали людей на территории Брянки и Алчевска¹¹.

Нередко человека помещали по очереди в несколько мест. Один из опрошенных за время лишения свободы побывал в восьми местах за период с 29 октября 2014 г. по 23 мая 2015 г. Это были подвалы, полуподвалы, иногда офисные помещения (С-64).

Другое лицо в течение 24 дней лишения свободы удерживали в трех местах (в ИВС Северодонецка, в гараже на территории УБОПа в г. Стаханове и в гараже на территории кафе в Перевальске) (С-78).

На сегодня к части тех помещений, о которых были получены свидетельства лиц, захваченных и незаконно удерживаемых, имеется доступ, поскольку они находятся на подконтрольной Украине территории. В частности, такими местами являются помещения и сооружения в освобожденных в 2014 г. городах Славянске, Краматорске, Дзержинске, Константиновке, Лисичанске, Северодонецке. Их удалось посетить и проинспектировать мониторами (см. таблицу 3).

Лиц помещали в места, которые находились вблизи размещения баз вооруженных групп, таких, как «Призрак», «Оплот», «Бэтмен», «Кальмиус», «Восток», «Сомали», «Спарта», «Заря», «Армия Юго-Востока» и т.д., и это были подвалы, другие непригодные для содержания людей помещения — бомбоубежища, тир, архивы.

В частности, использовались и помещения для содержания животных: «Как говорили люди, которые сидели уже некоторое время, до того, как туда вселили задержанных, там держали собаку. Стены, поцарапаны ее когтями» (С-9).

Следующие свидетельства из материалов опроса пострадавших также являются фактически документальным подтверждением предыдущей информации.

¹¹ Боевики «ЛНР»: в Брянке найдены 17 тел жертв бандита Лютого. – 14 августа 2015. - // <http://gordonua.com/news/war/Boviviki-LNR-V-Bryanke-naydeny-17-tel-zhertv-bandita-Lyutogo-94009.html>

«В Донецке это было старое бомбоубежище под зданием СБУ. В городе Иловайск это были бывшие КПЗ, из которых впоследствии сделали тир. Во время боевых действий в тот тир попала мина и там все выгорело. Вот туда нас и поселили. Мы там навели себе порядок. Вынесли камни, мусор, штукатурку, которая обвалилась. В этом полуподвальном помещении мы жили все остальное время — 74 дня» (С-73).

«Донецк. В подвале было четыре комнаты по 20-25 кв.м. Сыро, холодно, отсутствовало дневное освещение. Минимальное искусственное освещение. Также в подвале было два туалета, которые не работали, и несколько комнат для вентиляции. Но вентиляция не работала до середины сентября. Затем ее починили.»

«Иловайск. Комната около 40 кв.м. на первом этаже. Черные потолки и стены. Сыро, холодно, минимальное дневное освещение через одно окно 0,5x1,5 м. Минимальное искусственное освещение» (С-39).

«Луганск. Подвал в трубах, все влажное, везде вода, плесень, сырость. Штукатурка обваливается. Было прохладно. Возле кровати была кровь, но я не уверен, что она была не моя. Вентиляции не было. Комната примерно 6x4 м.» (С-44).

«Северодонецк, ул. Вилесова, 1, подвал ГИАПа. Трансформаторная, бетонное помещение. Было темно, душно, 16 человек на 9 кв. м., спали на картонных коробках в подвале» (С-69).

Фото 18-28. Условия содержания в незаконном месте лишения свободы, которое функционировало в заброшенном бомбоубежище на территории ЗАО «Лисичанский стекольный завод «Пролетарий»».

Здесь и далее подаются фотографии с изображением показателей дальномера — прибора, который рассчитывает и отображает общую площадь помещений, в которых находились принудительные места несвободы, их высоту, длину и ширину.

«Задержанная вместе со своим шестилетним сыном находилась в городе Перевальск в кафе-баре «Торнадо» по ул. Дзержинского. Это было небольшое отдельное помещение в кафе по типу какого-то склада. В помещении было душно и жарко. Находились там почти сутки» (С-71).

«Краматорск, Донецкая область, ул. Шкадинова, 14. Ювелирное предприятие. Было очень трудно дышать, было влажно и жарко. Помещение не убиралось. Сырость, затхлый запах, грязные рваные матрасы и подушки» (С-57).

«Славянск. Подвал СБУ в Славянске можно охарактеризовать одной фразой — «непригодное помещение»: грязь, слабое освещение, питание на полу» (С-45). Именно в этом подвале удерживали в апреле 2014 г. замученного до смерти депутата Горловского городского совета Владимира Рыбака.

«Здание Дворца спорта «Металлург», город Алчевск, ул. Ленинградская, 41. Содержался чуть менее трех суток в подвальном помещении Дворца спорта, предназначенном для пулевой стрельбы. Много пыли, воздуха не хватало, было тепло и душно (август)» (С-77).

«Часть людей содержалась в камерах, другие — в двух гаражах на территории горотдела МВД, по 45 и 54 человек в каждом. Потолок протекал, пол цементный, спали на дверях и досках. Было жарко, во время дождя — влажно. В данном помещении находился 18 суток» (С-72).

«В одном гараже нас было 45 человек. Окон не было. Свет утром было видно сквозь щели между досками в стенах. Высота потолка примерно 2,80 м. Площадь около 8х5 м. или 8х6 м. Спать нам всем было тесно. Спали кто как: на досках, кому достался матрас. Ночью в помещении было холодно, накрыться было нечем. Днем, наоборот, было жарко. Мыться или стирать вещи возможности не было» (С-80).

«Луганск, площадь Героев Великой Отечественной войны, 10-А. Это были фактически гаражи с бетонными потолками и полом. Днем было очень жарко и душно, ночью было прохладно» (С-65).

«Луганск. Потом кинули в гараж. Гараж был капитальный. Там была смотровая яма, в ней стояло ведро, куда мы ходили в туалет. В углу лежал лист ДСП, и было два армейских одеяла, и все, больше там ничего не было. Там бетон был, и мы спали на этих армейских одеялах. Дышалось там очень плохо. Был сильный запах от туалетного ведра. Двери просто так никто вообще не открывал. Проветривалось помещение только два-три раза за все время, и то по нашей просьбе. В гараже просидели три недели» (С-23).

«Снежное. Нас удерживали в кирпичном гараже площадью 15 кв. м. Санитарное состояние помещения было ужасным. Аварийное. Дырявые стены и крыша, во время дождя все плавало. Окон не было. Было грязно. Температура была такая же, как и снаружи» (С-41).

«Это было складское помещение, которое выстроено бетонными блоками (бетонитом). У него были металлические двери. Помещение маленькое, размером приблизительно 2х3 м. Лампочки там не было. Там было темно, окна не было. Там было очень жарко и душно (не было ни отдушины, ни окна, лишь плотная дверь). Жара была страшная. Это здание не было приспособлено, чтобы там жило живое существо. Там крысе делать нечего» (С-4).

«Гараж на территории комендатуры города Стаханова по ул. 395 Шахтерской дивизии, 48. Обычный гараж для автомобилей с ямой, точную площадь сказать не могу, приблизительно 6х4 м. Стены — шлакоблок. Пол — бетон. Нас там содержалось порядка 15 человек» (С-54).

«Помещение было маленькое, тесное, с лампочкой, нельзя было даже ноги вытянуть. На полу лежали пустые упаковки от цемента. Комната была

Фото 29-32. Условия содержания в незаконном месте лишения свободы, которое находилось в подвальных помещениях Государственного научно-исследовательского и проектного института азотной промышленности и продуктов органического синтеза в г. Северодонецк.

размером примерно метр на полтора (маленькая комнатуха)» (С-21).

Иногда людей удерживали просто на открытом воздухе, приковывая их наручниками или помещая в клетки.

«Меня привезли на их базу — кафе под открытым небом «Лесная сказка» (Алчевск, пр. Metallургов, 49). Было около часа ночи. Раньше в этом кафе содержались животные, было много металлических заборов. Одной рукой меня приковали к одному из таких

заборов. Минут через пять привезли моего товарища, тоже приковали его к забору. До нас там находился парень, тоже прикованный. Возможности перемещаться ночью не было — был прикованным одной рукой к забору» (С-24).

«Поначалу меня несколько дней держали на улице, там было построено что-то, похожее на вольер. Пять дней там, а потом перевели в тамбур. Получается, как центральный вход в здание: металлические двери стоят, и тамбур где-то метр шириной и метр в длину» (С-29).

Фото 33-34. Подвальное помещение ювелирной мастерской, использовалось в качестве незаконного места лишения свободы, г. Краматорск Донецкой области.

Также людей содержали в клетках в отдельных помещениях, которые были предусмотрены для содержания арестованных, например, в зале судебных заседаний, о чем имеется следующее свидетельство: *«В комендатуре в Докучаевске я трое суток находился в клетке для заключенных в зале судебных заседаний. Клетка 1,5x2 м.» (С-25).*

Нередкой была практика использования служебных помещений для содержания в них лиц, которых незаконно лишили свободы. Следующие примеры подтверждают это.

«Гардеробная в горисполкоме размером примерно 3x6 м. Под окном — сетка от кровати. Несколько простыней, стол, кресло, журнальный стол, три или четыре стула. Сначала, кроме меня, находилось семь человек, на пятые сутки моего пребывания там находилось 27 человек» (С-38).

«Помещение редакции «Вечерний Алчевск» (Луганская область, город Алчевск, ул. Ленинградская, 7). Я был привязан наручниками к трубе батареи отопления на лестничном марше между первым и вторым этажами» (С-40).

«Удерживался я в здании военкомата в городе Алчевск, в подвальном помещении, непригодном для длительного содержания людей. Было холодно и душно» (С-116).

Сам факт принудительного помещения людей в непригодные помещения, тем более на длительное время, является нарушением общепризнанных на международном уровне стандартных норм содержания лишенных свободы.

«Согласно международным стандартам, камеры должны содержаться в чистоте, их площадь должна быть соотносима с количеством людей, на которое они рассчитаны. Они должны быть с достаточной вентиляцией, доступом к естественному освещению, а также к искусственному освещению с яркостью, достаточной для чтения. Кроме того, в камерах должны также быть места для отдыха, такие, как неподвижно закрепленный стул или скамейка. Лицам, которые остаются под стражей на ночь, должны быть выданы чистый матрас и чистое одеяло. Содержащиеся под стражей лица должны иметь возможность отправлять свои естественные потребности, когда им это необходимо, в чистых и приемлемых условиях, а также иметь возможность пользоваться санитарными узлами для мытья. Им постоянно должен предоставляться доступ к питьевой воде, а также они должны получать в соответствующее время питание, в том числе как минимум раз в сутки — полноценное питание (то есть, что-то более существенное, чем бутерброд). Лица, которые содержатся под стражей длительное время (24 часа или более), должны быть обеспечены надлежащими средствами личной гигиены и, по возможности, ежедневными прогулками на свежем воздухе»¹².

В зависимости от мотивов содержания — желания «спрятать» и максимально изолировать лицо или же, наоборот, потребности преступников держать жертву рядом с местом, где можно было ее использовать в качестве рабочих рук — места содержания, соответственно, были тайными и открытыми. Как видно из приведенных свидетельств, максимально закрытыми выглядят подвалы и гаражи, относительно «открытыми» были помещения в административных зданиях, таких, как комната гардеробной в горисполкоме Краматорска. Однако в любом случае такие места содержания являются безусловно незаконными местами лишения воли без необходимых минимальных условий по обустройству этих помещений.

К ненадлежащим условиям относится также и нераздельное содержание в течение длительного промежутка времени женщин и мужчин, о чем свидетельствует приведенное ниже свидетельство.

«Деление на группы было, но все же во время моего содержания вместе с нами (мужчинами) какое-то время содержалась женщина. Когда кто-то ходил в туалет, все остальные находились в этой же камере» (С-23).

¹² Эрик Сванидзе. Борьба с жестоким обращением и безнаказанностью. Права содержащихся под стражей лиц и обязанности должностных лиц органов правопорядка. Совет Европы, 2009, с. 9.

Фото 34-39. Условия содержания в незаконном месте лишения свободы, которое размещалось в подвальных помещениях Славянского городского отдела управления СБУ в Донецкой области во время захвата города пророссийскими незаконными вооруженными формированиями.

Фото 40-44. Условия содержания в незаконном месте лишения свободы, которое размещалось в подвальных помещениях Славянского городского отдела управления СБУ в Донецкой области во время захвата города пророссийскими незаконными вооруженными формированиями.

«И мужчины, и женщины содержались вместе. Разделения на группы не было» (С-76).

Вопрос о санитарных условиях, в том числе об отправлении естественных надобностей, в местах, которые не относятся к специально оборудованным (а в основном это наблюдалось почти во всех случаях) решались практически всегда одним и тем же способом — использованием ведра или пластиковых бутылей.

Вывод в туалет производился, по словам опрошенных, раз в сутки, иногда вообще наблюдался отказ вывода в туалет.

«Я не имел доступа к санузлу вообще. Требовал, чтобы меня вывели к санузлу, но мою просьбу проигнорировали» (С-44).

«Лишенную свободы женщину, которая была беременной на пятом месяце, умышленно выводили в туалет редко. Когда она не выдерживала и справляла нужду в камере (а на таком сроке беременно-

сти очень важно своевременно иметь доступ к санузлу), это использовали как повод для ухудшения условий» (С-111).

Уже приведенная характеристика мест содержания — в основном это были гаражи, подвалы, склады — указывает на недостаточные и ненадлежащие санитарные условия, в которых находились лица, незаконно помещенные в эти места.

Важной характеристикой содержания лишенных свободы лиц является обеспечение их жизненно необходимыми потребностями: они должны получать воду и питание. Материалы опроса указывают на то, что обеспечение содержащихся в местах несвободы лиц питанием было неудовлетворительным.

«Когда меня посадили, в подвале была пластиковая бутылка 1,5 л с водой, но наполненная лишь наполовину. Больше воды за четыре дня не давали, хоть я и просил, говорили, что этой хватит. Поэтому приходилось пить воду с пола, ту, что стекала из труб» (С-44).

Фото 45-47. Условия содержания и следы крови на стенах в подвальном помещении, которое использовалось как незаконное место лишения свободы пророссийскими вооруженными формированиями. Частный дом, г. Славянск, ул. Розы Люксембург, 53.

«Воду давали техническую, периодически приезжала пожарная машина, из нее набирали техническую воду, которую потом пили» (С-27).

«Емкости с водой, которые не всегда можно было наполнить по необходимости. Однажды из-за нехватки воды было введено деление на порции» (С-60).

«Кормили меня через раз. Могли раз в несколько дней, потом через день. Это были гадкие, пропавшие макароны. Такая баланда какая-то. И черствый хлеб, я просто зубы об него поломала, два зуба. И вода какая-то иногда» (С-111).

«Еду мне дали всего два раза за пять дней — макароны с мясом и кашу. Мне пришлось разделить их на несколько порций» (С-35).

«В подвале кормили один раз в день. Кормили вермишелью «Мивина». Один раз была картошка» (С-57).

«Луганск, помещение СБУ. Воду приносили. Проблемы были с едой: в помещении у дверей стояло одно большое корыто длиной 130–140 см, в которое из ведер заливали кашу. Чем есть — не давали, поэтому люди делали это кто как мог — кто руками, кто-то находил среди оставленных документов плотную бумагу и делал из нее «ложку»» (С-05).

«На следующий день утром (точно сказать не могу, при себе часов не было) принесли тарелку какой-то каши. Это был единственный раз за все время моего там нахождения» (С-102).

«Раз в день давали какую-то кашу (в обед) и хлеб. По-моему, это была пшонка» (С-61).

Важным условием содержания в месте несвободы является возможность контактировать с внешним миром посредством телефонных звонков, в частности, сообщить родным или близким о задержании, иметь возможность контактировать с ними во время пребывания в неволе. Практически во всех случаях опрошенные общались об отсутствии возможности телефонных переговоров с родными и близкими в первые дни содержания в неволе. Это лишало возможности сообщить о месте содержания, причине заключения, как-то повлиять на условия содержания, получить медицинскую помощь, необходимые вещи или лекарства и тому подобное.

Отдельно следует отметить, что в такие же самые жесткие условия содержания преступники помещали также инвалидов, которые были лишены конечностей (рук, ног), или были инвалидами с детства (С-94, С-106, С-111).

«За время пребывания в плену к нам приходила врач. Мы ее позвали через конвоиров. Мне сказала, что ничем помочь не может, потому что сломаны ребра и надо перемотать простынями, но у них самих

Фото 48-49. Помещения в Славянском городском совете, которые использовались как незаконные места лишения свободы пророссийскими вооруженными формированиями.

не хватало простыней для своих» (С-5).

«Относительно оказания медицинской помощи в Еленовке и Докучаевске речи не было» (С-25).

«Медицинскую помощь в Иловайске нам не предоставляли. Один парень там сильно простудился, и его забрали и увезли в Иловайск в больницу. С неделю или две он там пролежал. Лечили воспаление легких. Затем его вновь вернули к нам. Но у него все еще была высокая температура. И почти у всех постоянно была высокая температура. У некоторых очень сильно болели зубы. У меня было воспаление барабанной перепонки правого уха. Я перестал им слышать» (С-73).

«У меня были пулевые ранения в области позвоночника. Первые двое суток после задержания я находился в городской больнице Краснодона. Там оказали так называемую помощь — достали пули, без обезболивающего, наживо, наложили повязку, прикрепили пластырем, лечения как такового не было» (С-52).

«Люди после избиений не получали медицинской помощи. Возможно, кто-то индивидуально и получал, но медицинских работников и лекарств я не ви-

Фото 50. Бутылка, наполненная мочой. Типичный туалет для узников. Бывшее незаконное место лишения свободы, которое функционировало в заброшенном бомбоубежище на территории ЗАО «Лисичанский стекольный завод «Пролетарий»».

дел» (С-54).

«У меня на глазах на третий день после избитый умер мужчина. Я звал медицинскую помощь, но ее не предоставили» (С-116).

РАССЛЕДОВАНИЕ СЛУЧАЕВ, СВЯЗАННЫХ С НЕЗАКОННЫМ ЛИШЕНИЕМ СВОБОДЫ

Расследование преступлений, совершенных парамилитарными образованиями «ДНР» и «ЛНР», осуществляют МВД и лишь частично СБУ. Большое количество таких преступлений вызвало чрезмерную нагрузку на правоохранительную систему. Поэтому сами расследования ненадлежащего качества, и, как следствие — отсутствуют результаты в расследовании большинства дел.

Ненадлежащая эффективность расследований объясняется также угрозой разглашения информации о жертвах на территориях, которые неподконтрольны Украине, что делает жертвы уязвимыми и удерживает их от активного участия в расследовании.

Наиболее существенными факторами, определяющими низкие результаты в расследовании преступлений, является невозможность доступа украинских правоохранительных органов на территории, где были совершены преступления, проведение соответствующих процессуальных действий на этих территориях,

а также невозможность задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений.

Это свойственно в полной мере и для расследования случаев с незаконным лишением свободы. Следовательно, эта проблема переходит в разряд латентных, когда масштаб преступлений точно установить нет возможности, что уменьшает возможные шансы привлечь виновных в совершении таких преступлений к ответственности. Это становится одной из причин, почему жертвы и пострадавшие не были мотивированы подавать обращения в правоохранительные органы, и даже тогда, когда такое обращение имело место, не получали информации о ходе расследования.

«Я в правоохранительные органы Украины не обращался и не вижу в этом смысла» (С-116).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

Условия содержания лиц в незаконных местах лишения свободы на территории восточных областей Украины могут, в целом, быть определены как жесткие и несоответствующие установленным стандартам содержания лиц под стражей. В зафиксированных материалах опроса имеются свидетельства об отсутствии жизненно необходимых условий, таких, как предоставление медицинской помощи, доступ к воде и пище, необходимые санитарные условия, содержание лиц в помещениях, не предусмотренных и не приспособленных для такой цели — с учетом размера, оборудования, возможности спать.

Во многих случаях приведены свидетельства о нечеловеческих условиях содержания под стражей, что вызвано умышленным желанием нанести физические и моральные страдания лицам, находившимся в таких местах.

Условия содержания лиц под стражей должны тщательно контролироваться со стороны независимых органов и мониторинговых механизмов. Также должна быть возможность их обжаловать или изменить.

Расследования случаев незаконного лишения свободы не являются эффективными. Это приводит к тому, что пострадавшие не обращаются в правоохранительные органы с целью привлечь виновных к ответственности, поэтому факты противоправного лишения свободы остаются в большинстве случаев безнаказанными.

VII. ПЫТКИ И ЖЕСТОКОЕ ОБРАЩЕНИЕ С ЛИЦАМИ, ЛИШЕННЫМИ СВОБОДЫ

Результаты анализа интервью лиц, освобожденных из неофициальных мест несвободы на территории Украины, подконтрольной незаконным вооруженным формированиям, свидетельствуют, что пыткам и жестокому обращению были подвергнуты 86% военнопленных и 50% гражданских лиц, то есть каждое второе гражданское лицо. Таким образом, можно утверждать, что на территории т.н. «ДНР» и «ЛНР» распространена практика пыток и жестокого обращения с незаконно удерживаемыми гражданскими лицами и военнопленными. Эти действия тщательно организованы, связаны между собой и происходят во всех неофициальных местах несвободы. Данное явление носит системный и масштабный характер, что демонстрирует существование сознательной политики на осуществление пыток и жестокого обращения с задержанными. Следовательно, эти случаи являются ничем иным, как военными преступлениями незаконных вооруженных формирований и требуют детального расследования.

Значительная часть опрошенных говорит о регулярности такой практики пыток и жестокого обращения. На это указали 68% опрошенных военнослужащих и 71% гражданских лиц. Системность пыток прослеживается в многочисленных показаниях пострадавших: *«Каждый день мог быть разный, когда хотели, тогда и будили, выводили на избиение, допрашивали постоянно»* (С-56); *«Да, контакты были. Их суть заключалась в том, что нас били»* (С-48); *«Была большая психологическая травма — дважды у меня были намерения в плену покончить жизнь самоубийством, ситуация казалась безысходной»* (С-73); *«Тех, кто говорил на украинском, били»* (С-98). Жестокость пыток подтверждают и работники медицинских учреждений на оккупированных территориях: *«Известны случаи избиения членами батальона*

«Восток» людей, которые через какое-то время после этого умерли. Фамилии и детали мне неизвестны. Обращались как к врачу-хирургу в больнице» (С-24).

В результате таких действий количество людей, получивших увечья и телесные повреждения различной тяжести вследствие применения пыток и жестокого обращения, которые осуществлялись только вне процедуры «допросов» (о пытках на допросах речь будет идти далее), составляет 65% среди опрошенных военнопленных и 74% среди гражданских лиц.

Лица, которые находились в местах несвободы непродолжительное время (от нескольких часов до двух суток), лица с инвалидностью и лица женского пола меньше подвергались пыткам или становились жертвами жестокого обращения. Об этом свидетельствуют следующие обобщенные данные.

Не были подвергнуты пыткам:

- лица, которые пребывали в местах несвободы непродолжительное время (до одного, максимум двух дней): 20% военнослужащих и 31% гражданских лиц;
- лица, которые имели инвалидность или получили травмы и увечья: 40% военнослужащих и 5% гражданских лиц;
- лица женского пола: 6% гражданских лиц.

Были подвергнуты пыткам:

- 10% военнослужащих и 21% гражданских лиц с небольшим сроком содержания (до одного,

Рис. 22. Применение пыток и жестокого обращения

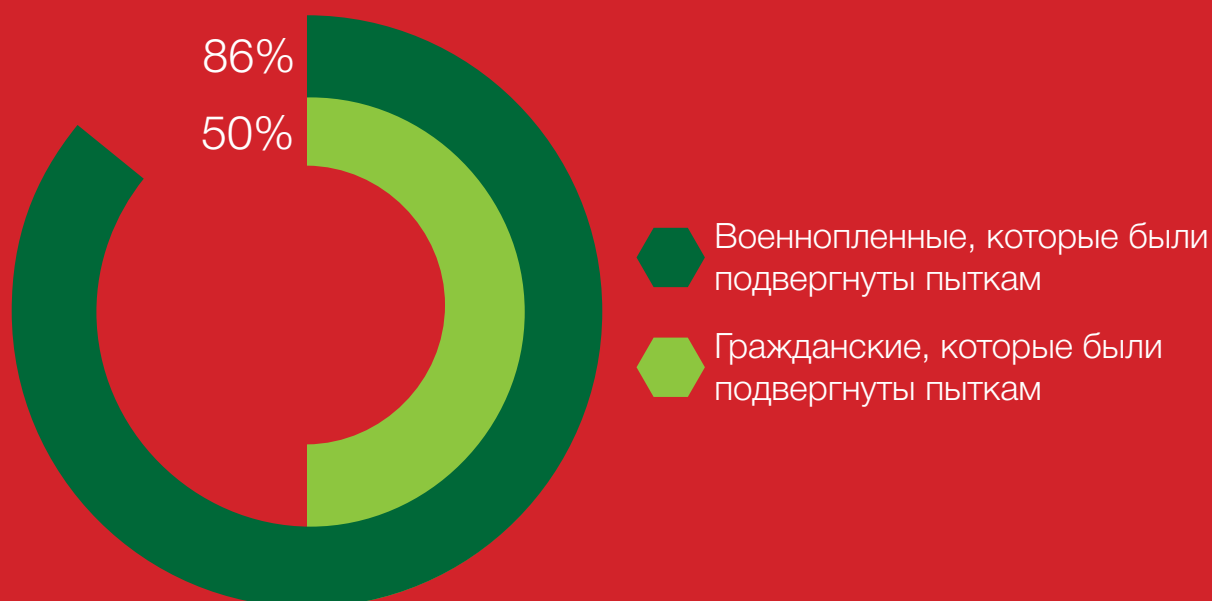

Рис. 23. Регулярное применение пыток и жестокого обращения

максимум — двух дней);

- 26% военнослужащих и 12% гражданских лиц, которые имели инвалидность или полученные травмы и увечья;
- лица преклонного возраста — 7% гражданских лиц (количество вычислялось в случае, если респондент отдельно на это указывал при ответе на данный вопрос).

Пытки и жестокое обращение применялись также и к женщинам, которые составляют 12% от всех подвергшихся пыткам гражданских лиц. Две из них во время пребывания в местах несвободы были беременными, о чем представители незаконных вооруженных формирований, несомненно, знали. В результате пыток и избиений одна из них потеряла ребенка.

«Я просила меня не бить, говорила, что беременна. Они сказали, что «очень хорошо, что украповский ребенок умрет». Нас били всем, чем угодно: и прикладами, и ногами, и бронжилетами, которые нашли у нас. Били по всем частям тела. Об меня тушили бычки. Мне, потому что я смотрела и кричала, когда избивали других, завязали скотчем глаза. Я на тот момент была на третьем месяце беременности, и в результате избиений у меня началось кровотечение. Я потеряла сознание [...]» (С-83).

Важно отметить роль российской прессы. Не менее 3% военнослужащих и 2% гражданских лиц во время интервью отметили, что под угрозой пыток и избиения были вынуждены отвечать на вопросы так, как этого требовали представители незаконных вооруженных формирований, близкие к ним местные и российские журналисты. За «неправильный» ответ угрожали пытками. Для гражданских лиц такое интервью также было одним из условий освобождения.

«Нас принуждали отвечать на вопросы журналистов так, как они просили, под страхом издевательств. Непосредственно меня в октябре-ноябре 2014 г. допрашивали представители «Пятого канала» Санкт-Петербурга. Они спрашивали, почему украинская артиллерия стреляет по мирным городам. Мне запретили отрицать этот факт. Поэтому я объяснил, что наша артиллерия стреляет по местам дислокации боевиков. Я не видел этого интервью. О личностях журналистов ничего не могу сообщить» (С-32).

«... Я должна дать интервью. Как они выразились, это мой билет на свободу. Они должны сесть со мной, заучить, что я буду говорить. Они мне это все напишут на листочке. Мы тебе напишем, мы тебе покажем. Ты же понимаешь, как важно, чтобы люди знали правду, какая Украина плохая и какая замечательная Россия, какая замечательная «ДНР»» (С-100).

Для удобства изложения материала описание пыток и жестокого обращения разделено на разные виды.

Фото 51. Принудительная пресс-конференция пленной Дарьи Соколовой для российских СМИ

В то же время представители незаконных вооруженных формирований широко практикуют их комбинирование, поэтому само разделение достаточно условно. Для оценки зависимости применяемого обращения от категории заключенных не хватает полноты информации. В то же время уже сейчас можно сказать, что повышение уровня жестокости зависело от присутствия одного или нескольких факторов:

- наличия политических взглядов относительно поддержки государственного суверенитета («политические»),
- наличия статуса добровольца («добровольцы»),
- принадлежности к определенной военной специальности или к определенным родам войск (снайперы, пулеметчики, артиллеристы),
- характеристики самого незаконного вооруженного формирования,
- течения вооруженного конфликта (понесенных потерь со стороны «ЛНР» и «ДНР») и др.

Стоит отметить, что особые гарантии, которые предоставляет определенная профессия для гражданских лиц, не влияли на смягчение пыток (так, были зафиксированы жестокие допросы журналистов, священнослужителей и т.п.).

Опрашиваемые лица часто становились непосредственными свидетелями пыток других людей в их присутствии или в зоне видимости/слышимости, что вызывало их сильное моральное страдание. На это указывают 100% всех опрошенных военнослужащих, то есть даже те, которые, по их свидетельствам, не были подвергнуты пыткам, а также 46% гражданских лиц. О внесудебных расстрелах и смерти в результате пыток, непосредственными свидетелями которых стали сами опрашиваемые лица или удерживаемые вместе с ними, свидетельствуют 33% военнослужащих и 16% гражданских лиц.

Наименее изученной категорией преступлений является сексуальное насилие в отношении незаконно удерживаемых лиц. Так, ни одна из опрошенных женщин не указала, что стала жертвой изнасилования. В

то же время в целом ряде показаний задержанных лиц мужского пола содержатся указания на то, что во время пребывания в местах несвободы им стала известна информация о применении такого рода насилия в отношении задержанных женщин, полученная как от них самих, так и от других содержащихся мужчин, охранников, в качестве якобы достоверных фактов.

Особое внимание стоит обратить на так называемые «парады военнопленных», которые являются ничем иным, как формой пыток и жестокого обращения с военнопленными с целью причинения им физической боли и нравственных страданий. Эти «парады» представляют собой принудительный вывод и шествие военнопленных на центральной площади города, сопровождаемые проклятиями и агрессивными действиями местной публики. Особенностью такой формы обращения с взятыми в плен людьми является ее зрелищность, ориентация на СМИ и публику для дополнительного унижения чести и достоинства людей; большое количество пленных, которые подвергаются издевательствам; превращение пленных в беззащитную мишень для экзекуций со стороны агрессивных представителей населения, которым пленные представляют как тех, «кто убивал мирных жителей». Представители незаконных вооруженных формирований снимают на фото и видео сам процесс шествия военнопленных и выкладывают его на многочисленных видеоплощадках. В то же время за кулисами этих видео остаются избиения и пытки, которые происходят на такого рода мероприятиях и о которых рассказывают освобожденные пленные.

Ниже приведены развернутые примеры. Сразу бросается в глаза показательная безнаказанность та-

кого рода обращения. Несмотря на то, что буквально несколько опрошенных отметили, что некоторые старшие по иерархии запрещали пытать и бить пленных, им самим не было известно ни об одном случае наказания за такое поведение, кроме случая наказания за изнасилование, и то лишь относительно только одного из группы лиц, которые совершили это преступление (С-116).

ИЗБИЕНИЕ

«Все охранники били пленников часто. В подвале чаще всего били тогда, когда приносили пищу и воду. В процессе пребывания в коридоре меня постоянно сильно били, в особенности, если конечности выходили за пределы шкафа, куда я их прятал от побоев» (С-2).

«Однажды в помещение вошел навеселе один из боевиков, который начал обвинять меня в том, что я работаю на СБУ. После моих объяснений, что это не так, он начал бить меня пистолетом по голове, руками и ногами, в результате чего из раны на голове начала течь кровь. Он угрожал меня застрелить, вывел из камеры и начал стрелять у ног, но ни разу не попал» (С-15).

«Минут 20 били. Мешок на голову надели. Парни рассказывали, что этот «Ботаник» вытянул пластину из бронезилета, и хотел ей отрубить мне голову. Но я этого не помню. Я очнулся уже в блиндаже. Это длилось около часа, ствол в рот пихали били прикладом, «Ботаник» кричал: «Скальп буду снимать», но его не пустили, я так понял, что он совсем «безбашенный» был, они его сами уже начали оттягивать» (С-56).

Рис.24. Лица, к которым в меньшей степени применялись пытки и жестокое обращение

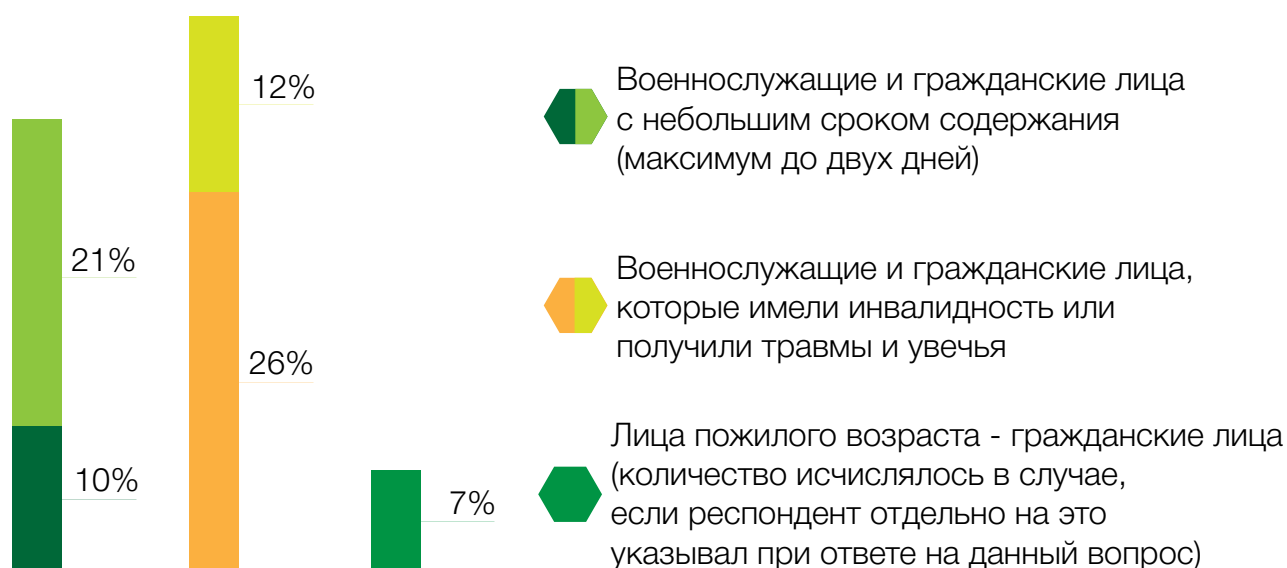

Фото 52-55. Последствия пыток, совершенных в подвале Управления СБУ в Донецкой области, Донецк, ул. Щорса, 62¹⁵

ПНЕВМАТИЧЕСКОЕ ОРУЖИЕ

«Меня истязал террорист «Адреналин». Он стрелял в меня из пневматического пистолета в левую руку, спину и кисть правой руки. Пули остались в моем теле. Через некоторое время пули вытащил из моего тела мой товарищ ***, который имел навыки оказания медицинской помощи» (С-48).

«В процессе содержания в Донецком СБУ меня пытали. Пытки заключались в том, что охранники, которые охраняли нас в здании СБУ в Донецке, неоднократно выводили и издевались. Били дубинкой по спине и ногам, стреляли из травматического оружия по рукам, от плеч к пальцам, имитировали расстрел. В результате пыток у меня почернела спина и ноги сверху донизу. У меня были разбиты все пальцы на обеих руках. Я не мог ходить несколько дней» (С-32).

УДУШЕНИЕ

«*** первые дни избивали нормально. Он человек пожилой, два инфаркта было, такой больной. Его не то что до полусмерти избивали, но для пожилого человека сильно, конечно. Его вызывали на допрос, и я думал, что он оттуда не придет. Там такие пред-

посылки были. Когда он с допроса приходил и у него были шрамы от сигарет (сигареты о него тушили) и противогаз ему надевали, перекрывали воздух и пугали, что долго и нудно будет умирать» (С-49).

«Душили. Делали «слоника» — надевали противогаз и перекрывали кислород, били прикладами автоматов»(С-1).

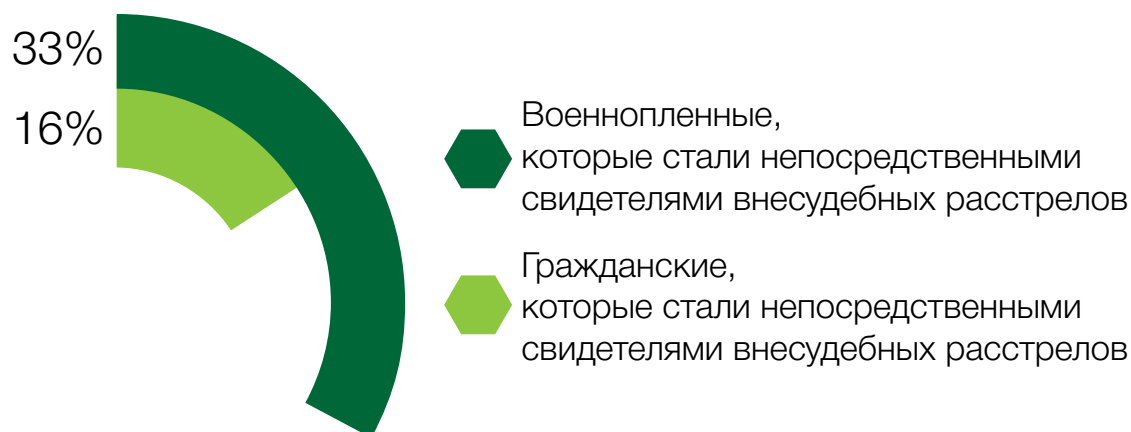
ХОЛОДНОЕ ОРУЖИЕ И ИНЫЕ СРЕДСТВА

«Давили плоскогубцами пальцы на руках, резали ножом спину. Умышленно проткнули ногу ножом, сильно истек кровью. Также били в разные части тела шокером. На ноге остался шрам, в качестве доказательства есть видео¹³» (С-49).

«Среди этих трех, которые были в плену у Женского батальона, двое были кастрированы, по их словам (один из них сейчас живет во Львове). Кастрацию проводили показательную перед другими пленными» (С-19).

¹³ Брошенный своими раненый нацгвардеец. – 18 июня 2014 // <https://www.youtube.com/watch?v=y8qeFQvnX0Y>

Рис.25. Внесудебные расстрелы и смерти в результате пыток

«Знаю, что на передовой сильно издевались над ***. У него на груди вырезали ножом слово «бендера» и зарезали. Он погиб. Он долго лежал, не в морге, около двух недель. И потом его обменяли как 200-го, «Айдару» отдали» (С-49).

«У них было оружие. Они применяли к нам физическую силу. Угрожали и огнестрельным, и холодным оружием. Имели охотничий нож с кровостоком. Но я не хочу говорить, что они делали» (С-87).

«Маньяку была предоставлена отдельная комната — пыточная. В пыточной, соответственно, пытали людей. На стене висел щит, я думаю, что раньше это был пожарный щит. На нем висели различные орудия пыток: куски пластиковых труб, молоток и топор» (С-63).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ВОДЫ, ЭЛЕКТРИКИ В КАЧЕСТВЕ СРЕДСТВ ПЫТКИ

«Мне поламали ребра, все тело черное. Били во время или между допросами. Руками, ногами, оружием. Пытали — подключали к электричеству. Наручниками к металлической кровати, на руки провода и регулировали ток. В голову, половые органы — металлическим прутом. Избивали шомполом. Подвешивали к потолку. Обливали холодной водой на морозе. Все, кто сидел со мной в Донецком СБУ, 42 человека, в той или иной степени были избиты и подвержены насилию» (С-46).

«Избиения все время. Когда прикладом, когда ину-ром питания компьютера, раздевали и били по спине, по ногам, рассекая кожу. Удары руками, ногами, но это так, это мелочи. На второй день, кажется, использовали электричество, только не шокер, а оголенные провода. Это один раз было, я просто чуть не умер, и поэтому они перестали ими бить. По-моему, это просто два оголенных провода и вилка, подключенная в розетку. Мне к животу касались этими проводами» (С-86).

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РАЗЛИЧНЫХ СРЕДСТВ ДЛЯ ПЫТОК

«Всех били и наносили телесные повреждения. *** приехал воевать за сепаратистов, однако ему не по-

верили и посчитали его «укропским шпионом». *** тоже постоянно избивали. Места для двоих было очень мало. По его словам и словам сепаратистов, ему просверлили дрелью анальное отверстие» (С-2).

«Ориентировочно 11 мая в коридор кинули двух братьев из Алчевска — N и T. Им вменяли то, что они проводили фотосъемку секретных объектов. Один из них упал на меня, у меня порвались наручники. N забил палками в ящик, а T все это время наблюдал за происходящим. Далее сепаратисты унесли N для того, чтобы похоронить. Мы поверили. При этом нас вывели из помещения и сказали, что ведут на расстрел. Но расстрела не последовало. Впоследствии оказалось, что он жив, потому, что он находился в том подвале, куда нас привели» (С-2).

«Меня, когда доставили в ИВС, человек, который допрашивал, «Дмитрий Сергеевич», зачем-то заставил выпить упаковку валидола, потом еще шесть капсул барбовала. По-моему, он как-то рассчитывал по весу. Спросил, как с сердцем, я сказала, что иногда пошаливает. Он ответил: «Ну, если до завтра доживешь, пообщаемся». Потом зачем-то заставил выпить три литра воды и съесть буханку хлеба. Но, слава Богу, начался обстрел, буханка практически осталась целой. Действия свои «Дмитрий Сергеевич» не пояснил» (С-93).

«Единственное было такое, что кто-то не из состава врачей, потому что всех врачей к этому времени я уже знала — это четыре врача, которые сменяются сменами, кто-то другой, мне вкололи какой-то препарат, мне после него было очень плохо. Мне сказали: «Мы тебе колем сыворотку правды». Я этого человека больше никогда не видела» (С-90).

ИНСЦЕНИРОВАНИЕ РАССТРЕЛОВ

«Он заставил меня сносить батареи и сейф со второго этажа к его грузовику. В процессе работы он оставил меня и сказал, что сейчас расстреляет и дал мне минуту на молитвы. После чего он сказал, что пошутил» (С-15).

«К нам применяли имитацию расстрелов. Мы сидели в комнате, и дневальный нам сказал: «На выход».

Фото 54-57. Последствия пыток, совершённых пророссийскими НВФ в захваченном Управлении СБУ в Луганской области.

Выводили во двор и ставили к стенке лицом к автоматчикам. 10-12 автоматчиков в черных балаклавах готовились стрелять. Перед расстрелом, наверное, старшина этого расстрельного батальона зачитывал нам приговор с листочка: «Именем Донецкой народной республики вы приговариваетесь к расстрелу [...]» и фамилии. Стреляли из АК поверх голов, хаотично, боевыми, потому что, сыпалась штукатурка и вылетали гильзы, потом смеялись. Первый раз вывели на расстрел после допроса Захарченко, поэтому было страшно, потому что мы понимали, что никому уже не нужны. В первый день имитаций расстрелов было три, во второй — один под вечер, в третий — утром и вечером, на четвертый день звали, но поняли, что мы уже не боимся, потому отменили» (С-19).

ПЫТКИ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ПРИСУТСТВИИ ИЛИ ЗОНЕ ВИДИМОСТИ/СЛЫШИМОСТИ

«Место содержания находилось рядом с местом пыток — процесс пыток был слышен, и это давило на психику» (С-26).

«Однажды я слышал, что привезли двух военнопленных, бросили их в подвал. Я не знаю, что они там с ними делали, но они там очень сильно кричали. Вечером, часов в девять, их привезли, и до часов четырех я не мог заснуть от их криков. Так кричали, что волос дыбом становился. Потом слышал, что их достали, притащили ко входу в наш гараж. Слышал, как разговаривали, куда их девать. Сказали, что в расход. Я так понял, что они их тащили, и слышно было, что падают тела. Их забросили в машину и увезли куда-то» (С-49).

«Слышал, как пытали других. Один был прикован наручниками, с завязанными глазами. У меня щелка была приоткрыта, я видел его немного, он был с кастрюлей на голове. По кастрюле били. Он кричал: «Убейте, только не бейте больше»» (С-3).

«Много случаев, все находившиеся в подвале военкомата (по моим оценкам — 40–50 человек одновременно, но постоянно происходила ротация), постоянно подвергались пыткам и избиениям со стороны боевиков. В ночное время суток от звуков избиений и пыток я не мог спать. Заснуть удавалось часам к шести утра» (С-116).

СЕКСУАЛЬНОЕ НАСИЛИЕ

«Ко мне в камеру «подселили» девушку ***, 23 года, которая мне пожаловалась, что ее регулярно ночью насиловали пьяные боевики. Я пожаловался одному из более-менее адекватных охранявших меня людей. Позже боевики «ЛНР» арестовали насильничавшего *** боевика (одного из них), избили, повесили на шею табличку «Я — насильник» и отвели на пл. Ленина города Алчевск¹⁴» (С-116).

Фото 58. Обращение с взятыми в плен военными¹⁸

УГРОЗЫ, УНИЖЕНИЕ, ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ДАВЛЕНИЕ

«Развлечением в «Оплоте» было, например, гранату к пленным в бокс бросить. Она не взрывалась» (С-37).

«Каждый вечер к нам приходили рядовые военные, которые там жили на этаже, бросали бутылками, обзывали, угрожали расстрелами, говорили: «Бандера, выходи, стрелять тебя буду!». Это часто могло продолжаться до полуночи и действовало негативно морально. Физически они не могли к нам подойти, потому что сетка разделяла» (С-19).

«Я простоял под взведенным автоматом, ничего делать и передвигаться не позволялось. Запугивали оружием. Вводили автомат и приставляли к виску, в карман засовывали гранату» (С-24).

«Каждый же на пересменке заглядывал и грозился, что зайдет, то ухо отрежет, то еще что-то, угрозы были каждый день. У меня в документах были на две машины техпаспорта, я им техпаспорта предлагал, чтоб забирали и чтоб нас выпустили. Не соглашались. Потом уже подумал: «Что там того уха». Говорил: «Забирайте ухо и машины — и мы пойдем». На меня посмотрели, как на дурачка, прикладом ударили и все» (С-3).

«У меня вероисповедание ислам, по этому поводу были дополнительные оскорбления и унижения» (С-46).

ЛИШЕНИЕ СНА

«В подвале СБУ спать не позволяли вообще, всегда был включен свет. Если человек засыпал, его били палками и электрошокером. В дальнейшем, если задержанный хорошо вел себя, ему позволяли немного поспать» (С-7).

«В подвале СБУ спать не позволяли. В ИВС так же не разрешали, били, поднимали, не давали лежать» (С-6).

¹⁴ UkrInfNews UkrInfoNews. Алчевск, ополченцы выявили насильника. — 25 вересня 2014 р. // <https://www.youtube.com/watch?v=zd40cVZGEjs>

ЛИШЕНИЕ ПИЩИ И ВОДЫ

«Среди них был и ***, которого я пыталась как-то чуть-чуть покормить, так как Корниевский запретил ему давать есть. Он хотел, чтоб *** умер от голода» (С-83).

ПЫТКИ КАК НАКАЗАНИЕ, КОЛЛЕКТИВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ

«Запрещали шуметь в камере. Однажды, когда в уголовной камере начали очень шуметь из-за жары и требовать что-то сделать, охранники зашли туда и произвели автоматную очередь, сказать, погиб ли кто, не могу» (С-1).

«Однажды я не понравился одному террористу, и меня начали бить больше всех. Также террористы принуждали нас к тяжелым физическим нагрузкам — по 200 раз присесть, по 100 раз отжаться, качать пресс. Заставляли всех: и старых, и больных, кто не делал — били дубинками, прикладами» (С-32).

«Заходили после отбоя, если было шумно, и били задержанных, применяли электрошокеры. За все время ко мне однажды применили электрошокер, когда кто-то из новых задержанных произвел шум, зашли охранники и меня ударили электрошокером, хотя я спокойно лежал на столе, притворившись спящим» (С-33).

ЗАВЯЗЫВАЕМЫЕ ГЛАЗ, ПРИКОВЫВАНИЕ, ДРУГИЕ СПОСОБЫ ЖЕСТОКОГО ОБРАЩЕНИЯ

«В помещении, где я содержался, было четыре человека «пленных», в гражданском, прикованные наручниками друг к другу и к металлической цепи. Сколько они там пробыли и относительно причин их задержания, мы не общались» (С-20).

«Глаза и руки были завязаны все время (в течение месяца), даже ели мы с завязанными руками и глазами» (С-7).

«Я был прикован, поэтому перемещаться по помещению возможности не было» (С-3).

«Также с нами в камере сидели ребята, которые попали в плен к чеченцам в Степановке, их два дня стоя держали в яме и время от времени бросали сверху камни, от чего ребята получали повреждения: разбиты головы, брови» (С-31).

«Те, что сидели у чеченцев, рассказывали, что их держали в комнате, где они все время находились в полусогнутом состоянии» (С-19).

ВНЕСУДЕБНЫЕ РАССТРЕЛЫ, УБИЙСТВА

«Ребята потом рассказывали, когда я был в плену, прошел где-то месяц, там везде караулили, но люди есть люди, стали понемногу общаться, когда началь-

ство не видит, рассказывали, что был такой «Ботаник», прозвище рассказывали, что он убил нашего «Свободовца», он отсидел семь лет в тюрьме, сам с Запорожья, и когда начинались там движения, поднялся Майдан, он хвастался, что зарезал нашего человека из «Свободы»» (С-56).

«Бойцы «Донбасса», *** и ***, рассказывали мне, что сразу после сдачи в плен террористы заставили бойца «Донбасса» родом из Донбасса выкопать себе могилу у дороги, а затем расстреляли его. Кто этот боец, и кто его расстреливал, я не знаю. Охранники говорили, что начальник охраны Донецкого СБУ «Адреналин» замучил бойца ВСУ, и этот боец умер в больнице» (С-32).

«Около 20 августа 2014 года я слышал крики из соседней камеры. Потом я узнал, что человека пытали до смерти. Я вообще ничего не знаю об умершем, также я не знаю, кто его пытал. Утром труп завернули в одеяло. От своего сокамерника *** я узнал, что потом труп похоронили на городской свалке в районе города Александровска, где именно — не знаю. Он (священник) ездил хоронить замученного человека» (С-55).

«Во время содержания в райотделе милиции в Снежном был свидетелем убийства. Где-то неделю я уже находился в плену. Ночью местного жителя притянули на территорию. Как собаку, за привязанную к ногам веревку. Избитого. В почти бессознательном состоянии. На руках наручники. Мы подумали, то был наш. Но заходит к нам заместитель руководителя. Тот Серый ... или Сергей ... Вызывает во двор и приказывает строиться в две шеренги. С соседнего гаража тоже вышли. Указывает на мужчину и обвиняет в мародерстве. Пристегнули наручниками мужчину к той клетке, где нас с первого дня держали. Били. Мужчина уже был без сознания. Оставили прикованным к клетке. Нам приказали разойтись по баракам (гаражам). На следующий день мы давали мужчине пить и немного есть. Он говорил по-русски.

Фото 59. «Парад» военнопленных, г. Донецк, август 2014 г.

Рис. 26.

Лица, к которым применялись допросы

Рис. 27.

Лица, к которым применялись пытки

Но нам запретили к нему подходить. Пригрозили, что устроят нам то же, если осмелимся. На третий день после той ночи мужчина скончался. Мы приехали из работ, а его уже нет на том месте. Пленные, которые оставались на месте, сказали, что умер» (С-80).

«ПАРАДЫ» ВОЕННОПЛЕННЫХ»¹⁵

«Но когда нас привезли в здание областного СБУ в Донецке, на месте нас ждали российские СМИ LifeNews (я не видел этого репортажа) и толпа разъяренных людей, которые начали бить, кричать. Когда нас заводили в подвал, тоже сильно били руками, ногами по всему телу. Кто именно нас бил в тот момент, я не помню. В течение первой ночи нас постоянно выводили по одному или по несколько человек и били, угрожали расстрелом. Кто именно это делал, я не помню» (С-32).

«Нас подняли в 4:00 утра, примерно час-полтора мы постояли во дворе, потом нас погрузили в автобус и привезли, как мне кажется, в помещение облгосадминистрации. Там мы пробыли несколько часов, и примерно в 12–13 часов дня нас, 53 человек, построили по три в колонну и повели по городу. Привели к месту, где собралась огромная толпа, примерно 3000 человек, которые кричали, бросали бутылки, яйца, муку,

Фото 60-61. «Парад» военнопленных, г. Донецк, январь 2015 г.

помидоры. Хотя мы шли в «коробке», нас по сторонам вели, но люди все равно прорывались. *** получил удар кастетом в область грудной клетки, позже он мочился кровью. Мне в ногу попала бутылка. Было страшно, казалось, что люди готовы нас разодрать. В это время к нам стали подходить сепаратисты и агрессивно спрашивать, кто мы, откуда, обвинять нас в обстрелах, бить, плевать, снимать на телефоны. У меня шла кровь из уха, были разбиты губы, синяки. Другим ребятам ломали ребра ***, а *** сломали вторую челюсть. Каждый из нас по несколько раз от ударов бился о стену головой. Узнав, что я снайпер, меня начали бить еще жестче, хотели вырезать глаз, приставили нож к зенице. И они бы это сделали, но их сдержал человек, который вышел из штаба и

¹⁵ Пленные украинской армии стоят перед жителями обстрелянного города 29.08.2014, Снежное // <https://www.youtube.com/watch?v=aB1fyhrjENU>

Рис. 28. Процент использования допросов среди лиц, которые подвергались и не подвергались пыткам

100%

военнослужащих и гражданских
лиц отмечают отсутствие
возможности получить
правовую помощь

отогнал их, сказав, что мы им нужны живые и здоровые. В конце нам связали руки, забрали шнуровки. После этого мне попали ногой в копчик. Я не видел случаев казней, но слышал, что перед «парадом» военнопленных одному отрубили голову, ничего больше об этом случае сообщить не могу». (С-31).

ТОРГОВЛЯ ЛЮДЬМИ

«Через какое-то время ко мне в камеру пришли, сказали, что повезут на расстрел. Меня куда-то потащили. Как оказалось, нас с *** вывозили на продажу. *** сказал, что, скорее всего, в Ростовскую область. Нас очень долго везли — часов шесть. Мы переезжали границу. Меня и *** везли в какой-то высокой машине с завязанными руками, ногами. Глаза тоже были завязаны. Нас везли в кузове и с нами были два чеченца и еще кто-то третий. Они нас конвоировали. Чеченцы постоянно говорили, что «хоть она и наша (мусульманка)..., но ее однозначно надо убивать». Я думала, нас везут убивать, но нас хотели продать в рабство. Однако сделка сорвалась по непонятной причине» (С-83).

ДОПРОС

Задержанные гражданские лица и военнопленные во время содержания проходили через процедуру, которую весьма условно можно назвать «допросами». Такие допросы применялись к 86% опрошенных военнослужащих и 63% опрошенных гражданских лиц. Из них количество людей, которые подвергались регулярным допросам, то есть были допрошены более двух раз, составляет 68% военнослужащих и 39% гражданских лиц.

Продолжительность и частота допросов отличаются. Сами допросы могли происходить с перерывами. Как правило, этот процесс сопровождался избиванием, пытками и психологическим давлением. О пытках во время допросов свидетельствуют 65% военнослужащих и 67% гражданских лиц. Из них получили увечья и телесные повреждения различной тяжести 58% военнослужащих и 53% гражданских лиц. В процессе допроса использовались разнообразные методы: избивания, применение электрошокеров, удушение («слоник» — надевание противогаза и перекрывания кислорода), простреливание конечностей и частей тела, нанесения колющих и резаных ран, имитация расстрела, угрозы пытками, угрозы нанести вред родным, в частности, детям и т.д.

Стоит отметить, что из всей совокупности людей, которые не были подвергнуты пыткам, допросы проводились для 40% военнослужащих и 35% гражданских лиц, из них через регулярные, то есть более двух раз, допросы прошли 20% военнослужащих и 0% гражданских лиц. Зато количество подвергшихся пыткам людей, которых допрашивали, составляет 94% военнослужащих и 90% гражданских лиц, из них через регулярные, то есть более двух раз, допросы прошли 68% военнослужащих и 48% гражданских лиц.

Объединяет все эти допросы то, что во время их проведения 100% военнослужащих и гражданских лиц не имели возможности получить какую-либо правовую помощь. Стоит отметить, что она не предоставлялась в 100% случаях и для лиц, которые не проходили через процедуру допросов.

«Суда не было, был трибунал НКВД. Рассматривался вопрос, оставить меня в живых или расстрелять. Как позже мне рассказали знакомые, голоса распределились 50 на 50. В составе трибунала был штаб «ДНР», «Васильевич» и боевики, которых я не знаю» (С-81).

В ряде случаев допрос проводился только с целью пытки человека, при этом не было никакого намерения получить от него какой-либо информации. Так, отдельные опрашиваемые отмечали, что им ставили общеизвестные вопросы или требовали наговаривать на себя очевидные глупости.

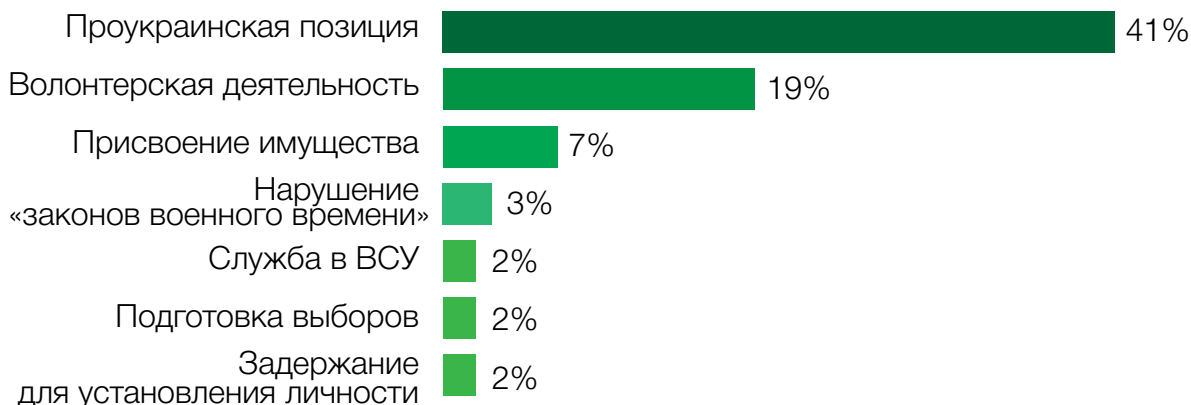
Зафиксированы случаи завязывания глаз, надевания балаклавы и заклейки глаз скотчем во время допросов и избиваний; от лент, которыми были завязаны глаза, остались раны. Ниже приведены несколько примеров проведения «допросов» с ответов респондентов:

«Допрос проводился в достаточно жесткой манере. То, что били — это понятно. И спину резали ножами, шокер достали, стреляли. Я терял сознание, меня приводили в сознание, опять очнусь, потеряю. Помню такие яркие моменты. Очень сильно морально давили. Каждый прибегал и предлагали какие-то действия — давай то сделаем, убежал, прибежал другой — давай то сделаем. Некоторое из озвученного исполнялось. Потом один говорит, давай-те мы его кастрируем, начали снимать штаны с меня. Потом передумали. Потом один говорит, давай-те ему ногу отрежьте, вогнали нож в ногу, и я потерял сознание, и много крови вышло» (С-49).

«Били во время или между допросами. Руками, ногами, оружием. Пытали — присоединяли наручники к металлической кровати, на руки провода и регулировали ток. Оголенный провод подсоединяли к голове, телу, половым органам. В голову, половые органы направляли металлический прут под электрическим током. Избивали шомполом по всем частям тела. За руки подвешивали к потолку. Обливали холодной водой на морозе» (С-46).

«В начале первого допроса запугивали меня, рассказывали, как с девушек, которых я видел в подвальном помещении (специально мне их показали), снимут кожу. Угрожали изувечить меня и мою семью. Когда меня допрашивали, то избивали кулаками, локтем по голове, по хребту, по печени; также били ногами, прижигали сигаретами. Били как во время допросов, так и в камере. Много раз забегали с автоматами и

Рис. 29. Обвинения, выдвигаемые гражданским лицам на допросах

имитировали расстрел, ставили к стенке в качестве устрашения» (С-1).

«Меня привели в комнату журналиста. Я помню, что комната вся была в засохшей крови — потолок и стены. Меня били четвером. По всем частям тела. Особенно ногами в грудь. Рыжий находился в состоянии алкогольного опьянения. Он снял берцы и начал бить меня пяткой в левый висок. Я помню, что меня били около 15 минут, затем потерял сознание. Я очнулся в другой комнате. Это был бывший холодильник. Потолок из плитки. Я лежал на голом полу. Пришел фельдшер. Фельдшер срезал резиновые завязки, которые стягивали мои руки. Время от времени холодильник открывался. Заходили какие-то люди, кто именно — не знаю, и пинали меня ногами — проверяли, жив ли я. Меня не кормили, воды не давали, в туалет не выводили. Холодильник был герметичным. Воздуха хватало на несколько часов. Света не было вообще. Выяснилось, что у меня переломаны два ребра с правой стороны, сильные ушибы мягких тканей головы с левой стороны, у меня опухла правая нога в районе голеностопного сустава. Так я пролежал три дня» (С-55).

Были случаи, когда забивали насмерть во время допросов, о чем свидетельствуют задержанные.

«В интернете опубликовали, что в Стаханове задержали проукраинских активистов, после этого стало только хуже. Начались более жесткие побои. Больше всего доставалось «политическим» (людям, которые проявляли симпатии к государственному суверенитету Украины) и футбольному болельщику «Зари». Одному разбили голову, а еще одного — Александра — убили во время допроса, так как якобы наши у него дома во время обыска «флешку» с координатами позиций боевиков. Его забили до смерти во время допроса. Как конкретно, я не знаю. Есть люди, которые тоже знают об этом случае, но без их согласия я их называть не буду» (С-26).

«При мне в Луганске в соседнем помещении застрелили человека. Кого — не знаю. Я только слышал процесс расстрела. Расстреливали людей на базе «Оплота» на Полиграфической. Кого — не знаю» (С-46).

Информация, которую спрашивали, зависела от статуса заключенного и причин его попадания в место заключения. Это могла быть активная общественная деятельность, ведение местного бизнеса, нарушение комендантского часа, служба в Вооруженных силах Украины и др. Военнослужащих часто спрашивали об их службе, откуда они, из какой части, информацию о руководящем составе и вооружении добровольческих батальонов и Вооруженных сил Украины. Обращение с допрашиваемым отличалось в зависимости от рода войск. Самое плохое отношение было к членам добровольческих батальонов, к снайперам, артиллеристам. Зафиксированы случаи попыток вербовки военнослужащих с использованием различных методов.

«Зависело от того, за что были задержаны. Хуже всего относились к проукраински настроенным. Я подслушал, что задержали одного мужчину-предпринимателя, который переслал деньги украинской армии. Держали отдельно. Его хотели кастрировать. Пытали. Видел его личные вещи в луже крови. После этого не видел его и о его судьбе ничего не знаю» (С-73).

«В том же помещении СБУ была еще одна тюрьма — в подвале (мы называли ее «яма»). Знаю об этом, потому что один из пленных (имени не помню) был там несколько дней. Там были гораздо худшие условия. Удерживали в подвале добровольцев, в частности, добровольческого батальона «Донбасс». Этого человека посадили к нам, но подозревали, что он не военный, а доброволец, поэтому забрали на низ. Вернулся он где-то через три дня весь синий. На нем не было ни одного целого места» (С-87).

«Меня, как простого солдата, во время допросов сильно не били и не ставили важных вопросов. Спра-

шивали общие личные данные. Очень сильно били ребят, которых подозревали в связях с «Правым сектором»; тех, кого считали разведчиками, гранатометчиками, минометчиками, снайперами. Из них пытались выбить важную информацию. Мы все поголовно ввали, будто мы — медики, резервисты, шоферы. Никто не признавался, потому что последствия были бы еще хуже. Поломали бы руки, ноги» (С-73).

Обычной практикой было требование открыть доступ к социальным сетям и электронной почте человека. Зафиксированы случаи, когда из сломанных социальных сетей и электронной почты от имени пленного назначались встречи, требовалась определенная информация и тому подобное. Очень часто на допросе звучали обвинения в причастности к националистам, бандеровцам, «Правому сектору», разведчикам или корректировщикам огня, в участии в саботаже (неприсоединении к незаконным вооруженным формированиям, искусственном создании продуктового дефицита в городе для дискредитации батальона «Призрак» и т.п.). Гражданских лиц, занимавшихся общественной деятельностью, расспрашивали об организации мирных акций за единство Украины и об их участниках, о печатаньи и способе распространения листовок, о связях с другими активистами, учеными, журналистами. Узнавали информацию о расположении украинских блокпостов и их вооружении. Отдельно интересовали вопросы денег и имущества задержанных (банковские документы, денежные переводы, платежные карточки), контакты с родственниками, которые могли заплатить выкуп.

Всем пленным военнослужащим Вооруженных сил Украины служба в армии выдвигалась в качестве обвинения. Гражданским лицам во время допросов выдвигались более разнообразные обвинения. Так, 41% был обвинен в проукраинской позиции, 2% — в службе в Вооруженных силах Украины, 19% упрекали в занятии волонтерской деятельностью, 3% нарушили «законы военного времени» (например, комендантский час), вопросы к 7% свидетельствовали о намерении присвоить себе имущество и деньги, 2% были обвинены в участии в подготовке выборов, 2% были задержаны для установления личности.

Иные виды обвинений можно условно разделить на следующие категории:

- запрещенные действия: участие в событиях Евромайдана, фотографирование на мобильный телефон стратегических объектов — стадиона «Донбасс Арена», кафе;
- статус лица: «баггист и проданся американцам», сотрудничество с украинским режимом, подозрение в том, что муж женщины является украинским военнослужащим, регистрация в Киеве;
- поддержка государственного суверенитета: измена Родине по статье 58 Уголовного ко-

декса СССР, преподавание в университете на украинском языке, выход с украинским флагом на площадь;

- пассивность в помощи незаконным вооруженным формированиям: подрыв деятельности «ДНР», действия против граждан «ЛНР», саботаж, неоказание помощи «защитникам», искусственное создание продуктового дефицита, дискредитация батальона «Призрак»;
- вымогательство: невыплата пайщикам арендной платы, подозрение в квартирном рейдерстве;
- работа в информационной сфере: предоставление интервью украинскому телевизионному каналу, проверка журналиста на «нормальность», нанесение обиды «русской журналистике»;
- бытовые доносы: доносы родных или соседей, ссора с женой;
- привлечение к определенным действиям: нужно опознать человека, нужен для обмена задержанными украинской стороной;
- без причины: не объяснили, пытались придумать причину.

Ниже несколько развернутых примеров обвинения, которые звучали во время допросов.

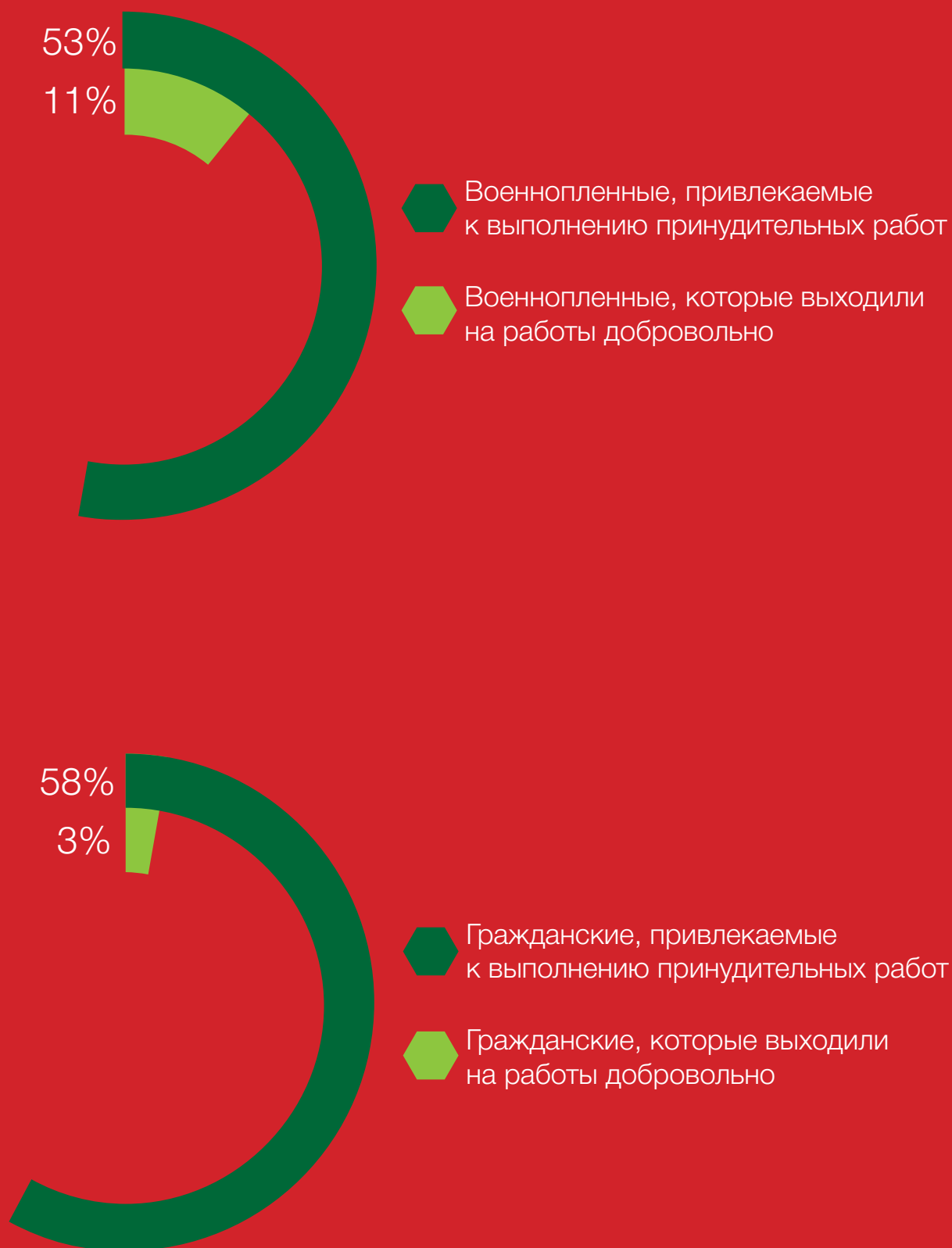
«Я переписывался «В контакте» с российским журналистом с «Радио Ностальжи». Пытался доказать ему, что окрестности станции Луганской обстреливают с территории России. Поэтому помечал на гугл-карте места, откуда стреляют российские «Грады». Сделал скриншот и сохранил на рабочем столе. Боевики нашли этот файл и начали спрашивать, зачем мне эта карта, обвинили меня в том, что я наводчик. Спрашивали, какую информацию и кому я передавал, какое отношение я имею к третьей силе. Я объяснил ситуацию, но они мне, конечно, не поверили. И продолжали пытаться» (С-55).

«Задал вопрос: почему в такое тяжелое для Алчевска время пью пиво по ночам, а не защищаю свою Родину, в то время как они должны рисковать своей жизнью для того, чтобы мне хорошо жилось. Я ему ответил, что не понимаю, от кого защищать свою Родину, что вызвало злость: «Ах, не понимаешь, тогда мы тебе завтра объясним»» (С-30).

«Прежде всего спрашивали, откуда связи с вражеской прессой. Кто навел, кто дал контакт. Личные данные. Первый допрос был до встречи с О. Мозговым. Как я понял, кто-то из жителей донес на меня, что я дал интервью «112» каналу. У удерживающих меня лиц сначала не было видеозаписи интервью, они его сами не видели. Во время допроса искали мое интервью в интернете. Они его нашли и отнесли показать Мозговому. Потом было общение с Мозговым. Он спрашивал: «Как ты мог так поступить? Мы же за

Рис. 30.

Применение принудительных работ

вас тут воюем. Я за это видео готов был тебя разорвать» и тд. Сказал, чтобы меня вывели из кабинета, и он решил, что со мной делать» (С-10).

«Спрашивали, почему отказываюсь сотрудничать с новой властью, почему не воюю за «ЛНР», обвиняли в саботаже, угрожали расстрелом за укрыительство имущества, необходимого армии «ЛНР», нарушении мне неизвестных «законов военного времени». Во время допроса запугивали, что расстреляют по законам военного времени, заберут все имущество, дети останутся без отца и т.д. «Законы военного времени», на которые ссылались боевики, мне неизвестны, с их положениями я ознакомлен не был, кто и когда их принял — не знаю, но почему-то подразумевалось, что я их обязан знать» (С-38).

«У меня неоднократно спрашивали адрес прописки, спрашивали, на сигнализации ли дом, кто живет в доме, что я делал на Майдане, кто отправлял меня туда, просили контакты людей, которые были на Майдане. Когда я признался, что состою в «Батькивщине», спрашивали, кто руководил «Батькивщиной» в целом, кто руководил избирательными штабами. Много спрашивали о семье, из-за чего я очень переживал, так как жена занимала активную проукраинскую позицию» (С-21).

Зафиксирован случай допроса женщины вместе с ее шестилетним ребенком, которых продержали в плену несколько дней: «Сразу попросил телефон, начал смотреть контакты, фотографии. Спросил мои данные, адрес. Что-то записывал на листе бумаги. Затем спрашивал за моего мужа, правда, что он пошел воевать в рядах ВСУ; по его словам, так сообщили соседи. На что я ответила, что он уехал к родственникам искать работу. Не верил, уточнял, куда. Я сказала, что в Украину. Он занервничал, начал на повышенных тонах рассказывать, что мы все предатели родной земли. «Мы, — говорит, — кровь за них проливаем, а они к фашистам бегут». Потом «казак» сказал, что они проверят информацию по моему мужу и потом решат, что будут с нами делать» (С-60).

Практика фиксирования результатов допроса довольно разная. Часто допросы не фиксировались вообще. Количество людей, которые отмечали, что в их случаях допрос (или хотя бы один из их серии) фиксировался каким-либо образом (фото, видео, письменно) составляет 87% среди военнослужащих и 54% среди гражданских лиц. Но стоит отметить, что в подавляющем большинстве случаев речь не идет о проведении фиксации допроса в понимании уголовно-процессуального права. Только несколько респондентов отметили, что подписывали протокол.

Часто протоколы писали на обычной бумаге или делали себе пометки в блокнотах, одновременно опрашиваемые не имели возможности ознакомиться с содержанием записей. Некоторых людей заставляли писать

автобиографию (по несколько раз), заполнять анкеты с вопросами типа: «Вы против фашизма?» или «Если после освобождения к Вам в родной город придут ополченцы, Вы им поможете в том, в чем они нуждаются?»». В этот процент попали и допросы, и избиения, которые фиксировались на мобильные телефоны или камеры, а также так называемые «селфи» с допрашиваемыми. Как правило, судьба таких записей неизвестна.

«Допрашивали несколько раз во время задержания, удерживания и конвоирования к месту постоянного содержания, а также непосредственно на этом объекте, где я сидел в гараже и подвале. Во время допросов постоянно избивали, и я то падал в обморок, то приходил себя. Во время допросов спрашивали об общеизвестных фактах (где стоит «Айдар», и другое). Мне показалось, что они сами не знали, о чем спрашивать. Снимали на видео, но я не помню, сколько именно времени и что именно снимали. Фрагменты этой съемки выложили в интернет, а также транслировали на российских каналах¹⁶» (С-49).

Допросы проводили члены незаконных вооруженных формирований (идентифицированы по нашивкам и камуфляжной форме), военные неизвестных вооруженных сил, неизвестные люди в штатском. Некоторые из них представлялись, например, контрразведкой т. н. «ЛНР». Отдельных людей, которые проводили допросы, можно было узнать с учетом появления о них информации в прессе, например, о Захарченко, Топазе и тому подобных. Среди лиц, которые проводили допросы, отдельно следует отличать тех, которых сами респонденты называли военнослужащими Вооруженных сил Российской Федерации. По словам респондентов, они либо представлялись (например, офицер ФСБ России), либо их можно было идентифицировать по наличию шевронов Вооруженных сил Российской Федерации, по их разговорам (они называли город проживания в России), принадлежностью к определенному народу (чеченцы) и др.

Отдельных лиц, которые проводили допросы, с высокой долей вероятности можно признать бывшими работниками государственных правоохранительных органов на местах, в частности, милиции, СБУ, прокуратуры. Были случаи, когда потерпевшие узнавали их, поскольку ранее контактировали с ними. Более детально об этом идет речь в разделе V.

Стоит обратить внимание на допросы и пытки задержанных на территории Украины людей, которые проводились на территории Российской Федерации. Принимая во внимание незначительное количество анкет, нельзя сделать объективный вывод о распро-

¹⁶ «Ополченцы» взяли в плен 8 бойцов батальона «Айдар». – 19.06.2014. // <http://rutube.ru/video/da917c01602eade6f5883508fc667590/>

Батальон Айдар разгромлен! Ополченцы взяли в плен восьмерых. 19.06.2014. // <https://www.youtube.com/watch?v=Irwol9BGeSE>

Рис. 31. Привлечение раненых и больных к принудительным работам

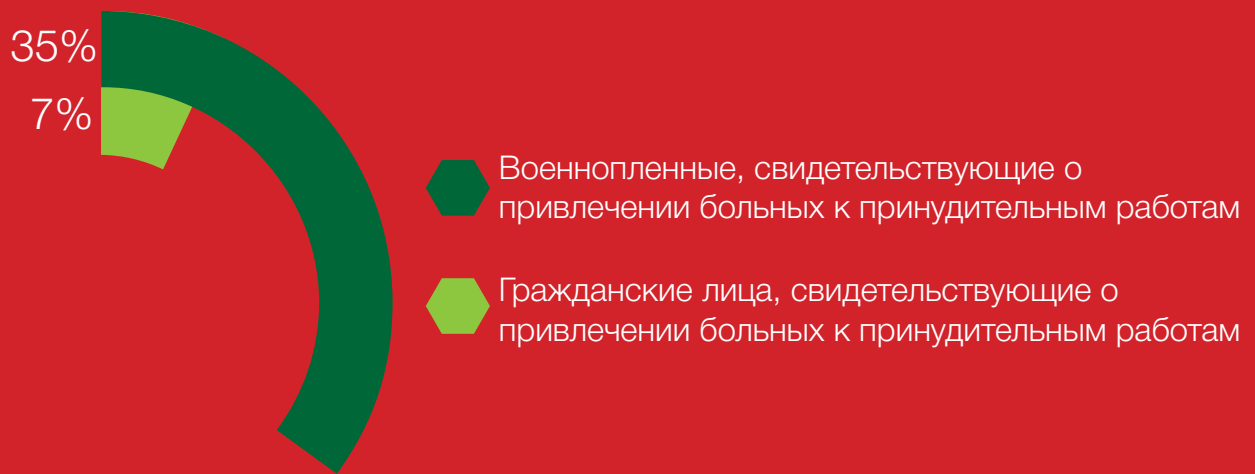
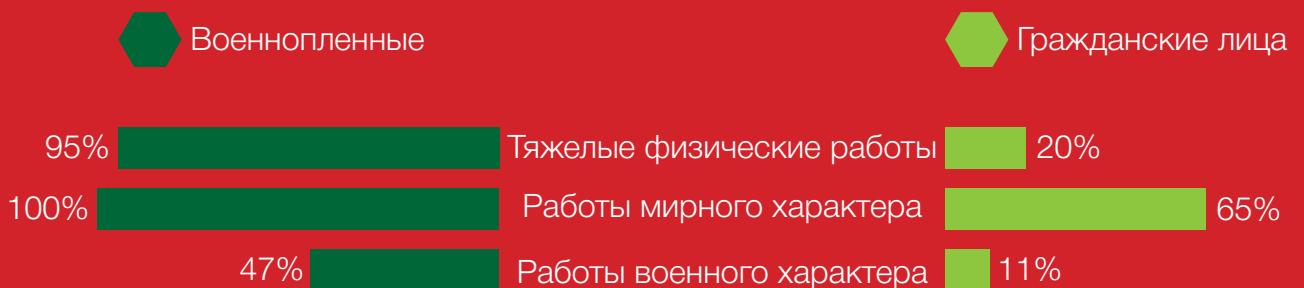

Рис. 32. Категории больных и ослабленных гражданских лиц, привлекаемых к принудительным работам

Рис. 33. Типы принудительных работ, к которым привлекали пленных

странности такой практики. В то же время такие зафиксированные случаи свидетельствуют о прямой связи незаконных вооруженных формирований т. н. «ЛНР» и «ДНР» с государственными органами Российской Федерации.

*«Когда нас привезли в Перевальское ДК к Козицыну 23.07.2014, они меня узнали — видели меня по российскому ТВ, как я на Майдане выступал. Кулек на голову надели, перевязали рот кульком, связали руки с ногами, начали жечь ноги, лупить по ребрам. Били все, руками, ногами, прикладами, три ребра сломали. Журналист *** и *** сидели смотрели на стульях, а я валялся в углу. Это было в клубе при входе. Меня так били, что я мочился под себя. И им потом от этого запаха, от этого всего было противно бить, и это было мне помощью. Зажигалкой ноги жгли, электрошокером били, глаза выдавливали, рот раздирали, крест в задний проход заталкивали. Избили хорошенько, потом каждый заходил, считал за честь пнуть ботинком, берцем. Я валялся в углу около суток. Потом нас повезли в Россию. В кузове машины тоже били. Потом уже в каком-то РУВД на допросе били. После восьми дней содержания там надели пакет на голову, связали, перевезли в Луганск, в областное СБУ. Встретили, избили сильно, отвели в камеру. Волокли меня, как тряпку. В камере был холодильник нерабочий, закинули меня туда, чтобы я содох. 1,5 суток меня там держали, в темноте, связанного, с мешком на голове. Боевики его описали, чтобы мне «было легче». Раз в сутки приходили, ногой стукнут, живой? Живой. Под себя мочился 1,5 суток. Через 1,5 суток пришли, сказали, выпустите его из холодильника, и я уже был в камере» (С-62).*

ПРИНУДИТЕЛЬНЫЕ РАБОТЫ

В неофициальных местах несвободы т.н. «ЛНР» и «ДНР» практикуется применение принудительных работ, что отмечают как гражданские лица, так и военнопленные. Согласно результатам опроса, о привлечении к выполнению принудительных работ заявили 53% военнослужащих и 58% гражданских лиц. Только 11% военнослужащих и 3% гражданских лиц отметили, что они, как правило, выходили на такие работы добровольно, потому что это была едва ли не единственная возможность найти поест, облегчить свое пребывание в заключении и тому подобное.

«Почти у всех постоянно была высокая температура. Но нас все равно брали больных на принудительные работы. Если уже была сильная боль, могли оставить. Я оставался даже несколько раз. У некоторых очень сильно болели зубы» (С-73).

«Меня не выводили. Они тех, кто мог как-то передвигаться, возили на работы. Там или разгружаешь что, или ... » (С-89).

Среди тех лиц, кого не принуждали к принудительным работам, можно условно выделить следующие категории:

- те, кто имел небольшой срок содержания (до одного, максимум двух дней): 27% военнослужащих и 50% гражданских лиц;
- те, кто имел инвалидность или полученные травмы и увечья: 36% военнослужащих и 8% гражданских лиц;
- лица преклонного возраста: 8% гражданских лиц;
- женщины: 12% гражданских лиц.

Зато эти же категории были привлечены и к выполнению принудительных работ. Об этом свидетельствуют не менее 35% военнослужащих и 7% гражданских лиц, которым, по их словам, в результате полученных травм, увечий или инвалидности было трудно выполнять поставленные задачи; 11% гражданских лиц, которые были привлечены к принудительным работам, несмотря на небольшой срок содержания (до одного, максимум двух дней), 3% женщин, включая беременных, 3% гражданских лиц пожилого возраста (количество вычислялось в случае, если респондент отдельно на это указывал при ответе на данный вопрос).

«Сказали нагрузить 40 мешков с песком. У меня больные ноги, и мне это было очень проблематично выполнить. Но появилась женщина и сказала, что будет нам помогать. Вооруженные люди в масках ее гонят, а она все равно хочет помогать нам. Только благодаря той женщине нам удалось нагрузить эти 40 мешков. Если бы не она, наверное, не выпустили бы нас» (С-76).

Работа заключенных была разнообразна. Они рыли окопы, восстанавливали дома, убирали улицы, переносили грузы, разгружали так называемые «русские гумконвой», в которых перевозилось оружие. Так, 95% военнослужащих и 20% гражданских лиц отметили, что выполняли тяжелые физические работы, 100% военнослужащих и 65% гражданских лиц также (часто параллельно) привлекались к выполнению работ мирного характера, 47% военнослужащих и 11% гражданских лиц участвовали в работах военного характера. Отдельное внимание стоит обратить на принудительное привлечение к разминированию неподготовленных для этой работы людей. Также заключенных заставляли проводить эксгумации, раскапывать и хоронить погибших. Опрашиваемые люди отмечали, что такая работа доставляла сильные нравственные страдания и оказывала негативное влияние на физическое здоровье.

«Обычно это были тяжелые физические работы: строительные (ремонт домов местного населения и магазина), сбор металлолома в пользу одного из охранников и сдача его в пункт приема. В воскресенье пленных заставляли разгружать «гуманитарный груз» из белых грузовиков — снаряды для систем «Град», за день могли разгрузить 10-15 тонн «гуманитарки» — снарядов (ИВС города Снежное)» (С-37).

«Нас выводили на работу. В здании ОГА (в разных кабинетах, каких именно — не помню) мы грузили в пакеты документы, как я понимаю, касающиеся «Партии регионов», затем выносили их во двор. Во дворе их сжигали. За каждый день я выносил около 100 мешков. Во дворе ОГА разгружали ящики с оружием и патронами. (Что именно там было, я не знаю, но ящики были очень тяжелыми.) Нас вывозили в отель «Империал» (адрес не знаю), находится в районе Острой могилы. Мы грузили в отеле мебель и технику в будку. Эти вещи везли в ОГА, там мы их разгружали и устанавливали в кабинетах. Так боевики устраивали себе рабочие места. Думаю, что это было во второй половине августа 2014 года» (С-55).

«Как и говорил раньше, двух девочек, *** и ***, заставляли мыть от крови автобус, в котором возили тела погибших. Я знаю, что «Кубрак» порезал этих девочек ножом. Точно знаю о порезах шеи, но, наверное, еще были порезы на спине (более точно я не могу описать). Мне это рассказывала сама ***» (С-21).

«Регулярно вывозили на общественные работы в город Иловайск (уборка мусора, рытье могил на территории кладбища города Иловайска для погибших сепаратистов, строительные работы), также были хозяйственные работы по заявкам жителей Иловайска (они нас за работу обязывались кормить). Заявку коменданту Иловайска имели право подать жители города с указанием работы и требуемого количества людей. Под конвоем нас туда направляли» (С-40).

«Нас возили в Дебальцево собирать боекомплект. Это было 9–11 марта. Я видел блокпосты, собирали снаряды, мины, патроны. Поехали на остановку. Там лежало 27 ящиков танковых снарядов (54 шт.). Пооставляли наши при отступлении много БК, техники. Я видел землеройную машину, которую гнали ополченцы, оставленный БТР. Нас также возили в Донецкий аэропорт по 20 человек. Мы доставали тела погибших киборгов из-под завалов. При мне было найдено одно тело и несколько фрагментов. Я читал молитвы над этим местом. Совершил панихиду, прочитал заупокойную молитву» (С-67).

Количество часов, отведенных на принудительные работы, зависело в основном от места содержания. Отношение к пленным зависело в значительной мере от охранников, иногда — от конкретной смены. В показаниях освобожденных людей немало упоминаний об избиении и жестоком обращении во время выполнения работ. Так, об этом вспоминают 42% военнослужащих и 11% гражданских лиц, которые были вынуждены выполнять принудительные работы.

«За работающими пленными всегда следили, но плотность контроля зависела от личности охранника — сначала за всеми следили очень тщательно, а потом, когда поняли, что пленные не совершают попыток к бегству, ослабили контроль, выражалось это в

том, что охранник не всегда держал палец на курке, направляя оружие на работающих, а мог отойти на несколько метров и отдохнуть, наблюдая за пленными. Причина того, что пленные не пытались убежать, заключалась в том, что им было сообщено, что за каждого одного беглеца будут расстреляны десять пленный. Подобные случаи были в соседнем Торезе, поэтому они не могли взять на себя такую ответственность за жизнь товарищей» (С-37).

«Нас охраняло 3–4 человека с автоматами РПК, СКС и АК-47, парни по 15 лет. Был один жестокий, который бил прикладом каждый раз, когда мы во время работы останавливались отдохнуть на пару минут. У него отобрали приклад и дали дубинку. С другими — ничего, устал — сел, куришь» (С-98).

«Несколько раз была работа на границе с Россией, в Марьинке, она была похожа на «показуху», поскольку большое количество пленный выполняло бессмысленные задачи. Так, приказывали носить кирпичи на расстояние 10–20 м., но таким образом, чтобы военные и гражданские лица, проезжая со стороны России на украинскую территорию, могли видеть унижение пленный и их боевой дух поднимался» (С-37).

«Следователь отдал их с сопровождением, типа, это «укропы», можете с ними делать, что хотите. Им руки связали, лицом вниз в машину, привезли со связанными руками. Заставляли — бетонные столбы в руки и бегом...» (С-93).

«Работу осложняло то, что на каждой остановке городского транспорта на столбах были ретрансляторы, которые все время по кругу громко транслировали советские патриотические песни, а по субботам — детские песни. Все это влияло негативно на психику, создавалось впечатление, что мы заблудились и находимся в СССР» (С-37).

ВЫВОДЫ ПО РАЗДЕЛУ

На территории т.н. «ДНР» и «ЛНР» распространена практика пыток и жестокого обращения с незаконно удерживаемыми гражданскими лицами и военнопленными. Эти действия тщательно организованы, связаны между собой и происходят во всех неофициальных местах несвободы. Данное явление носит системный и масштабный характер, что демонстрирует существование сознательной политики на осуществление пыток и жестокого обращения с задержанными. Эти действия являются ничем иным, как военными преступлениями незаконных вооруженных формирований, которые требуют детального расследования по каждому эпизоду.

Большинство задержанных гражданских лиц и военнопленных во время содержания проходят через процедуру, которую только условно можно назвать «допросом». Довольно часто она сопровождается из-

биением, пытками и психологическим давлением. В процессе допроса используются разнообразные методы: избияния, применение электрошокеров, удушение («слоник» – одевание противогаза и перекрывания кислорода), простреливание конечностей и частей тела, нанесения колющих и резаных ран, имитация расстрела, угрозы пытками, угрозы нанести вред родным, в том числе детям и т.д. .

Гражданских лиц чаще всего обвиняют в том, что они занимают проукраинскую позицию, служат в Вооруженных силах Украины, занимаются волонтерской деятельностью, нарушили «законы военного времени», например, комендантский час, пассивны в оказании помощи незаконным вооруженным формированиям и тому подобное. Ряд вопросов свидетельствует об умысле представителей незаконных вооруженных формирований просто присвоить себе имущество и деньги удерживаемого лица. Для всех военнопленных

служба в Вооруженных силах Украины выдвигается как официальное обвинение, к этому же относится и работа в органах внутренних дел.

В неофициальных местах несвободы т.н. «ЛНР» и «ДНР» практикуется применение принудительных работ, о чем отмечают как гражданские лица, так и военнопленные. Удерживаемые лица роют окопы, восстанавливают дома, убирают улицы, переносят грузы, разгружают так называемые «русские гумконвои», в которых перевозилось оружие. Практикуется привлечение к тяжелой физической работе и к работам военного характера. Часть заключенных заставляют проводить эксгумации, раскапывать и хоронить погибших. Отношение к пленным зависит в основном от охранников, иногда от конкретной смены. В показаниях освобожденных людей немало упоминаний об избиянии и жестоком обращении во время выполнения работ.

ВЫВОДЫ

По результатам изучения различных источников информации, в том числе показаний потерпевших, мы должны констатировать, что на территории, подконтрольной т.н. «ДНР» и «ЛНР», не соблюдаются нормы какой-либо системы права. Задержание, принижение в жилище и другие ограничения прав человека являются массовыми, происходят без какого-либо разрешения и без процессуальных гарантий, предусмотренных как национальными, так и международными нормами права. Во время задержаний массовыми являются случаи пыток, жестокого обращения, неоправданного применения средств фиксации и оружия. При этом боевики незаконных вооруженных формирований и представители квази-государственных силовых образований (органов безопасности, милиции, комендатур и т.д.) отличаются особой жестокостью по отношению к гражданскому населению. Нередки случаи задержания женщин и издевательств над ними, в том числе над беременными и людьми пожилого возраста.

В ходе исследования удалось получить информацию о 79 местах несвободы на неподконтрольной украинскому правительству территории Донецкой и Луганской областей, которые можно идентифицировать по адресу или по подробным описаниям. Тем не менее, показания потерпевших указывают на существование более широкой сети неофициальных мест содержания под стражей, через которые прошли не менее 2 763 лиц, освобождение которых зафиксировано украинскими органами власти по состоянию на 1 октября 2015 года.

Отдельной категорией в неофициальных местах содержания являются военнослужащие ВСУ и бойцы добровольческих батальонов, подавляющее большинство которых было захвачено в плен при непосредственном участии военнослужащих вооруженных сил Российской Федерации, при этом они подвергались жестокому обращению во время конвоирования.

Помещение человека в неофициальное место содержания автоматически лишает его всех гарантий защиты от жестокого обращения, ведь указанные места остаются вне какого бы то ни было внешнего контроля.

В подавляющей своей части неофициальные места содержания под стражей не являются приспособленными даже для краткосрочного пребывания в них людей (подвальные помещения, канализационные шахты, автомобильные боксы). Свидетельства опрошенных указывают на массовые и системные нарушения прав задержанных лиц, среди которых, прежде всего, необходимо указать:

- отсутствие дневного освещения в местах несвободы;
- неработающие туалеты в местах несвободы, большое количество удерживаемых лиц в небольшом помещении;
- отсутствие мест для сна, поэтому сон на бетоне, на досках и др;
- дырявые стены и крыша в местах несвободы, что вызывало подтопления помещений в дождь;
- совместное содержание мужчин и женщин в одной камере;
- отсутствие или недостаточное количество воды и пищи;
- распространенная практика избиения и угроз смертью, физических и психологических издевательств в отношении задержанных гражданских лиц и военнослужащих.

Соответственно, сам факт пребывания человека в таких условиях может достигать уровня бесчеловечного или унижающего достоинство обращения в соответствии со стандартами Конвенции о защите прав человека и основных свобод и практики Европейского суда по правам человека.

Большинство задержанных гражданских лиц и лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте во время содержания проходят через процедуру, которую весьма условно можно назвать «допросами». Довольно часто она сопровождается избиением, пытками и психологическим давлением. В процессе допроса используются разнообразные методы: избиения, применение электрошокеров, удушение («слоник» — одевание противогаза и перекрыва-

ние кислорода), простреливание конечностей и частей тела, нанесение колющих и резаных ран, имитация расстрела, угрозы пыток, угрозы нанести вред родным, в том числе детям и т.д. .

Гражданских лиц при помещении в места несвободы чаще всего обвиняют в том, что человек занимает проукраинскую позицию, служит в Вооруженных силах Украины, занимается волонтерской деятельностью, нарушил «законы военного времени» (комендантский час, пассивность в оказании помощи незаконным вооруженным формированиям и т.п.). Ряд вопросов свидетельствует об умысле представителей незаконных вооруженных формирований просто присвоить себе имущество и деньги задержанного лица. Для всех лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте, служба в Вооруженных силах Украины выдвигается как официальное обвинение, также мотивом для обвинения является и работа в органах внутренних дел.

В 44% случаев руководящую роль в проведении допросов и организации охраны мест несвободы играли кадровые военнослужащие и наемники из Российской Федерации.

В целом, 86% опрошенных нами лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте, и 50% гражданских лиц были подвергнуты пыткам и жестокому обращению, что указывает на чрезмерную распространенность такой практики на территории т. н. «ДНР» и «ЛНР». Эти действия тщательно организованы, связаны между собой и происходят во всех неофициальных местах несвободы. Данное явление носит системный и масштабный характер и демонстрирует существование сознательной политики на осуществление пыток и жестокого обращения с задержанными. Эти действия являются не чем иным, как военными преступлениями незаконных вооруженных формирований, которые требуют детального расследования, по каждому эпизоду.

В неофициальных местах несвободы т. н. «ЛНР» и «ДНР» практикуется применение принудительных работ, что отмечают как гражданские лица, так и военнопленные. В основном это тяжелая физическая работа военного характера: рытье окопов, разгрузки т. н. «русских гуманитарных конвоев», в которых перевозится оружие; проведения эксгумаций, захоронения трупов с целью сокрытия последствий боевых действий. Отношение к пленным зависит, в основном, от охранников, иногда от конкретной смены. В показаниях освобожденных людей немало упоминаний об избиении и жестоком обращении во время выполнения принудительных работ.

«Персонал» мест несвободы, несмотря на наличие среди них лиц с военным образованием или профессиональной правоохранительной подготовкой, не способен обеспечивать соблюдение требований международного гуманитарного права, Европейских пенитенциарных правил, Минимальных стандартных правил обращения с заключенными. Одновременно часть свидетелей указывает на вовлечение несовершеннолетних юношей и девушек к выполнению функций охраны неофициальных мест несвободы, что зафиксировано на территории т.н. «ДНР».

Медицинский персонал, привлекаемый незаконными вооруженными формированиями т.н. «ДНР» и «ЛНР» к оказанию помощи лицам, лишенным свободы в связи с участием в вооруженном конфликте и задержанным, отсутствует в 2/3 мест несвободы. В остальных местах несвободы недостаточный уровень квалификации, ограниченные полномочия и ресурсы для назначения полноценного лечения, чем нарушаются требования Европейских пенитенциарных правил (2006 г.) и Женевских конвенций. Зафиксированы случаи сознательного участия медицинских работников в жестоком обращении с задержанными и лицами, лишенными свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

Ссылаясь на изложенное и учитывая признание Украиной юрисдикции Международного уголовного суда в отношении потенциальных военных преступлений и преступлений против человечности, совершенных на территории Украины с 20 февраля 2014 г., полученные результаты исследования могут также быть приняты во внимание относительно следующих зафиксированных нарушений международного гуманитарного права:

- применение неоправданной силы при задержании гражданских лиц;
- чрезмерное применение силы и чрезмерная жестокость в отношении отдельных категорий задержанных лиц;
- применение оружия как орудия для нанесения ударов при задержании гражданских лиц;
- чрезмерная сила и жестокость при конвоировании;
- несоблюдение каких-либо процессуальных гарантий, предусмотренных национальным законодательством и нормами международного права;
- непредоставление необходимой медицинской помощи;
- пытки со стороны медицинских работников;
- пытки и безнаказанные бесосновательные убийства людей.

РЕКОМЕНДАЦИИ

ГОСУДАРСТВУ УКРАИНА

1. Верховной Раде Украины принять законопроект №1788 от 16.01.2015 г., который предусматривает дополнение статьи 124 Конституции Украины следующим положением: «Украина может признать юрисдикцию Международного уголовного суда на условиях Римского статута Международного уголовного суда».

2. Верховной Раде Украины внести изменения в раздел XX Уголовного кодекса Украины «Преступления против мира, безопасности человечества и международного правопорядка» с целью гармонизации его положений с нормами международного уголовного права.

3. Верховной Раде Украины рассмотреть вопрос о ратификации Европейской конвенции о возмещении ущерба жертвам насильственных преступлений (ETS N 116, 1983).

4. Уполномоченному Президента по мирному урегулированию конфликта на Донбассе после получения отчета по результатам исследования передать данные по местам содержания Трехсторонней контактной группе по урегулированию ситуации на Донбассе для учета при обсуждении вопроса об освобождении лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

5. Министерству иностранных дел Украины использовать результаты исследования во время переговоров и международных встреч на всех уровнях по вопросам урегулирования ситуации на Донбассе с целью усиления позиции Украины и увеличения давления на Российскую Федерацию и руководство т. н. «ДНР» и «ЛНР» в вопросах освобождения лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

6. Правительству Украины создать межведомственную рабочую группу по контролю за соблюдением международного гуманитарного права и международного права в области прав человека на временно оккупированной территории Украины и в зоне проведения АТО с привлечением органов государственной власти, правоохранительных органов, представителей международных организаций.

7. Службе безопасности Украины совместно с Министерством обороны, Генеральной прокуратурой, Военной прокуратурой, Министерством внутренних дел, Министерством юстиции, Министерством иностранных дел для организации процесса сбора и фиксации необходимых доказательств совершения преступлений против человечности и военных преступлений создать координационную группу, которая среди прочего будет ответственна за подготовку материалов в Международный уголовный суд о совершении на территории Украины преступлений против человечности и военных преступлений организованными вооруженными формированиями, подконтрольными Российской Федерации.

8. Указанной координационной группе провести инвентаризацию уже имеющихся уголовных производств, которые могут содержать состав преступления, относятся к преступлениям против человечности или военных преступлений, в частности проверить заявления, касающиеся событий в Крыму и на востоке Украины, начиная с февраля 2014 г., и по каким-либо причинам не внесены в Единый реестр государственных расследований, проверить все заявления об исчезновении людей в указанных регионах, применить к таким производствам те же правила, предусматривающие специальную схему расследования и сообщения координационной группы. На основании полученной информации регулярно подавать обоснованные и надлежащим образом подтвержденные отчеты о зафиксированных преступлениях против человечности и военных преступлениях всем заинтересованным органам власти и международному сообществу.

9. Службе безопасности Украины совместно с Генеральной прокуратурой, Военной прокуратурой, Министерством внутренних дел организовать эффективное расследование преступлений о похищении и незаконном лишении свободы лиц на территории, временно подконтрольной Украине, а также разработать эффективную систему мер по освобождению заложников с территории, временно неподконтрольной Украине.

10. Службе безопасности Украины совместно с Министерством обороны, Генеральной прокуратурой, Военной прокуратурой, Министерством внутренних дел,

Министерством юстиции разработать программу рабочих мероприятий с целью предупреждения вербовки и использования детей в военных действиях, включая такие правовые меры, как усиленную уголовную ответственность за вербовку и использование детей в военных действиях.

11. Министерству здравоохранения урегулировать вопрос по оказанию помощи уволенным из плена гражданским лицам и военнослужащим, для чего разработать соответствующий приказ Министерства здравоохранения о бесплатном обследовании и оказании медицинской помощи таким лицам на территории Украины; создать психологическую службу для оказания психологической помощи лицам и семьям лиц, получивших психологическую травму и физические увечья в результате пребывания в плену.

12. Минсоцполитики совместно с Министерством здравоохранения, Министерством внутренних дел, Службой безопасности Украины разработать и подать на рассмотрение Кабинета Министров проект закона о защите прав и свобод гражданских пленных и членов их семей.

13. Министерству юстиции совместно с Министерством внутренних дел, Службой безопасности Украины предусмотреть предоставление правовой помощи лицам, пострадавшим от пребывания в плену, в подготовке заявлений в международные инстанции с целью надлежащего расследования дела и наказания лиц, допустивших нарушения закона, предусмотрев, при необходимости, меры физической безопасности бывших заложников и лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

14. Министерству информации совместно с Министерством иностранных дел ввести широкое информирование международного сообщества и дипломатического корпуса о необходимости немедленного освобождения гражданских заложников и лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте, которые насильно удерживаются в незаконных местах несвободы т. н. «ДНР» и «ЛНР».

ДРУГИМ ГОСУДАРСТВАМ И МЕЖДУНАРОДНЫМ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ

1. Признать организованные вооруженные формирования т. н. «ЛНР» и «ДНР» террористическими организациями с учетом использования ими насилия, включая летальную силу, против гражданского населения в качестве основного метода ведения вооруженного конфликта.

2. Применить все возможные дипломатические и экономические методы воздействия на Российскую Федерацию с тем, чтобы она прекратила ведение гибридной войны на Донбассе и поддержку незаконных вооруженных формирований т. н. «ЛНР» и «ДНР».

3. Признать Российскую Федерацию государством-оккупантом отдельных районов Донецкой и Луганской областей и ответственным за обеспечение прав человека на этих территориях

4. Постоянно требовать от представителей организованных вооруженных формирований т. н. «ЛНР» и «ДНР», а также Российской Федерации выполнения требований Минских договоренностей по «обмену всех на всех», публично осудить позорную практику взятия в заложники гражданских лиц, пыток, жестокого и бесчеловечного обращения с заложниками и лицами, лишенными свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

МЕЖДУНАРОДНЫМ ОРГАНИЗАЦИЯМ, КОТОРЫЕ ИМЕЮТ ДОСТУП К ТЕРРИТОРИЯМ, КОТОРЫЕ НЕ КОНТРОЛИРУЮТСЯ УКРАИНСКИМИ ВЛАСТЯМИ (СПЕЦИАЛЬНАЯ МОНИТОРИНГОВАЯ МИССИЯ ОБСЕ, МОНИТОРИНГОВАЯ МИССИЯ ООН В УКРАИНЕ, МЕЖДУНАРОДНЫЙ КОМИТЕТ КРАСНОГО КРЕСТА)

1. Немедленно осуществить посещение всех мест несвободы, выявленных в ходе исследования, с целью проверки фактов содержания людей в этих местах, предоставления лицам, лишенным свободы в связи с участием в вооруженном конфликте необходимой помощи. Все определенные места незаконного содержания должны быть детально изучены, «паспортизованы» и оценены с точки зрения документирования преступлений, совершенных незаконными вооруженными группировками на территории Украины.

РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

1. Немедленно прекратить финансовую, политическую, техническую, военную помощь организованным вооруженным формированиям т. н. «ЛНР» и «ДНР» и вывести свои регулярные военные части и военную технику с территории Украины.

2. Прекратить грубо нарушать государственную границу Украины и правила ее пересечения, несанкционированно перемещать через российско-украинскую границу грузы, оборудование, лиц, в одностороннем порядке изменять правила пересечения границы.

3. Расследовать все факты издания незаконных приказов об отправке российских военнослужащих для выполнения боевых задач на территории Украины и привлечь виновных к ответственности.

4. Провести эффективное расследование и привлечение к ответственности российских граждан, виновных во всех случаях похищений, насильственных исчезновений, избиений, пыток, убийств по политическим мотивам участников мирных акций за единство Украины, украинских военнослужащих, лидеров местных евромайданов, общественных активистов, журналистов и т.п. (в частности, руководителей незаконных

вооруженных формирований граждан Российской Федерации Игоря Гиркина — псевдо «Стрелков», Игоря Безлера — псевдо «Бес» и других).

5. Немедленно освободить всех похищенных с территории Украины и находящихся в Российской Федерации в связи с открытыми по политическим мотивам уголовными производствами украинских военнослужащих и гражданских лиц, в частности Надежду Савченко, Олега Сенцова, Александра Кольченко, Станислава Клич, Николая Каршюка и других.

6. Использовать свой контроль над организованными вооруженными формированиями т. н. «ЛНР»

и «ДНР» для немедленного освобождения всех гражданских лиц, которые незаконно содержатся на контролируемой ими территории Донбасса, а также немедленной передачи лиц, лишенных свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

7. Публично осудить практику организованной системы массовых похищений и пыток гражданских лиц, осуществляемой организованными вооруженными формированиями т. н. «ЛНР» и «ДНР» для установления контроля над регионом, а также пыток и негуманного обращения к лицам, лишенным свободы в связи с участием в вооруженном конфликте.

Информация о Коалиции общественных организаций и инициатив «Справедливость ради мира на Донбассе»

Коалиция является неформальным объединением 17 общественных правозащитных организаций и инициатив, большинство из которых — из Луганской и Донецкой областей. Она была создана с целью координации усилий участников объединения для согласованного документирования нарушений прав человека, которые имели место во время вооруженного конфликта на востоке Украины. Коалиция была создана 29 декабря 2014 г.

Принципами сотрудничества участников коалиции, закрепленными в Меморандуме, являются добровольность, ориентация на сотрудничество, равенство участников, беспристрастность и точность при сборе и распространении данных, законность, приоритет безопасности жертв и свидетелей нарушений прав человека.

Коалиция работает со своими официальными партнерами, такими, как ПРООН и Международный фонд «Возрождение», который принадлежит к сети Института открытого общества (OSI), за последний год расширила сотрудничество с правительственными институтами и международными партнерами.

В своей деятельности члены и партнеры Коалиции ставят задачу улучшить доступ к правосудию для лиц, которые наиболее пострадали от конфликта. Члены коалиции совместно создают базу данных, в которой собирается информация о нарушениях прав человека на востоке Украины в период вооруженного конфликта. Информация с этой базы данных будет использоваться для более эффективной правовой защиты нарушенных прав и возмещения причиненного вреда (в том числе

через обращение в Европейский суд по правам человека, механизмы международного гуманитарного права, систему отечественного уголовного и гражданского судопроизводства) для жертв, многие из которых являются внутренне перемещенными лицами или относятся к иным уязвимым категориям.

Важной задачей Коалиции является борьба с безнаказанностью лиц, виновных в грубых и системных нарушениях прав человека на Донбассе в ходе вооруженного противостояния. Члены Коалиции обеспечивают жизненно важную поддержку лицам, наиболее пострадавшим от конфликта, и способствуют их реинтеграции в украинское общество, тем самым обеспечивая свой вклад в восстановление мира и примирения.

Одной из первых совместных инициатив участников Коалиции стал поддержанный Хельсинским фондом прав человека (Варшава) проект, в рамках которого организации-члены совместно осуществили сбор показаний лиц, побывавших в незаконных местах несвободы, подконтрольных т. н. Луганской и Донецкой народным республикам. По результатам проведенной работы члены Коалиции подготовили мониторинговый отчет о нарушениях прав человека в незаконных местах несвободы, а также рекомендации по расследованию и пресечению выявленных нарушений прав человека, привлечению внимания международной общественности к описанным проблемам и привлечению к ответственности лиц, виновных в указанных нарушениях.

Больше информации о деятельности Коалиции доступно на сайте <http://jfp.in.ua>

В подготовке отчета принимали участие организации и инициативы — члены Коалиции «Справедливость ради мира на Донбассе»:

- Алчевский правозащитный аналитический центр
- Восточноукраинский центр общественных инициатив
- Гражданское движение «Очищение»
- Донецкий «Мемориал»
- Луганский областной правозащитный центр «Альтернатива»
- Общественная организация «Мирный берег»
- Общественный комитет защиты конституционных прав и свобод граждан
- Правозащитный центр «Поступ»/Восток SOS
- Старобельская общественная организация «Воля»
- Старобельская районная общественная правозащитная женская организация «Виктория»
- Украинский Хельсинский союз по правам человека
- Харьковская правозащитная группа
- Центр гражданских свобод/Евромайдан SOS
- Центр «Социальное действие»
- Эколого-культурный центр «Бахмат»

Научное издание

Белоусов Юрий Леонидович

Кориневич Антон Александрович

Мартыненко Олег Анатольевич

Матвийчук Александра Вячеславовна

Павличенко Александр Николаевич

Роменский Ярослав Владимирович

Швец Сергей Петрович

**ПЕРЕЖИВШИЕ АД: СВИДЕТЕЛЬСТВА ЖЕРТВ О МЕСТАХ НЕЗА-
КОННЫХ ЗАКЛЮЧЕНИЙ НА ДОНБАССЕ**

МОНИТОРИНГОВЫЙ ОТЧЕТ

Формат 60x84 1/8. Тираж 1000 пр. Усл. печ. лист. 6,8. Зак. № 1728

Издатель и изготовитель ООО «ЦП «КОМПРИНТ»

03150, Киев, ул. Предславинская, 28

Свидетельство о внесении в Государственный реестр
субъекта издательского дела ДК №4131 от 04.08.2011 г.